

Я ОТКРОЮ ТЕБЕ
СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

Я ОТКРОЮ ТЕБЕ СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРА ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

Перевод с аккадского

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

А
Н11

Составление
В. К. АФАНАСЬЕВОЙ и И. М. ДЬЯКОНОВА

Предисловие
В. К. АФАНАСЬЕВОЙ

Комментарии
В. К. АФАНАСЬЕВОЙ, И. М. ДЬЯКОНОВА,
И. С. КЛОЧКОВА и В. А. ЯКОБСОНА

Художник
Ю. Л. КОННОВ

© Перевод, предисловие, комментарии, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1981 г.

Я $\frac{70304-288}{028(01)-81}$ 98-80 4703000000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аккадская литература — так мы называем литературу Вавилонии и Ассирии — по своему происхождению тесно связана с литературой шумерской, равно как и многие другие проявления аккадской культуры связаны с культурой Шумера.

История древнего Двуречья вкратце может быть изложена так: к концу IV тысячелетия до н. э. шумеры, племена неизвестного этнического происхождения, освоили болотистую, но плодородную аллювиальную долину рек Тигра и Евфрата, осушили болота, справились с нерегулярными, а иногда катастрофическими разливами Евфрата, создав сложную систему ирригации, и образовали первые в Двуречье города-государства. Среди разнообразных достижений цивилизации, приписываемых шумерам, наиболее значительным следует признать изобретение в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. письменности. Шумерский период истории Двуречья насчитывает около полутора тысячи лет.

С самой глубокой древности соседями шумеров были восточные семиты-аккадцы, которые в III тысячелетии до н. э. заселяли северную часть Нижнего Двуречья и находились под сильным шумерским влиянием. Проявление собственно аккадской культуры мы можем засвидетельствовать не ранее, чем с середины III тысячелетия до н. э. Языком науки, религии, литературы в течение всего III тысячелетия оставался шумерский язык даже тогда, когда жители Двуречья полностью перешли на аккадский язык, а шумерский стал языком мертвым.

История Двуречья во II тысячелетии — это уже история пародов, говоривших на семитских языках; из них

наиболее значительную роль в первой половине II тысячелетия играли вавилоняне — народ, говоривший по-аккадски и образовавшийся от слияния шумеров и аккадцев. Наивысшего расцвета Вавилон достигает при шестом царе первой династии города Вавилона, Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.), но уже при последних царях этой династии Вавилония подвергается нашествию горных племен и приходит в упадок более чем на пятьсот лет.

Ассирия, с чьими памятниками связано наше первое знакомство с аккадской культурой, появляется на исторической арене как объединенное государство примерно в XIV веке до н. э., а в конце IX века до н. э. становится могущественнейшим государством Передней Азии, распространившим свое влияние на части Малой Азии и Ирана, на Восточное Средиземноморье и, одно время, даже на Египет.

Последние страницы истории Двуречья снова связаны с Вавилоном — вавилоняне вместе с соседями-мидийцами в конце VII века до н. э. наносят сокрушительное поражение ассирийской державе. Однако в 538 году до н. э. Вавилонию уже завоевывают персы. Разговорным языком Вавилонии в конце первого тысячелетия до н. э. делается арамейский, на нем ведутся деловые документы и частная переписка, как писчий материал вводится пергамент. Но клинопись, письмо на глиняных табличках, по-прежнему остается господствующей в городах Двуречья; самые поздние клинописные тексты датируются первыми годами н. э., и аккадский язык остается языком литературы. О верности старым литературным традициям говорит хотя бы тот факт, что еще в IV веке до н. э. сочиняются ритуальные тексты на аккадском языке, не говоря уже о переводах литературных и учебных текстов. По-прежнему создаются произведения и на шумерском языке, правда, в большинстве случаев они сопровождаются подстрочным аккадским переводом.

Значительная часть литературных клинописных текстов, как шумерских, так и аккадских, попала к нам из

дворцов ассирийских царей, главным образом из знаменитой библиотеки царя Ашшурбанапала (669 — ок. 636 гг. до н. э.) в Ниневии, столице Ассирии, а также из ряда провинциальных библиотек. Но почти все дошедшие до нас аккадские памятники являются образцами не ассирийской, а вавилонской литературы, то есть произведениями, созданными вавилонскими авторами, написанными на вавилонском диалекте аккадского языка, или же созданными в подражание им. Исключений из этого правила очень немного. Ассирийской литературы, как таковой, практически не было. Единственными, по-настоящему самобытными памятниками ассирийской литературы являются царские надписи, но и они, кроме анналов царей IX века до н. э., написаны на вавилонском литературном языке, лишь с некоторыми местными диалектальными особенностями.

От аккадской литературы более чем за две тысячи лет ее существования нам досталось обширное наследие — многие сотни клинописных табличек. Тут и рассказы о сотворении мира, о создании людей из глины, о всемирном потопе, о героических подвигах обожествленных царей, исторические надписи реальных правителей, восхваляющие их деяния, гимны и молитвы богам, заклинания, гадания, предсказания, притчи, пословицы, поговорки. Только большинство текстов дошло до нас в обломках, полностью сохранившихся произведений очень немного. Поэтому одной из первых задач ассириологов было и по нынешний день остается — опознание отдельных фрагментов и составление из многих мелких частей единого связного текста. К счастью, почти все тексты каждого памятника неоднократно копировались древними вавилонскими писцами, что значительно облегчает труд по их идентификации и реконструкции.

Можно ли определить, какой частью вавилонского литературного наследия мы обладаем? Такие попытки производились: например, американский ассириолог Л. Ош-

пенхейм произвел расчет, опираясь в своих вычислениях на размеры библиотеки Ашшурбанапала. Из писем царя к храмовому управляющему в городе Борсиппе, Шадуну, известно, что Ашшурбанапал повелел создавать копии текстов, которые он собирал по всем землям своей державы, для того чтобы составить царскую библиотеку в Ниневии. Можно предположить, что библиотека Ашшурбанапала являла собой наиболее полное собрание традиционных текстов своего времени. В ней находилось более семисот сочинений. Двести из них следует обозначить термином «научные» (словари, грамматические тексты, перечни терминов, списки отдельных клинописных знаков и идеограмм, математические задачи), более трехсот составляют разного рода тексты гаданий и предсказаний (в специальной литературе они именуются «омина»). На долю памятников, которые мы могли бы назвать «литературными» (в узком смысле этого слова), приходится немногим более двухсот текстов. Мы, вероятно, обладаем, целиком или в виде фрагментов, примерно третьей частью аккадских литературных произведений, бытовавших в первом тысячелетии до н. э. Другая попытка определить состав аккадской литературы состояла в том, чтобы сравнить сохранившиеся литературные тексты со списками дошедших до нас названий в древних каталогах. Каталоги с названиями произведений — обычно названием служила первая строка памятника — составлялись для сведения воедино разных текстов предсказаний, выделения магических и ритуальных текстов и для учебных целей. Были каталоги, в которых специально отмечалось авторство текстов. Шесть фрагментов одного такого каталога сохранило более пятидесяти названий различных памятников, приписываемых свыше тридцати авторам. Примерно двадцать одно название может быть соотнесено с имеющимися у нас текстами, то есть опять-таки выходит немногим более трети из всех произведений, зафиксированных каталогом, — расчет совпадает с выкладками Оппенхейма.

Изучением аккадской литературы занимаются уже более ста лет, и некоторые литературные памятники, как, например, эпос о Гильгамеше, прочно вошли в обиход мировой культуры. Но все же до сих пор не существует ни полной истории этой литературы, ни обобщающего исследования жанров, стилистики, поэтики. Более того, далеко не все тексты, дошедшие до нас, изучены и поняты полностью. Почти каждый труд, посвященный аккадской литературе, начинается с перечисления проблем и вопросов, препятствующих ее изучению и ждущих будущих исследований. Вынуждены будем коснуться вкратце этих вопросов и мы.

Проблема датировки памятников. Время записи текста (не говоря уже о времени его создания) за редкими исключениями неизвестно. Расхождения в сто—двести лет при определении возраста памятника считаются небольшими. Многие тексты дошли до нас в нескольких, разновременных версиях — иногда промежуток между ними составляет пятьсот лет и более.

Каковы критерии датировки текста? Наиболее надежным средством оказывается почерк писца и форма клинописной таблички, но таким образом мы определяем только время записи текста, который чаще всего является лишь копией. Можно попробовать датировать памятник на основании языка, но язык при переписке подвергался модернизации; к тому же языковые архаизмы часто оказываются стилистическим приемом. В отдельных случаях датировке помогают характерные термины, упоминание исторических лиц и событий, однако такие намеки — довольно редкое явление. Определенную помощь могут оказать географические названия, но и они могут быть поздней вставкой. Датировка текста по его стилистическим особенностям могла бы, вероятно, дать надежный ключ в руки исследователей, но пока это дело будущего.

Проблема жанров. Как выделить из общего потока письменной традиции те памятники, которые можно было бы назвать собственно литературными, как отнести их к определенным категориям или жанрам? Из поколения в поколения переписывались, копировались и сохранялись разнообразные по назначению тексты — научно-технические (например, рецепты изготовления глазури), медицинские, юридические памятники и даже письма. Естественно, что понятия «жанра» в нашем смысле слова у древних вавилопян не существовало. Не существовало и понятия «поэтики». Как определить степень «художественности» произведения, отделить светскую литературу от культовой, по каким признакам следует производить систематизацию древних памятников? Эпическое повествование о сотворении мира «Энума элиш» — «Когда вверху...», например, было частью новогоднего ритуала, поэма о боге Эрре служила заговором против чумы, небольшой стихотворный текст соединял в себе эпизод о сотворении мира, заклинание против зубной боли, а также рецепт, как ее излечить. Можно группировать памятники, выделяя героя, скажем, бога или царя. Можно попытаться по числу списков и копий текстов, а также по местам распространения установить степень популярности произведения или степень его «избранности», — явно существовали памятники, созданные по особому случаю или для определенного лица. Можно идти и более привычным путем: постараться обнаружить и выделять такие традиционные категории, как былина, эпос, сказание, гимн и другие. Основная беда указанных классификаций — их произвольность, ибо исследователь работает, главным образом доверяясь своему чутью и опыту.

Проблема разграничения шумерских и аккадских литературных памятников, пожалуй, не только одна из наиболее сложных, но и одна из ключевых. За ней стоят вопросы соотношения шумерской и аккадской литератур, степень зависимости последней от первой, в конечном счете — проблема происхождения и самостоятельности

самой аккадской литературы. Пока не удалось обнаружить ни одного раннего, чисто семитического культа. Все аккадские боги — либо шумерского происхождения, либо издавна были отождествлены с шумерскими: бог солнца Шамаш — с Уту; богиня плодородия, любви и распри Иштар — с Инанпой и рядом других шумерских богинь; бог бури и ветра Адад (или Адду) — с Ишкуром; лунное божество Син — с Нанной. Один из верховных шумерских богов, божество — покровитель города Ниппура, центра древнейшего шумерского племенного союза, Эллиль (семитский Эллиль) приобрел семитское имя «Бел», что означает «Владыка». После падения шумерской третьей династии города Ура в конце III тысячелетия до н. э. почти все правящие династии городов-государств в Двуречье в результате нашествия семитских племен амореев стали аморейскими. Однако соприкосновение с западносемитскими аморейскими племенами не оставило следов в языке и культуре Двуречья. Нам пока известны только два аморейских бога — Даган и Амурру (Эль-Амуррим), которого аморси называли «Эль», то есть нарицательным именем «Бог».

Возможно, мы не можем еще обнаружить следов семитских божеств именно потому, что семиты называли богов своих племен главным образом именами нарицательными. Имя Бел, например, применявшееся по отношению к Эллилю, а позже и к главному богу Вавилона, Мардуку, означает, как мы уже сказали, «Господин», «Владыка», Иштар значит «Богиня», следовательно, это имя могло употребляться не только для обозначения Иштар, но и любой другой богини.

Первые тексты (нелитературного содержания) на аккадском языке появляются в Двуречье примерно в середине III тысячелетия до н. э., то есть в то время, когда уже существовали шумерские литературные произведения. Но при этом некоторые древнейшие шумерские тексты написаны писцами, носящими семитские имена. Вместе с тем основное количество шумерских литератур-

ных памятников дошло до нас от периода между 2000 и 1800 годами до н. э., — от того времени, когда шумерский, по всей видимости, уже не был разговорным языком. Основная масса аккадских литературных текстов появляется после 1800—1740 годов до н. э. (1739 г. — год разгрома южных городов Месопотамии царем Самсу-клуна, сыном Хаммурапи, и гибели э-дуббы, шумерской чиновничьей школы), — во второй половине II тысячелетия — не только по-аккадски, но и все еще по-шумерски. Мы не всегда можем сказать, на каком же именно языке был создан памятник первоначально — на шумерском или на аккадском: переводы с одного языка на другой выполнялись регулярно, особенно когда речь шла о гимнах, молитвах, богослужениях. Создается впечатление, что для жителей древнего Двуречья существенной роли не играло, на каком языке написано сочинение. В одном аккадском каталоге, например, содержащем заглавия и первые строки ритуальных и литературных текстов, аккадские и шумерские названия перемешаны: из девяти произведений, чье создание приписывалось богу мудрости Эйе, четыре представляют собой аккадские «омина» с шумерскими заглавиями, три имеют аккадские заглавия, а два последующих дают начальные строки шумерских литературных текстов, известных нам, однако, в двуязычной шумеро-аккадской версии. Видимо, какие-то иные критерии, а не языковая принадлежность, определяют в данном случае культурную основу литературного труда.

У большинства аккадских мифологических и эпических персонажей существовали шумерские прототипы. Герой знаменитого аккадского эпоса Гильгамеш — шумер: ему посвящено несколько шумерских поэм-сказаний, большая часть которых и легла в основу аккадской эпопеи. Шумерский царь-мудрец Эписудра («Нашедший жизнь дальних дней») оказывается предтечей сразу двух вавилонских героев — Атрахасиса (дословный перевод имени: «Превосходящий мудростью») и Утнапишти[ма]

(перевод шумерского имени Зиусудра). Так же как и Зиусудра и Атрахасис, Утнапиштин[м] пережил потоп благодаря покровительству бога Эйи, шумерского Энки, но, в отличие от них, он не является героем самостоятельной истории: она введена в эпос о Гильгамеше (таблица XI). Другой прославленный вавилонский герой — Этана — упомянут как полубог-царь в так называемом «царском списке», в тексте, имеющем исторический характер, составленном во времена III династии Ура. А такой герой, как Адапа, принадлежал к числу знаменитых шумерских «семи мудрецов», к которым древняя традиция причисляла также и Гильгамеша. И хотя не сохранилось шумерских поэмы ни об Этане, ни об Адапе, видимо, сказания о них должны были существовать. Это же соображение справедливо и по отношению к вавилонскому мифу о богине подземного царства Эрешкигаль и боге Нергале, ставшем ее супругом и владыкой подземного мира: шумерских версий этого мифа мы не знаем, но оба героя носят шумерские имена.

Также заимствовано большинство сюжетов и мотивов аккадских сказаний. Представления о мировом океане подземных пресных вод Абзу (аккадское Апсу), о Стране без Возврата — Куре, откуда вернуться на землю уже никто не может, даже бог, если он не оставит замены себе, о создании людей из глины, смешанной с кровью убитого божества, сказания о всемирном потопе, о чудовищной птице-буре Анзуде (аккадский Анзу) и многие, многие другие уходят корнями в шумерскую мифологию. Шумерскому рассказу о нисхождении богини Инанны в подземный мир соответствует вавилонское сказание о сошествии аккадской Иштар. Отрывок, посвященный сошествию богини под землю, где ее проводят через семь ворот и при этом в каждом снимают с нее какую-то часть одежды или украшения, отчего она теряет свои магические силы, — почти точный перевод с шумерского (но все же не дословный!). Однако и этого мало. Многие

композиционные и стилистические приемы, обнаруженные в памятниках аккадской литературы, кажутся заимствованными из шумерской. Шумерская поэзия изобилует монологами и диалогами, и авторской речи в ней очень мало. Бывает, что все произведение состоит из многократных повторений (иногда до десяти раз!) речей героев без всякого стилистического усечения или варьирования. От этого создается впечатление, что в произведениях шумерской литературы мало действия. Повторы сосредоточивают внимание на том, что именно один персонаж сказал другому, как именно он совершил то или иное деяние, по отнюдь не на деянии самом. Даже писчий материал, такой, казалось бы, громоздкий, каким была глина, не побуждал авторов к экономности и сжатости композиции, к уменьшению числа повторов. Следовательно, повторы были очень важны, они выполняли некую важную функцию в композиционном построении, может быть, являлись художественным приемом. Повторы, особенно в прямой речи, встречаются в вавилонских произведениях, и, что крайне интересно и странно, особенно изобилуют ими два поздних памятника, не имеющих в шумерской литературе предшественников,— поэма о сотворении мира «Когда вверху...» и сказание о боге чумы Эрре.

Основу стиля шумерской поэзии составляет параллелизм. Ритмические комплексы-строфы построены по принципу нарастания, увеличения звукового ряда (например: первая строка — короткая вводная фраза; вторая — повторение ее, но с добавлением имени собственного, эпитета и т. д.) или объединения двух (иногда и более) последовательных строк при помощи описания в каждой строке близкого, параллельного действия, то есть главным образом по принципу двучленного параллелизма. Этот же прием широко применяется и в аккадской поэзии, как, скажем, в любой поэзии, тесно связанной с фольклором (впрочем, мы ведь еще не знаем, насколько зависима от фольклора поэзия аккадская!). Встре-

чаются в аккадской поэзии и стереотипные формулы-трафареты, так распространенные в шумерской поэтике. Это не цитирование, а стандартные, готовые к употреблению клише, которые переходят из одного произведения в другое и более свойственны памятникам, рассчитанным на устное исполнение, чем литературному тексту. В аккадской литературе они не так распространены, как в шумерской, но все же встречаются; к их числу можно отнести, например, описание подземного мира в мифах о Нергале и Эрешкигаль, в поэме о психождении Иштар, в эпосе о Гильгамеше.

Что же, аккадская литература — зависимая от шумерской, полная заимствований и — как бы — литература второго порядка? Но сравним еще раз те произведения шумерской и аккадской литератур, которые имеют общий сюжет, и попробуем подойти к ним теперь, отмечая уже не сходство, а различие.

Поэмы о сошествии Инанны и Иштар в подземное царство. Один сюжет, и много совпадений. Но разница видна уже во вступлении. Шумерское сказание начинается с перечисления семи (в других вариантах — до тринадцати) храмов, из которых одновременно уходит богиня Инанна, с описания семи магических сил, которые она надевает на себя в виде украшений, и с ее наказов своему визирю. Начало вавилонской версии — выразительный образ той страны, куда отправляется Иштар, — «Страны без Возврата». Не будем говорить и оценивать, какое введение «лучше и интереснее», отметим только разный подход к развитию темы с самого начала, а также то обстоятельство, что аккадское вступление получилось более сжатым, лаконичным и, пожалуй, более драматичным. Сокращен и переработан эпизод похода посла богини ко всем богам, их отказа помочь Инанне, волнения Энки-Эйи за судьбу богини. Вместо этого — короткое, энергичное описание горя богов от того, что перестало на земле зарождаться все живое — ведь богиня любви ушла в преисподнюю. И сами образы богинь

в шумерских и аккадских произведениях не схожи: Иштар и Эрешкигаль более четко противопоставлены друг другу, чем в шумерской поэме, яснее выражено их отношение друг к другу. И мы начинаем понимать, что перед нами не просто перевод и даже не переложение, а новая версия, другое сочинение на ту же тему. Еще показательнее эволюция эпоса о Гильгамеше. Аккадское произведение, в том виде, в каком оно предстает перед нами уже из текстов II тысячелетия, — не простое соединение отдельных шумерских былил, а монументальная эпопея, в которой все элементы тщательно скомпонованы, связаны в единое целое общей идеей и подчинены определенному художественному замыслу. Не все шумерские сказания вошли в эпос — нет рассказа о сражении Гильгамеша с царем Киша, Аггой, нет и эпизода о том, как герой срубил волшебное дерево «хулуппу», — возможно, это потому, что они показались автору недостаточно выразительными, мешающими драматическому развитию действия. И в то же время самостоятельное шумерское произведение — сказание о потопе — органично влилось в эпос; этим рассказом как бы подчеркивается тщетность погони за бессмертием. Не статичны, как в шумерских былинах, образы Гильгамеша и Энкиду, они даны в развитии. Становление героической патуры происходит на наших глазах: Гильгамеш в начале повествования — буйный молодец, наделенный разрушительной силой. Он не знает, на что направить ее; от его буйства страдают его сограждане. Но вот, под влиянием облагораживающей дружбы с Энкиду, характер героя меняется, он готов служить добру — отправляется в поход на Хумбабу, чтобы «все, что есть злого, уничтожить на свете». Отчаяние, тоска по безвременно погибшему другу обрекают его на скитание, на поиски «цветка молодости», который так и остается ему недоступным. А Энкиду? В шумерских сказаниях он — раб Гильгамеша, и его история — всего лишь «фон», оттеняющий подвиги главного героя. О существовании Энкиду мы узнаем из фразы: «Гильгамеш

уста свои открыл, рабу своему Энкиду слово молвит...» Аккадский Энкиду — полноправный герой эпоса, чья трагическая смерть становится кульминационным моментом произведения, — именно она дает толчок прозрению Гильгамеша: «И я не так ли умру, как Энкиду?..» Как и у Гильгамеша, у Энкиду своя собственная судьба: дикарь, живущий среди природы, а потом приобщающийся к цивилизации, могучий герой, совершающий смелые подвиги с побратимом, и, наконец, человек, обреченный смерти, познавший страдание. Меняется и трактовка многих, общих в шумерской и аккадской версиях, эпизодов: подготовка к походу, ночные сновидения Гильгамеша, сражение со стражем кедрового леса и другие. В аккадском эпосе они изложены эмоциональнее, действие в них динамичнее, они обрастают подробностями и деталями, которых нет в шумерских сказаниях. Плач Гильгамеша по Энкиду, описание бегства в пустыню тоскующего Гильгамеша и многие другие эпизоды делают, по справедливости, эпос о Гильгамеше одним из шедевров древневосточной эпической поэзии.

Следует также отметить, что не только отдельные эпизоды приобретают иной облик и смысл; так, прежний шумерский сюжет может получить в аккадской литературе совершенно иное воплощение. Наглядным примером является рассказ о потопе в эпосе об Атрахасисе и в эпосе о Гильгамеше. Эпос об Атрахасисе, с которым читатель впервые ознакомится в настоящем издании, как и сказание о Гильгамеше, относится к вершинам вавилонского поэтического творчества. Рассказ о сотворении людей, о том, как присудили им «бремя божье», о бедствиях, насылаемых на людей богами, постоянно недовольных ими, о вечном страхе людском перед богами, об их зависимости от гневных, капризных, неуловимых божественных сил построен необыкновенно искусно, с ритмическим нарастанием действия, объединенных рефреном, кольцом, соединяющим начало и конец песенглав: «Не прошло и двенадцати сотен лет, земля раз-

рослась, расплодился люди...» Каждое новое бедствие, уготованное роду людскому, превосходит предыдущее по своей разрушительной силе, и потоп, который должен был уничтожить все человечество, становится, таким образом, завершающим весь эпос событием, наиболее драматичным и самым ярким. В эпосе о Гильгамеше роль потопа иная: это лишь одно из звеньев повествования о поисках и скитаниях главного героя, о его судьбе смертного, судьбе, чью обреченность рассказ, вложенный в уста единственного бессмертного, только подчеркивает.

Повествование о потопе в «Гильгамеше» ведется от первого лица, и потоп как бы видится глазами очевидца,— это придает рассказу образную силу и выразительность. Совершенно иначе, но едва ли не более драматично трактован соответствующий эпизод в эпосе об Атрахасисе, но там рассказ ведется уже как бы от лица автора.

Аккадская литература, таким образом, столь много от шумерской литературы взявшая, оказывается и само-бытной и самостоятельной в первую очередь отчетливо заявляемым авторским отношением к тексту, к его композиции. И действительно, за текстом угадываются авторы — писцы, «грамотеи» вавилонского общества, чьи образованность и терпеливая мудрость сохранили нам «глиняную» культуру Двуречья. Ибо вся клинописная литература (включая и шумерскую) вышла из э-дуб-бы — «дома табличек», то есть шумеро-вавилонской школы. О ней нам рассказала сама школа: до нас дошло большое число табличек, из которых мы узнаем, что именно эта школа представляла собой, как происходил процесс обучения, какие предметы преподавались, каковы были экзаменационные требования, кто в ней учился и кто в ней учил. Нам известно, что писцы старались сделать свою профессию наследственной, и хотя грамотность была распространена среди значительной части населения (об этом говорят литературные тексты, найденные в частных домах, ведомости, составленные не

профессиональными писцами, а, например, старшими пастухами), все же писцы выделялись в особую социальную группу, чьей привилегией стала область знания и творчества. Известно также, что грамотность была доступна и девочкам, есть тексты, подписанные женщинами-писцами, и недаром в подземном царстве списки умерших ведет богиня-писец.

Большое внимание уделялось изучению языка: экзаменационные тексты, дошедшие до нас, упоминают обязательные переводы с шумерского на аккадский и обратные, а также подбор разного рода терминологических эквивалентов. Огромную роль в системе обучения играло заучивание наизусть, чтение вслух и переписка древних текстов, отдельных оборотов и выражений. В процессе обучения будущий писец копировал табличку до тех пор, пока не достигал совершенства. По мере освоения определенного раздела он переходил к более сложной задаче, затем к еще более сложной и так далее. Поэтому до нас дошло гораздо большее число копий именно первых таблиц одного и того же произведения, чем последующих. Интересно, что шумерские тексты копировались чаще, чем аккадские, во всяком случае, если некоторые шумерские таблички сохранились в пятидесяти экземплярах, то число копий одного и того же аккадского текста обычно не превышает пяти-шести. Это объясняется тем, что шумерские тексты изучались в э-дуббе, а аккадские — уже после ее гибели, когда ученики стали обучаться у заклинателей, у младших жрецов, а не у профессиональных учителей. Изучались и переписывались не только ритуальные и культовые памятники, но и фольклорные: пословицы, притчи, поговорки и, естественно, эпические произведения. Можно предположить, что писцы заучивали отдельные повторяющиеся эпические мотивы, фразеологические обороты, именно копируя древние памятники. Так и создавался основной фонд литературных произведений, тот источник, из которого могли черпать древние поэты. Это относится не только к мифам, гим-

нам, эпосам, но и к царским надписям. Известно, что писцы, которые составляли анналы, votивные надписи, письма к богам и другие подобного рода произведения, имели доступ к современным им текстам, равно как и к более древним.

Э-дубба шумерского времени объединяла систему преподавания в масштабах государства. В вавилонский период вместе с обширным царским хозяйством исчезали и крупные школы. Подготовкой писцов, видимо, занимались писцы-практики, у которых были учебные списки произведений, являвшихся чем-то вроде учебного канона. Канонический круг памятников, который существовал в Вавилонии точно так же, как и в Шумере, сложился не ранее XV—XIII веков до н. э. Этот канон был не только учебным, но и религиозным: в него входили культовые тексты общегосударственного значения (иногда в отдельных городах записывались и религиозные тексты, связанные с местными культами). Литературные произведения были лишь малой его частью, а главная состояла из ритуальных, магических, научных сочинений. Последние, как правило, представляли собой разного рода списки терминов — назначение их было учебно-познавательное — медицинских, ботанических, географических, геологических и т. п. Из светских художественных произведений сохранились в основном дидактика и эпос. Но дошли и доканонические памятники — ранние версии героических эпосов, боевая песнь воинов царя Хаммурапи, любовный диалог. Кроме того, наряду с каноническими, писцы переписывали и такие неканонические произведения, как шутивную песню о Гильгамеше, сказку о бедняке из Ниппура, политический памфлет «Поучение царю» и другие сочинения. Создавались и новые памятники уже после того, как канон паметился. К нпм можно отнести так называемую «Вавилонскую теодицею», ассирийские псалмы Асархаддона и Ашпурбанапала. Некоторые тексты стали считаться каноническими позже других. Поток традиции, таким образом, не был замкнутым, канон

менялся в разные времена и в разных писцовых школах. Поэтому каноничность или неканоничность произведения не были абсолютными. Вне канона, например, была вся историческая литература и анналы, которые не рассматривались как произведения литературы художественной.

На многих табличках стоят имена их авторов. Конечно, это могут быть и имена копиистов. Но есть списки и литературные каталоги, где речь идет прямо об авторах. Часто это боги, что вполне понятно, или мифологические персонажи, а один вавилонский диалог, спор между волом и конем, даже записан как исходящий «из уст коня». Но среди фантастических, явно неправдоподобных имен попадаются и вполне вероятные. В некоторых текстах авторы названы по имени или «по имени и отчеству»: «такой-то, сын такого-то», или по профессии: «такой-то, заклинатель». В произведениях, созданных в конце II тысячелетия и позже, часто указываются и родовые имена — что-то вроде фамилии. Видимо, к этому времени сложились писцовые династии. Указывалось, кем был автор, откуда происходил (большинство названных авторов — из Вавилона). Так, эпос о Гильгамеше записан со слов урукского заклинателя Син-лике-уннин-пи, эпос об Этане — со слов Лу-Нанны. Эпос об Эрре привиделся во сне Кабтилани-Мардуку (что означает: «Мардук — почтеннейший из богов»), который, встав ото сна, записал все, что ему приснилось, «не упустив ни единого слова». Памятник, условно называемый ассириологами «Вавилонская теодицея», содержит акrostих, составляющий имя автора: «Эсагил-кипи-уббиб» («Храм очистил верного»), который был царским советником в XI в. до н. э. Если даже прямых доказательств в подлинности авторства у нас нет, мы можем судить об их реальности, если попытаемся проанализировать эти имена. Вероятно, не вымышлен автор эпоса об Эрре, ибо в тексте о нем даны подробные сведения. Вполне возможно, что некий Лу-Нанпа, автор эпоса об Этане, — также реальное лицо, поскольку имена подобного типа были характерны

для последних столетий III тысячелетия — первых столетий II тысячелетия до н. э., как раз того времени, от которого дошли до нас ранние фрагменты эпоса. Напротив, Сип-лике-уннинни, скорее всего, не автор, а редактор-составитель последней версии эпоса о Гильгамеше: имена из трех составных частей стали употребительны лишь во второй половине II тысячелетия до н. э., а первая версия эпоса, безусловно, была создана еще в первой половине этого тысячелетия. Но в большинстве случаев, когда указывается имя автора, речь, скорее всего, идет о далеких предках той или иной писцовой школы, к которой принадлежал автор или редактор последней версии сочинения. Во всяком случае, тут нам важно то обстоятельство, что сами вавилоняне считали свою литературу «авторской». Важен, по-видимому, был не конкретный автор, но стоящий за именем авторитет (например, тексты, вышедшие «из уст бога Эйи»). Аккадская литература, следовательно, мыслилась авторской — пусть не в нашем понимании, но, во всяком случае, как сложившаяся в потоке традиции, божественной и человеческой.

Стремление к личностному началу в аккадской литературе прослеживается во многих направлениях. Предпочтение тому или иному жанру, оказываемое обеими литературами, нам представляется далеко не случайным. Так, в шумерской литературе чаще встречаются гимны и плачи о гибели городов и династий, а в аккадской — псалмы, то есть хвалебные и покаянные молитвы. Гимн рассчитан большей частью на хоровое исполнение, эмоции, которые он вызывает, — коллективные, объединяющие людей. То же можно сказать и о плачах. Молитва, псалом — уже средство индивидуального общения с богом. Если человек нарушал ритуал, осквернялся или заболел, он шел в храм и заказывал соответствующую службу. Обряд очищения можно было совершить и дома — глава вавилонской семьи обычно исполнял ряд жреческих обязанностей сам. Большинство молитв, псалмов, заклинаний строились стереотипно. Но первоначаль-

ный образец, как правило, обладал высокими художественными достоинствами и, по всей видимости, составлялся для царей по специальному заказу. В тексте молитвы часто оставлялось свободное место, чтобы можно было вставить туда имя человека, обращающегося к богу.

Характерны для аккадской литературы и жанры, в которых рассказ ведется от первого лица,— к ним можно отнести так называемые «псевдоавтобиографии» (в нашем издании — легенда о Саргоне), «псевдонадписи», а также и подлинные надписи и исторические описания, нередко содержавшие биографические элементы. Любопытно соотношение диалогических текстов и монологических — в ряде случаев нам представляется возможность проследить эволюцию памятника, где третье лицо заменяется первым — в частности, в философско-эпических поэмах о «Невинном страдальце» (два варианта публикуются в настоящем издании).

Существование светской лирики кажется несовместимым с понятием литературы культовой, канонической или учебной. И все же этот жанр существовал и дошел до нас. Речь идет не о любовных заклинаниях, близких заговорам, и не об обрядовых песнях-действиях, что было бы вполне естественно. Сохранился каталог любовных песен конца II тысячелетия до н. э., названия (первые строчки произведений) не оставляют сомнения относительно их содержания: «О, приди, любимый!», «Уходи, сон, я обниму любимого!», «Твоя любовь, господин мой,— благоухание кедра...», «Не соперница мне ты, сражающаяся со мной!» — и т. д. Но сохранились, к сожалению, только названия, самих песен мы не знаем. Однако существует текст гораздо более раннего времени (начала II тыс. до н. э.), «Оставь попреки...», который показывает, что подобные произведения вовсе не случайное явление. «Оставь попреки...», судя по всему,— учебный текст, который был либо литературной композицией, скопированной с более раннего, несохранившегося текста, либо, что вероятнее, сочинением одаренного ученика-

писца, подготовившего импровизированное упражнение, может быть, для себя, для собственного удовольствия. Произведение это не производит впечатления вполне традиционного, хотя автор не отказывался от традиционных приемов, но наполнено такой искренней выразительностью, которая свидетельствует о прочувствованном личном начале, словом, о том, что и делает поэзию поэзией.

Две тысячи лет существования письменной традиции, равно как и развитой системы школьного преподавания, сделали аккадскую литературу «книжной» и замкнутой,—она развивалась как литература высокой тайной премудрости, изощренной игры ума: «Я открою тебе, Гильгамеш, сокровенное слово...» Литература поучающая и просвещающая зародилась еще в э-дуббе как шумерская; затем аккадская литература развила и обогатила это направление — «премудростей», поучений, споров о добре и зле, о смысле жизни, где вольно или невольно затрагивались вопросы о смысле бытия... Так, предтечи Екклесиаста в аккадской литературе представлены более, чем в какой-либо другой литературе древности.

Процесс развития месопотамской словесности к собственно литературе и ее становления был длительным и почти неприметным. Однако уход аккадской литературы от своих истоков — литературы шумерской, развитие возможностей, заложенных в самой литературе, как в самостоятельном виде искусства, привыкание к чтению глазами, «про себя», к процессу размышления и чистого эстетического удовольствия прослеживается в развитых аккадских памятниках весьма отчетливо.

Такая литература может решать уже довольно сложные задачи, создавая, например, произведение, композиция и стилистика которого будут полностью подчинены его идейному замыслу и «сверхзадаче». Мы имеем в виду космогоническую поэму «Когда вверху...» — «Энума элиш». Это сочинение, соединившее в себе прямолинейную агитацию с абстрактнейшими теологическими выкладками

и построениями, задуманное хитроумно и многопланово, является характерным образцом работы «кпижной», ученой мысли вавилонских писцов и теологов. Сначала нам кажется, что мы имеем дело с мифом — произведением, повествующим о сотворении мира и излагающим основы вавилонского космогонического учения. В поэме говорится о первородном хаосе, о мировом океане, о создании вселенной, о борьбе первичных стихий. Но очень скоро становится ясно, что цель поэмы вовсе иная. Вся композиция ее искусно и продуманно подчинена единой мысли: прославить величие и мощь бога Мардука, который после возвышения Вавилона в XVIII веке до н. э. постепенно стал центральным божеством вавилонского пантеона. Так, рассказ о последовательном рождении поколений богов, каждое из которых превосходит предыдущее, создан лишь для того, чтобы подчеркнуть совершенство Мардука, а заодно доказать его законную преемственность. Мардук — «дитя-солнце», с которым никто не может сравняться, к тому же еще и прямой потомок древних шумерских божеств и сын мудрейшего из них, Эйи. Ту же цель преследует и рассказ о сражении с первородной стихией, с Тиамат: Мардук — единственный, кто может противостоять и победить в сражении. Разработки собственных космогонических представлений по сравнению с шумерской космогонией в поэме не обнаруживается, да это, судя по всему, не слишком интересовало создателей поэмы. Им гораздо важнее было показать роль Мардука в сотворении мира, приписать ему все великие деянья. Создателем людей в шумерской традиции считался Энки-Эйа, а поэма изображает эту историю так, что Эйа творит людей по замыслу Мардука, как бы исполняя лишь его волю. Вообще все боги в поэме поспешно и добровольно отдают Мардуку свой сан, свои заслуги и положение. При этом «дела земные» мало интересуют авторов — о сотворении земли и людей, о земном устройстве рассказывается как бы мимоходом. Но все, что создается на небе: чередо-

вание дня и ночи, ход небесных светил, расположение планет — находится в кругу живейших интересов ученых творцов поэмы. Стилль поэмы также подчинен ее идейному замыслу: в ней много архаизмов и придуманных «книжных слов», размер ее тяжел и торжествен, текст обременен большим числом монологических и диалогических повторов,— поэма как бы имитирует древнее произведение, создатели стремились сделать ее похожей на старинные шумерские образцы. И такая искусственность и надуманность сочинения, прямолинейная идеологическая направленность — наиболее уязвимые, слабые стороны поэмы. Она не воспринимается нами столь живо и непосредственно, как эпос о Гильгамеше, или сказание об Атрахасисе, или даже менее совершенный диалог влюбленных с их миром живых человеческих страстей.

Ученая и все же на фольклор опирающаяся литература неминуемо обнаруживает не только свою поэтическую тягу к «изустности», но одновременно и свою причастность к абстрактному графическому образу, к «запечатленному слову». Мы уже говорили, что характернейший прием шумерской и аккадской поэзии — объединение двустихий или даже стансов-строф, связанных между собой синтаксическим параллелизмом, а также их противопоставление.

Действительно, в аккадской поэзии, в ее развитой форме, совершенно явно выделяются строфы, образованные выделением и подчеркиванием какой-то единой мысли. Скажем: повторением определенной словесной формулы — «Смилуйся надо мной!..» («Тебе мольбы мои, владык владычица...»), или: «Как тот, кто...» («Владыку мудрости хочу я восславить...»), либо нанизыванием одного за другим параллельного ряда стихов. Реже, но достаточно все же часто применяется хиазм — противоположное, обратное параллелизму, синтаксическое построение. Возможно, мы пока не всегда улавливаем многих существенных литературных приемов в их взаимосвязи. Однако, хотя у нас нет оснований утверждать, что в основе стиля

вавилонской поэзии лежит строго и сознательно проводимый принцип чередования параллелизмов и хиазмов, в ней явно заметно стремление к особому поэтическому строю речи.

Весьма важно и другое: безусловное существование текста как бы в двух плоскостях — произносимом вслух, заученном или усвоенном на слух, в декламации, и — доступном глазу. Так, например, до нас дошли экземпляры текстов, где поперечной чертой подчеркнута, скажем, каждая десятая строка (в одном из вариантов текста поэмы о Невинном страдальце), что не совпадает с делением строф в поэме. Есть таблички, где строки разделены линией, хотя нет никакого двустушия. То же самое происходит и с цезурой — в некоторых копиях текстов в середине каждой строки оставлено пустое место, делящее строку на два полустишия. Все это знаки — для глаза, они графически отражают возможности читательского восприятия.

Еще более показательное явление — акrostих. Клинописному знаку соответствует не буква, а слог; если читать первые знаки строк сверху вниз, составляется акrostих. До нас дошло семь акrostихов, все из библиотеки Ашшурбанапала. Те из них, что сохранились полностью, называют имена авторов или писцов наряду с благочестивым изречением. Текст одного из них — так называемая «Вавилонская теодицея» — приведен в нашем издании. В одном из стихотворений последние знаки строк идентичны первым, образуя акrostих по обеим сторонам.

Конечно, вопросы вавилонской поэтики во многом зависят от того, насколько точно мы можем восстановить правила аккадского стихосложения. Хотя и более понятные, чем в шумерском языке, они до конца все же не выяснены, и многое остается еще спорным в понимании законов аккадского стиха. Определенную роль в изучении аккадского языка сыграл, конечно, принцип сравнения с живыми семитскими языками. Но то обстоятель-

ство, что для записи своего языка аккадцы употребляли систему, созданную шумерами для совершенно иных фонетических и грамматических категорий, заставляет нас быть очень осторожными в окончательных выводах о стихосложении. По мнению большинства специалистов, вся древневосточная поэзия написана тоническим или близким к тоническому стихом, где главную роль играет счет ударных слогов, а число неударных ничего не значит. Чтения, как такового, в аккадской литературе, надо полагать, не было, стихи произносились нараспев или просто пелись.

Для наиболее распространенного размера характерен стих, содержащий четыре ударения и разделенный паузой-цезурой на два полустишия. Кажущаяся неорганизованность стиха устраняется женскими, то есть неударными окончаниями. Встречаются и пятистопные, и шестистопные стихи, в таком случае стих имеет две цезуры либо одну — после третьей стопы. Шестистопный стих можно рассматривать как два трехстопных, и ранние тексты старовавилонского периода обыкновенно написаны, а быть может, только записаны короткими трехстопными стихами. Прямая речь вводится в стих особыми формулами, которые, как правило, выпадают из размера и подчинены собственному ритму. Возможно, они не пелись, а произносились нараспев. Имя собственное также часто выделяется в особую дополнительную стопу.

При переводе аккадских литературных текстов на русский язык переводчики обычно исходят из предположения тонической системы стихосложения аккадского языка, что оказывается очень удобным для передачи этих стихов в русской тонической системе.

В России традицию переводов памятников клинописной литературы начали поэты В. Брюсов и Н. Гумилев, переводившие памятники с французских подстрочников. В 1897 году вышел сонет Брюсова «Ассаргадон», который практически является стихотворным переложением надписи этого царя, обнаруженной вместе с его

изображением в Сирии, в Нахр-эль-Кельбе. Поэт Н. Гумилев был первым, кто познакомил в 1919 году русских читателей с эпосом о Гильгамеше. Большую помощь в работе над переводом оказал Гумилеву крупнейший шумеролог и ассириолог В. К. Шилейко (1891—1930), сам талантливый поэт и переводчик. Он написал предисловие к переводу Гумилева. Переводы с шумерского и аккадского языков самого В. К. Шилейко знаменовали собой новый этап в истории изучения клинописной литературы и положили начало художественным переводам уже с подлинника, включавшим также и научную интерпретацию текста. Они не потеряли своего художественного значения и поныне, однако устарели в научном отношении, ибо наши знания шумерского и аккадского языков все же ушли вперед за пятьдесят лет, что отделяют нас от кончины ученого. Часть переводов В. К. Шилейко была опубликована в 20-х годах в журнале «Восток», многое затерялось, в том числе и его собственный перевод эпоса о Гильгамеше. Но кое-что сохранилось в его архиве, и составители настоящего сборника считают одной из главных своих задач познакомить наших читателей с наиболее интересными переводами В. К. Шилейко.

В 1961 году на русском языке был опубликован «Эпос о Гильгамеше» в переводе И. М. Дьяконова, и с этого времени над художественными переводами с шумерского и аккадского языков работает вместе с ним группа его учеников, которые стремятся в своих переводах, по возможности приближаясь к размерам подлинника, передать средствами русского языка своеобразие и выразительность древних памятников. Настоящий сборник является первым изданием на русском языке, где представлены почти все жанры аккадской поэзии и ассирийской прозы. Однако это не совсем тот круг сочинений, который знали образованные читатели времени Ашшурбанапала,— многие знаменитые произведения, такие, как сказания об Этане, летавшем на орле, об Адапе, не

получившем бессмертия, о сражении бога-героя Нинурты с орлом Анзу и другие, еще ждут своей встречи с русским читателем. В сборник попали произведения, которые их переводчики смогли подготовить на современном уровне науки, собрав все последние публикации и соединив в ряде случаев отдельные фрагменты в сводные версии. Издатели постарались быть верными шумеро-вавилонской традиции, сохранив, а где-то восстановив заглавия произведения по первой строке. Привычные, но часто произвольные заглавия, предлагавшиеся учеными, даются ниже как подзаголовок. Нам хотелось бы, чтобы эта маленькая деталь создала у читателя ощущение достоверности, оказалась бы тем ключом, который отомкнет ему дверь в тысячелетия.

В. Афанасьева

ДЕЯНИЯ БОГОВ

«КОГДА ВВЕРХУ...» — «ЭНУМА ЭЛИШ»

ПОЭМА О СОТВОРЕНИИ МИРА (в сокращении)

ТАБЛИЦА I

- Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу́ первородный, всесотворитель,
Праматерь Ти́амат, что все породила,
5 Воды свои воедино мешали.
Тростниковых загонов тогда еще не было,
6а Тростниковых зарослей видно не было.
Когда из богов никого еще не было,
Ничто не названо, судьбой не отмечено,
Тогда в недрах зародились боги,
10 Явились Лахму и Лахаму и именем названы были.
И пока они росли и мужали,
Тогда родились Аншар и Кíшар.
Они дни копили, множили годы,
И наследник их — Ану — отцам своим равный.
Ану-первенца Аншар себе уподобил.
Нудиммуда сотворил по своему подобию Ану.
Нудиммуд, отцами рожденный своими,
Он разумом светел, многомудр и всемогущ,
Аншара, деда его, превзошел он премного,
20 Меж богов-сородичей нет ему равных.
Толпой собираются сородичи-боги,
Тревожат Тиамат, снуют, суетятся,
Чрево Тиамат они колеблют
Буйным гамом в верхних покоях.
25 В Апсу не утихает их гомон.
Но спокойна, безмолвствует Тиамат,
Хотя тягостны ей их повадки.
Не добры их пути, она же щадит их.
Апсу, великих богов творитель,

- 30 Кличет Мумму-советника, так ему молвит:
«Советник мой Мумму, веселящий мне печень!
Давай пойдем-ка с тобой к Тиамат!»
И они пошли, пред Тиамат воссели.
О богах, своих первенцах, думали думу.
- 35 Апсу уста свои открыл,
Кричит раздраженно, обратясь к Тиамат:
«Мне отвратительны их повадки!
Мне днем нет отдыха, покоя — ночью!
Их погублю я, дела их разрушу!
- 40 Да утихнут звуки, во сне да пребудем!»
Едва такое услышав, Тиамат
Взъярилась, накинулась на супруга,
В одинокой ярости вопияла горько,
Злобою наполнилось все ее чрево.
- 45 «Как?! Порожденье свое уничтожим?!
Пусть дурны их пути — дружелюбно помедлим!»
Тут Мумму к Апсу обратился с советом,
Недобр и неласков совет был Мумму:
«Уничтожь, отец мой, их злые повадки!
- 50 Будут дни твои мирны, будут ночи покойны!»
Апсу то слышит — светлеет ликом,
Ибо злое он первенцам своим замыслил.
Тут обхватил он за шею Мумму,
Посадил на колени, ласкать его начал.
- 55 О том, что в совете они порешили,
Богам, своим первенцам, они сказали.
Услышали боги о том, заметались.
После затихли, безмолвно сидели.
Но разумом мудрый, хитроумный, искусный,
- 60 Всеведущий Эйа придумал выход.
Он создал образ, завершил и закончил,
Заклинанье святое сотворил премудро,
Повторил громозвучно, отправил в Воды.
Излилась дремота, сном окружила —
- 65 Апсу усypил он сном изливающим.
Цепененье охватило советника Мумму.

- Эйа перевязь снял, сорвал тиару —
Апсу сиянием овладел он.
Апсу сковал он и предал смерти.
- 70 Он Мумму пленил, на засов его запер.
Он возвел над Апсу себе чертоги.
Надсмеялся над Мумму, протащил на веревке.
Как разбил, уничтожил своих супостатов,
Укрепил над врагами победу Эйа.
- 75 Отдых вкусил в потаенном покое.
«Апсу» нарек он покои, кумирней сделал,
Для брака святого их предназначил.
Там с Дамкиной, супругой, возлег Эйа в величье.
В покое судеб и предначертаний
Бог зачал мудрейшего из мудрых.
- 80 В Апсу зарожден был Мардук.
В светлом Апсу зарожден был Мардук.
Эйа, родитель, там его создал,
Дамкина, мать его, породила.
- 85 Грудью богини был он вскормлен.
Благоговая, мать его питала.
Его лик был прекрасен, сверкали взгляды!
Изначально властна, царственна поступь!
Узрел его Эйа, отец-творитель,—
- 90 Весельем и радостью наполнилось сердце.
91 Он восприпiał его совершенство,
91a Наградил его божьей силой двойною.
Он ростом велик, среди всех превосходит,
Немыслимо облик его совершенен —
Трудно понять, невозможно представить.
- 95 Четыре глаза, четыре уха!
Он рот раскроет — изо рта его пламя!
Он вчетырежды слышит мудрейшим слухом,
И всевидящи очи — все прозревают!
Средь богов высочайший, прекраснейший станом,
- 100 Мышцами мощен, ростом всех выше!
«Малыш мой, сыночек! Малыш мой, сыночек!
Сыночек-солнце! Солнышко божье!»

- Нимб его — десяти богов сиянье!
Пятьдесят сияний его окружает!
- 105 Породил Ану четыре ветра,
Вложил ему в руки — *«Подарок сыночку!»* —
Он сотворил ураганы и вихри,
Он топи создал, что гнетут Тиамат.
Днем и ночью томится, мятясь, Тиамат,
- 110 *Тяжко богам*, нет покоя от ветров,
Зло задумали своим чревом,
Тиамат, праматери, так они молвят:
«Как Апсу любимого твоего убивали,
Не пришла ты на помощь, сидела молча.
- 115 Четыре вихря ужасных сотворил Ану,
Твое чрево трясется, и мы бессонны!
Апсу твой любимый да падет на сердце!
И Мумму пленный,— одна ж ты осталась!
Не ты ль наша *мать*? И мечешься в страхе!
- 120 *Нас, что так маются*, нас ты не любишь!
В бессоннице высохли наши очи!
Сбрось ярмо, и покой получим!
Сразись, отомсти за Апсу и Мумму!
Порази врагов, преврати их в тени!»
- 125 *Услыхала* Тиамат — ей любы речи.
«Нлаво — совет ваш, ураган поднимем!
Уничтожим богов в разгаре битвы!
Сраженье устроим, богам *отплатим!»*
Они вокруг Тиамат столпились,
- 130 Днем и ночью, взбешенные, помышляют о мести,
Львы рычащие, они готовятся к бою.
Держат совет, дабы устроить битву.
Мать Хубур, что все сотворяет,
Неотвратимое мпожит оружие, исполинских делает
змеев!
- 135 Остры их зубы, их клыки беспощадны!
Она ядом, как кровью, их тела напекла,
В Ужас драконов свирепых одела,
Окружила нимбами, к богам приравняла.

- Увидевший их — падет без силы!
- 140 Если в битву пойдут, то уже не отступят!
Гидру, Мушхуша, Лахаму из бездны она сотворила,
Гигантского Льва, Свиного Пса, Скорпиона
в человеческом облике,
Демонов Бури, Кулилу и Кусарикку.
Безжалостно их оружие, в битве они бесстрашны!
- 145 Могучи творенья ее, нет им равных!
И еще сотворила одиннадцать этим подобных!
Из богов, своих первенцев, что совет составляли,
Кингу избрала, вознесла падо всеми —
Полководителем, Главным в Совете,
150 С оружием битвы скликающим к бою,
Распределителем добычи.
Всех отдала под власть его, на престол посадила.
«Надо всеми в Совете тебя вознесла я!
Все божьи решенья в твою руку вложила!
- 155 Всех ты превыше, супруг мой единый!
Над Апуннаками вознесу твое имя!»
Таблицы судеб ему вручила, на груди его укрепила.
«Лишь твои неизменны приказы, уст твоих
нерушимо Слово!»
Ныне, как Кингу взнесен, дали сап ему Ану,
160 Средь богов, сынов его, судьбу он судит.
«Твоих уст речения да исторгнут пламя!
Яд, что собрали мы, вражью мощь да погубит!»

ТАБЛИЦА II
(Содержит 129 строк.)

Эйа узнает о приготовлениях Тиамат к бою и идет к Аншару, чтобы сообщить об этом. Его рассказ — дословное повторение строк 129—162 таблицы I. Аншар в растерянности и гневе. Он предлагает Эйе — победителю Апсу и мудрейшему из богов — попытаться усмирить ярость Тиамат. Текст ответа Эйи разрушен, но из сохранившихся отдельных слов и из дальнейшего кон-

текста ясно, что он советует отправить Апу на разведку и переговоры с Тиамат. Апу идет, но, взглянув на Тиамат, возвращается в страхе: ему не осилить ее, он не осмелился даже предстать перед нею. Боги в тяжком раздумье. И тут Аншар вспоминает о юном Мардуке. Мардук, которого предварительно наставляет Эйа, предстает перед богами. Он согласен сразиться с Тиамат, но выдвигает свои требования:

- 123 «Если я мстителем за вас стану,
Чтоб Тиамат осилить и спасти ваши жизни,—
125 Соберите Совет, возвысьте мой жребий!
В Убшукине радостно все вместе воссядьте!
Мое Слово, как ваше, да решает судьбы!
Неизменным да будет все то, что создам я!
129 И никто приказ моих уст не отменит!»

ТАБЛИЦА III
(Содержит 138 строк.)

Аншар отправляет Гагу, своего посла, к Лахму и Лахаму. Гага должен изложить старейшим богам все события. Рассказ о подготовке Тиамат к бою повторяется, таким образом, дважды — устами Аншара, как поручение, и затем уже непосредственно — устами Гаги. Гага сообщает и об условиях Мардука. Узнав о злодеяниях Тиамат, Лахму и Лахаму раздражаются стенаньями. Затем все собираются на Совет.

- 129 Они собрались и отправились вместе —
Все великие боги, что решают судьбы.
К Аншару пришли, Убшукину заполнили.
Поцеловали друг друга, обнялись в Совете.
Повели беседы, на пиру воссели.
Вкусили хлеба, вина испили.
135 Сладкое питье в путро их бежало.

Отяжелели плотью они от пива.
Взвеселились весьма, взыграла их печень,
138 И Мардуку, мстителю, вручили судьбы.

Т А Б Л И Ц А IV

Ему воздвигли престол почета.
Пред отцами он сел для участия в Совете.
«Сколь же славен ты меж богов великих!
Несравненна судьба твоя, твое Слово — Ану!
5 Мардук, славнейший средь богов великих!
Несравненна судьба твоя, твое Слово — Ану!
Непреложно отныне твое повеленье,
Вознести, ниспровергнуть — в руке твоей ныне!
Твои истинны речи, слова не ложны,
10 Ни один из богов твоих границ не преступит!
Ты — опора и мудрость храмов божьих,
В их святилищах место займешь ты отныне!
Лишь ты, о Мардук, наш отомститель!
Надо всей вселенной мы даем тебе царство!
15 Воссядь же в Совете, твое Слово владычно!
Да будет без промаха твое оружие, да поразит оно
вражью силу!
Кому веришь ты — спасена того жизнь, о Владыка!
Но бога, что злое замыслил, — погуби его душу!»
Звезду меж собою они положили.
20 Первородному Мардуку так сказали:
«Ты возвышен, Владыка, надо всеми богами!
Уничтожить, создать — прикажи, так и будет!
Промолви же Слово — звезда да исчезнет!
«Вернись!» — прикажи — и появится снова!»
25 По слову уст его звезда исчезла.
«Вернись!» — приказал, и она появилась.
Боги-отцы, силу Слова увидя,
Ликовали и радовались: «Только Мардук —
властитель!»

- Дали жезл ему, трон и царское платье,
30 Оружье победное, что врагов поражает.
«Ступай же, жизнь прерви Тиамат!
Пусть ветры развеют ее кровь по местам
потаенным!»
- Как боги-отцы решили судьбу Владыки,
Путем удачи, дорогой успеха пустили.
- 35 Он лук избрал оружием в битве,
Изготовил стрелы, тетиву приладил.
Булаву схватил он своею десницей,
Лук и колчан на боку повесил.
Выпустил молнию перед собою,
- 40 Сверкающим пламенем наполнил тело.
Он сделал сеть: уловить изнутри Тиамат
Он четыре ветра поставил, ничто из нее чтоб
не вышло,
Дар отца его Ану, он вдоль сети расставил ветры.
Он создал Разрушающий Ветер, Ураган
и Песчаную Бурю,
- 45 Четыреждымощный ветер, Семишквальный,
Мятежный, Непостоянный Ветер.
Он направил ветры, что сотворил он,—всю семерицу,
За ним они встали — изнутри сотрясать Тиамат.
Потоп, оружие грозное, поднял Владыка.
- 50 На страшную взошел колесницу — непобедимых
Вихрей.
Он их поставил, он впряг всю четверку в упряжку:
Душегубца, Злодея, Топчуна, Быстроскока.
В оскале их пасти, их клыки ядовиты.
Покоя не ведают, убиение знают.
- 55 Он поставил направо Бой Свирепый и Натиск,
А налево поставил Отпор — отражение ударов.
Ужасом, словно плащом, он покрылся.
Он главу окружил сиянием грозным.
Вышел Владыка, вперед устремился,
- 60 К Тиамат яростной путь свой направил.
Вложил в уста свои заклинанье,

- Ядовитые травы зажал в руке он.
И тут вокруг него заматались, боги вокруг него
заматались,
Боги, отцы его, заматались, боги вокруг него
заматались.
- 65 Владыка приблизился заглянуть в Тиамат,
Кингу, супруга ее, *разведать планы*.
Глядит — и сбивается его походка,
Мутится разум, мешаются мысли.
И боги-помощники, что с ним рядом стояли,
- 70 Потемнели ликом, как героя узрели.
Заклинанье он кинул — Тиамат не двинула шеей.
На устах ее — дикая злоба, в уме — вероломство.
*«Что же ты вышел и боги сгрудились так тесно?
С мест своих они на твое посбивались место?!»*
- 75 Потоп, оружие грозное, подпял Владыка.
Тиамат взбешенной, так он ей крикнул:
*«Что ты для виду добро предлагаешь,
А сердцем злобным измышляешь сраженье?»*
Кричали сыны — отцы их презрели,
- 80 А ты, их праматерь, пенавпдишь милость!
В любовники Кингу ты избрала,
В сан Ану ввела, ему не должный!
Владыке богов Аншару ты уготовила злое!
И богам, отцам моим, ты также зло замышляешь!
- 85 Да будут войска твои готовы, да будет поднято
оружье!
Становись! Ты и я сойдемся в сраженье!»
Когда это услышала Тиамат,
В мыслях помутилась, потеряла рассудок.
Взревела, вверх взвиваясь, Тиамат,
- 90 От подножья до верха сотряслась ее туша:
Чары швыряет, заклинанья бормочет.
А боги к сраженью оружие точат.
Друг на друга пошли Тиамат и Мардук, из богов
он мудрейший,
Ринулись в битву, сошлись в сраженье.

- 95 Сеть Владыка раскинул, сетью ее опутал.
Злой Вихрь, что был позади, он пустил пред собою,
Пасть Тиамат раскрыла — поглотить его хочет,
Он вогнал в нее Вихрь — сомкнуть губы она
не может.
- Ей буйные ветры заполнили чрево,
100 Ее тело раздулось, ее пасть раскрылась.
Он пустил стрелу и рассек ей чрево,
Он нутро ей взрезал, завладел ее сердцем.
Ее он осилил, ей жизнь оборвал он.
Труп ее бросил, на него наступил он.
- 105 Как убил он предводительницу Тиамат,—
Рассеялось войско ее, разбежались отряды.
А боги-соратники, что с ней выступали,
От страха дрожа, назад повернули,
Убежали, жизни свои спасая,
- 110 Но в кольце оказались, ускользнуть не сумели.
Он в плен их забрал, разбил их оружие.
Брошены в сеть, очутились в ловушке.
По углам забившись, рыдали тяжко.
Понесли наказание — в заключение попалл.
- 115 А одиннадцать, те, что грозили страхом,
Скопище тварей, что шло с ней справа,
Он бросил в оковы, связал им руки,
Все их воинство он растоптал под собою.
И Кингу, что был надо всеми главным,—
- 120 Он сковал его, Демону Смерти предал.
Он вырвал таблицы Судеб, что достались тому
не по праву,
Опечатал печатью, на груди своей спрятал.
Как разбил, уничтожил он своих супостатов,
Как бык растоптал врагов надменных.
- 125 Укрепил над врагами славу Аншара.
Мечты Нудимуда исполнил Мардук храбрейший,
Над богами закованными он закрепил победу.
К Тиамат, что он одолел, он снова вернулся.
На ноги Тиамат наступил Владыка.

- 130 Булавой беспощадной рассек ей череп.
Он разрезал ей вены, и поток ее крови
Северный ветер погнал по местам потаенным,
Смогтели отцы, ликовали в веселье.
Дары заздравные ему послали.
- 135 Усмирился Владыка, оглядел ее тело.
Рассек ее тушу, хитроумное создал.
Разрубил пополам ее, словно ракушку.
Взял половину — покрыл ею небо.
Сделал запоры, поставил стражей,—
- 140 Пусть следят, чтобы воды не просочились.
Пересек небосвод, обозрел пространство.
Подобье Апсу, чертог Нудиммуда, он измыслил.
Размеры Апсу измерил Владыка.
Отражение его — Эшарру создал.
- 145 Эшарру, кумирню, что поставил на небе.
Ану, Энлилю и Эйе в их созвездьях-святилищах
устроил стоянки.

ТАБЛИЦА V
(Содержит 156 строк.)

- Он устроил стоянки богам великим.
Звезды-планеты, подобья богов, он сделал.
Он год разделил — начертил рисунок:
Двенадцать месяцев звездных расставил он по три.
- 5 Когда ж начертил он на небе рисунок дней года,
Закрепил он стоянку Неберу, дабы центр указать
всем звездам.
- Никто бы не погрешил, не стал бы небрежен!
По сторонам Неберу он сделал стоянки Энлилю
и Эйе.
- С обеих небесных сторон открыл он ворота.
- 10 Он затворы поставил справа и слева.
Он зенит во чреве Тиамат поставил.
Дал сияние Месяцу — хранителю ночи!

Научил его сотворению дня — для распознаения
суток!

- «Не прекращая, весь месяц, изменяй рисунок тиары!
15 Вначале, над страною вздымаясь,
Рога тиары вноси до дня шестого!
В день седьмой появишься в половине тиары!
На пятнадцатый день удвой половины — и так
каждый месяц!

- Когда ж солнце тебя на горизонте узреет,
20 Уменьшайся в короне, отступай обратно!
Исчезая, к дороге солнца приблизься,
И на тридцатый день вновь вставай против солнца!

(Разбито более двадцати строк.)

- 45 Когда дни справедливые солнцу назначил,
Стражей дня и ночи поставил,
Истечение слюны Тиамат
Мардук собрал и согнал ее в тучи,
Сгрудил ее в облака кучевые.
50 Веянье ветра, дожди и холод,
Воздымание бури — ее слюны истечение,—
Распределил, своей власти доверил.
Он поставил главу Тиамат, он на ней гору насыпал.
Он бездну открыл — устремились потоки.
55 Тигр и Евфрат пропустил он сквозь ее очи.
Ее ноздри заткнул он — *накопил там воды*.
Насыпал на грудь ее гору крутую.
Дабы воды собрать, устроил ямы.
Загнул ее хвост, скрутил как веревку,—
60 Укрепить Апсу под ногами своими.
Сделал ляжки ее опорой неба.
Отделил половину ее — поставил землю.
Он прах закрепил внутри Тиамат.
Сеть размотал, освободил ее тело.
65 Так создавал он небо и землю.
Связь небес и земли скрепил он прочно.

Затем он назначил свои ритуалы, установил свои
обряды.

Бразды правления велел взять Эйе.

Таблицы судеб принес, что забрал у Кингу,—
70 Дар заздравный,— одарил им Ану.

Остальная часть таблицы посвящена рассказу о триумфе Мардука, о дарах и славословии богов старшего поколения. Мардук предлагает богам построить святилище для совместного отдыха — подобье Апсу. Боги отвечают ему новой хвалой и предлагают с помощью Эйи продолжить сотворение.

ТАБЛИЦА VI

Мардук, речи богов услышав,
Сердцем задумал искусное сделать,
Уста открыл он и молвит Эйе,
Что в сердце задумал, в уме замыслил:
5 «Кровь соберу я, скреплю костями,
Создам существо, назову человеком.
Воистину я сотворю человеков.
Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули.
Божьи пути изменю и улучшу:
10 Почитаемы — все, но два будут рода». Эйа ответил, слова промолвил,
Совет добавил, чтоб богов успокоить:
«Да будет выбран один из братства,
Он да погибнет — люди возникнут!
15 Великие боги пусть соберутся —
Один — виновник, отпущение — прочим!»
Мардук собрал богов великих,
С милостью принял, изрек указанье.
Почтительно боги ему внимали.
20 К Ануннакам обратил Владыка речи:
«Если верны ваши прежние клятвы,
Истинно ныне мне да ответьте —

- Это кто замыслил сражение,
Взбаламутил Тиамат, устроил битву?
25 Да будет схвачен устроивший битву,
Его покараю, вы ж мирно живите!»
Отвечали Игиги, великие боги,
«Царю-божеству-небес-и-земли»,
Советнику божьему, своему господину:
«Это Кингу устроил сражение,
30 Взбаламутил Тиамат, затеял битву!»
Связали его, притащили к Эйе.
Объявили вину его, кровь излили.
Людей сотворил он на этой крови,
Дал им бремя божье, богам же — отдых.
35 Как Эйя, мудрейший, род людской создал,
Возложил на него божье бремя!
Непостижимо для разума это деяние —
По замыслу Мардука Нудиммуд исполнил!
Разделил тогда Мардук, Владыка божий,
40 Всех Ануппаков, дольных и горних,
К Ану приставил — охранять решения.
Триста на небе он выставил стражей.
Земле такую же долю назначил.
Шестьсот поселил их на земле и небе.
45 Когда отдал он все приказанья,
Ануннакам небес и земли назначил судьбы,
Ануннаки уста свои открыли,
К Мардуку, владыке богов, обратили слово:
«Ныне, владыка ты наш, как вольности нам ты
назначил,
50 Благодарностью нашей тебе что еще будет?
Кумирню воздвигнем, наречем ей имя!
Почивальню твою, в ней и мы започуем, и мы
отдохнем в ней!
Мы заложим святилище, место престола!
В день, когда мы прибудем, и мы отдохнем там!»
55 Как услышал Мардук эти речи,
Словно ясный день просиял он ликом:

- «Врата бога» постройте, как вы возжелали!
Кирпичи заложите, создайте кумирню!»
Лопатами замахали Ануннаки.
- 60 В первый год кирпичи для храма лепили.
По наступленье второго года
Главу Эсагилы, подобье Апсу, воздвигли.
При Апсу построили зиккурат высокий.
Ану, Энлилю и Эйе, как и в Апсу, поставили там
жилища.
- 65 В величье Мардук воссел перед ними.
От подножья Эшарру они осмотрели до рогов
зиккурата.
- Когда же закончили Эсагилу,
Все Ануннаки молельни себе воздвигли.
Триста Игигов земли, триста — небес, шестьсот
из Апсу,— всех их собрал он,
- 70 Владыка, в святилище, что жильем его стало.
Он богам, отцам своим, пир там устроил.
«Вот Вавилон — *«Врата божьи»* — жилье ваше ныне!
Радуйтесь в нем, веселитесь, ликуйте!»
Места свои заняли великие боги,
- 75 Расставили кубки, на пиру воссели.
Когда ж завершили веселый праздник,
Возвышенное в Эсагиле сотворили:
Все уставы назначили, все предначертанья,
Всем богам закрепили места на земле и на небе!
- 80 Великие боги — пятьдесят их воссело.
Семь богов Судьбы — выносить решения —
определили.
- Лук, оружие свое боевое, положил перед богами
Владыка.
- Сеть, что он сотворил, отцы его боги узрели.
Оглядели лук, его форма искусна,
- 85 Хвалили рук его творенье.
Лук пред Советом богов воздел и вымолвил Ану,
Поцеловав: «Воистину — это дитя мне!»
Нарек Ану Лук именами:

«Долгодрев» — его первое, «Победитель» — второе,
90 Третьим станет «Созвездие Лука» — в небесах ему
дал сиянье!
Меж созвездий дал место ему, меж богов, его
братьев!

Как Луку судьбу назначил Ану,
Престол воздвиг — меж богов высочайший,
И в Совете богов тот Лук поселил он.
95 Собрались на Совет великие боги.
Укрепили, упрочили Мардука долю —
Сами себя обрекли проклятью,
Поклялись водой и елсеем, горла коснувшись:
Над всеми богами ему дали царенье,
100 Над богами небес и земли власть ему дали.
Величал его Аншар — нарекал Асаллухи:
«К речению уст его склонимся покорно!
Отверстым устам его да внемлют боги!
Горé и дóлу прочны его указанья!
105 Да будет возвышен наш сын-огомститель,
Славна его власть, да не будет ей равных!
Детищ своих, черноголовых, воистину пастырем
оп будет!
Во веки веков, да не позабудут, да назовут они
его деянья!
Да установят его отцам великие хлебные
приношенья!
110 Да позаботятся об их храмах, в благочестии
содержать да будут!
Да будут зажжены воскуренья, да побудят они
людей к заклинаньям!
Подобье того, что на небе он создал, на земле
да сделано будет!
Черпоголовых да научит почитать его боязливо!
Да помнят люди, да взывают к богу!
115 По словам его уст да чтят богиню!
Божествам да припосят хлебные жертвы!
Без небреженья богов да содержат!

Воистину поделят богов черноголовые междусобою!

Назовем же пятьдесят имен его ныне!

Мардук!

Так отец его Апу парек от рожденья!

125 Он, кто своим оружием-потопом поражает своих
супостатов!

Кто богов, отцов своих, от напасти избавил!

Он, Сын-Солнце, меж богами сияет —

В сиянии его блеска да будут ступать они вечно!

Людей, что он создал, дал им жизни,

130 Дал им бремя божье, а богам свободу —

Создать и разрушить, казнить и простить —

Воистину, то в его лишь власти, со страхом
почтительным на него да взирают!

Марукка — о да, это бог их, их сотворитель!

Он, кто радует сердца Апуннаков, успокаивает
Игигов!

135 **Марутукку — он прибежище стран, городов**
и народов!

Этим именем навеки люди его восславят!

Мершакушшу — яростный и разумный,

разгневанный и великодушный,

С сердцем просторным, с печенью доброй!

Лугальдимеранки имя его, так наречен он был
в Совете!

140 Его уст реченья мы возносим надо всеми богами,
его отцами!

Он воистину владыка надо всеми богами земли
и неба!

- Царь! От его приказаний в страхе боги горé и дóлу!
Наделугальдимеранки — этим именем его мы
назвали, он — всех богов советник!
Он, кто нам в невзгодах наших на земле и в небе
дал приюты!
- 145 Он, кто закрепил стоянки всем Игигам и Ануннакам!
От этого имени его дрожат и трепещут в кельях
боги!
- Асаллухи — имя его, коим нарек отец его Ану!
Меж богов он воистину мудрейший и мощный!
Как в его имени то звучит — стран и богов он
дух-покровитель!
- 150 Он, кто спас в двоеборье могучем наши обители
от разрушенья!
Асаллухиамтила — бог, сохраняющий жизнь, так
во второй раз его назвали!
Ибо, как собственные творенья, богов пораженных
он исцеляет!
Владыка! Светлыми заклинаньями богов умерших
он оживляет!
Он, разрушающий супостатов! Хвалу ему да
вознесем мы!
- 155 Асаллухинамру — светоч, так в третий раз его
нарекли мы!
Сияющий бог, что наши пути освещает!»
Так по три имени дали ему Аншар, Лахму
и Лахаму,
И богам, сынам своим, молвили слово:
- 160 «Нарекли мы его тремя именами каждый,
Ныне и вы, нам подобно, ему имена нареките!»
Возликовали боги, приказ тот услышав,
В Убшукине они обменялись советом.
«Сыну-воителю, отомстителю нашему,
Ныне нашей опоры да восславим Имя!»
- 165 В Совете воссели — одарять Судьбою,
Соблюдая обряд, нарекать ему Имя.

Т А Б Л И Ц А VII
(Содержит 162 строки.)

Строки 1—142 продолжают перечисление остальных пятидесяти имен Мардука, каждое из которых снабжено многочисленными эпитетами и распространенными определениями — расшифровкой смысла имени.

- 143 Пятьюдесятью именами величая, великие боги,
Пятьдесят имен нарекли, деянья его возгласили.
- 145 Да удержат их, да откроет их Первый,
Мудроумный и сведущий да обмыслят их вместе!
Отец повторит их, да обучит сына,
Правителя, пастыря да внемлют им уши!
К Мардуку, Энлилю богов, да не будут небрежны!
150 Чтоб цвела бы страна, и он сам был во здравье!
Крепко Слово его, неизменны Приказы,
То, что из уст его, ни один из богов не отменит!
Если глянет он гневно,— не склонит выи,
Его ярости бог ни один не перечит!
- 155 Не постичь его сердца, не объять его разум.
Согрешитель, неправедник пред очами его
предстанут!
- Откровение это, что Первому явлено было,—
Записав, сохранил он, дабы в грядущем узнали.
Отца Мардука, что богов сотворил, Игигов,
160 *Да восславят навеки*, да пазовут его имя!
О Мардуке песнь величальную да услышат,
О том, кто Тиамат осплил и взял себе царство!

«КОГДА БОГИ, ПОДОБНО ЛЮДЯМ...»

СКАЗАНИЕ ОБ АТРАХАСИСЕ

ТАБЛИЦА I

1. 1 Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
- 5 Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игитов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой,
Их советником — воитель Энлиль,
Их управляющим был Нинурта,
- 10 Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлилля подчинили землю.
- 15 Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
- 20 Тяжкий труд положили Игигам.
Начали боги выкапывать реки,
Жизнь страны, каналы, прорыли.
Игиги стали выкапывать реки,
Жизнь страпы, каналы прорыли.
- 25 Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
- 30 [.]

-
. . .] они вознесли его вершину.
- а. Десять лет они тяжело трудились.
б. Двадцать лет они тяжело трудились.
в. Тридцать лет они тяжело трудились.
г. *Годы и годы* тяжело трудились.
- 34 *Годы* труда они *подсчитали*,
35 *Годы труда* в болотах и топях.
Годы труда они подсчитали.
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.
Они кричали, наполняясь злобой,
40 Они шумели в своих котлованах:
«Хотим управляющего увидеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!
Он, советник богов, воитель!
Пойдем, разыщем его жилище!
45 Энлиль, советник богов, вситель!
Пойдем, разыщем его жилище!»
Их предводитель открыл уста
И так говорит богам, своим братьям:
«Все управители древних времен [. . .
50]
- а. *Неправедно* был назначен Энлиль!
б. *Его заменим*, другого назначим!
- II. 57 Он, советник богов, воитель!
Пойдем, разыщем его жилище!
Энлиль, советник богов, воитель!
60 Пойдем, разыщем его жилище!
Ныне ему объявляем войну!
Сражение да столкнется с битвой!»
Боги вняли его речам.
Они спалили свои орудья,
65 Они сожгли свои лопаты,
66—67 Предали пламени свои корзины.
За руки взявшись, они пошли
К святым вратам воителя Энлиля.

- 70 В средину стражи, в самую полночь
Был храм окружён, но бог не ведал.
В средину стражи, в самую полночь
Был Экур окружён, но Энлиль не ведал.
Калькаль услышал и был встревожен.
- 75 Он открыл засов и глянул наружу.
Бог Калькаль разбудил Нуску.
Шум Игигов они услышали.
Нуску пошел будить господина.
С ложа его он его поднял.
- 80 «Господни мой, твой храм оцеплен,
Подошла битва к твоим воротам!
О Энлиль, твой храм оцеплен,
Подошла битва к твоим воротам!»
- 85 Энлиль открыл свои уста.
Говорит своему советнику Нуску:
«Нуску, закрой на засов ворота!
Вооружись, предстань предо мною!»
- 90 Нуску закрыл на засов ворота,
Вооружился, предстал пред Энлилем.
Нуску открыл свои уста,
Так говорит воителю Энлилю:
«Господин мой, что это лик твой бледен,
Почему ты сынов своих боишься?
- 95 Энлиль, что это лик твой бледен,
Почему ты сынов своих боишься?
Позови, и пусть опустится Ану,
Энки предстанет перед тобою».
Он послал, и Ану к нему спустился.
- 100 Энки предстал пред его очи.
Воссел Ану, владыка неба,
Внимал Энки, владыка Апсу.
Великие Ануннаки воссели.
Поднялся Энлиль, изложил дело.
- 105 Энлиль уста свои открыл,
Так говорит богам великим:
«Что это ныне здесь случилось?

- Не должен ли я устроить сражение?
 Что это очи мои узрели?
 110 Подошла битва к моим воротам!»
 Ану уста свои открыл,
 Так говорит воителю Энлилю:
 «Отчего Игиги
 Врата окружили,
 III. 115 Нуску пошли *узнать и разведать*;
 Приказ отдай своему посланцу,
 Чтоб сыны твои открыли причину!»
 Энлиль уста свои открыл,
 Говорит своему советнику Нуску:
 120 «Нуску, отвори ворота!
 Вооружись, предстапь предо мною!
 Перед собранием *всех богов*
 Склонись, поднимись, передай наше слово:
 «Меня послал отец ваш Ану,
 125 Ваш советник, воитель Энлиль,
 Ваш управляющий Нинурта
 И надсмотрщик ваш Эннуги!
 Кто *подстрекатель* этой битвы?
 Кто *зачинщик* этого боя?
 130 Кто из вас призывал к нападенью?
 Кто столкнул сражение и битву?»
 В собрании *всех великих богов*
 Скажи, и ответ *принеси Энлилю*.
 Нуску в собрании *всех богов*
 135 Склонился, поднялся, объявил посланье:
 «Меня послал отец ваш Ану!
 Ваш советник, воитель Энлиль,
 Ваш управляющий Нинурта
 И надсмотрщик ваш Эннуги!
 140 Кто *подстрекатель* этой битвы?
 Кто *зачинщик* этого боя?
 Кто из вас призывал к нападенью?
 Кто столкнул сражение и битву?»
 В собрании *всех великих богов*

- 145 Так сказал я, *ответ принесу Энлилю*.
«Все, как один, войну объявили!
В котлованах нам
Положили трудиться!
Непосильное бремя нас убивает,
150 Тяжек труд, велики невзгоды.
Ныне мы, боги, все, как один,
Идем к Энлилю, несем наше слово!»
Нуску взял свое оружие,
Пошел, *склонился, предстал перед Энлилем*:
155 «Господин мой, *ты посылаи* меня,
Я ходил, *передал* твое слово,
Сообщил *посланье богов* великих,
Ответ приношу, *излагаю* дело:
«Все, как один,
160 Войну объявили.
В котлованах нам положили трудиться!
Непосильное бремя нас убивает.
Тяжек труд, велики невзгоды!
Ныне мы, боги, все, как один,
165 Идем к Энлилю, несем наше слово!»
Когда Энлиль услышал их речи,
Из глаз его покатались слезы.
Энлиль его *посланью внемлет*,
Так говорит он воину Ану:
170 «Благородный, там, у себя на небе,
IV Закон укрепи, покажи свою силу!
Когда Ануннаки пред тобою воссядут,
Вызови бога, предай его смерти!»
Ану уста свои раскрыл,
175 Так говорит богам, своим братьям:
«За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они несут корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
180 Да создаст праматерь род человеков,
Бремя богов на него возложим».

а1 Эйа открыл свои уста,
 а2 Так говорит богам, своим братьям:
 а3 «За что мы к ним питаем злобу?
 а4 Их труд тяжел, велики невзгоды.
 а5 Каждый день они носят корзины,
 а6 Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
 а7 Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
 а8 Белет-или, праматерь богов, предстанет,
 а9 Пусть она сотворит человека,
 а10 Бремя богов на него возложим.
 а11 Труд богов поручим человеку,
 а12 Пусть несет человек иго божье!
 189 Когда Белет-или, праматерь, предстанет,
 190 Да сотворит праматерь потомство,
 Корзины богов — носить человеку!»
 Кликнули богиню, позвали
 Повитуху богов, мудрейшую Мами.
 «О праматерь, творец человека!
 195 Сотвори человека, да несет он бремя!
 Да примет труды, что Энлиль назначил!
 Корзины богов — носить человеку!»
 Нинту уста свои раскрыла,
 Так говорит богам великим:
 200 «Я не могу сотворить в одипочку,
 Только с Энки исполню работу,
 Ибо только он освящает,
 Пусть глины мне даст, и я исполню!»
 Энки раскрыл свои уста,
 205 Так говорит богам великим:
 «В первый же месяц, в день седьмой
 и пятнадцатый,
 Я совершу обряд очищенья.
 Один из богов да будет повергнут,
 Да очистятся боги, в кровь окунувшись.
 210 Из его плоти, на его крови
 Да намешает Нинту глины!
 Воистину божье и человеческое соединятся,

Смешавшись в глине!
 Чтоб вечно мы слышали стуки сердца,
 215 Да живет разум во плоти бога,
 Да знает живущий знак своей жизни,
 Не забывал бы, что имеет разум!»
 «Да!» — ответствовало собрание,
 Ануннаки великие,
 220 Что решают судьбы.
 В первый же месяц, в дни седьмой
 и пятнадцатый,
 Он совершил обряд очищения.
 «Премудрого»-бога, что имеет разум,
 Они убили в своем собрание.
 225 Из его тела, на его крови
 Намесила богиня Нипту глины.
 V Чтоб вечно слышали стуки сердца,
 Разум живет во плоти бога,
 Знает живущий знак своей жизни,
 230 Не забывал бы, что имеет разум.
 Когда она замесила глину,
 Позвала Ануннаков, богов великих.
 А Игиги, великие боги,
 Слюной своею смочили глину,
 235 Мама раскрыла свои уста,
 Так говорит богам великим:
 «Вы приказали —
 Я совершила.
 Вы бога повергли и его разум!
 240 Я вас избавила от работы,
 Ваши корзины дала человеку.
 Теперь вам достанется крик человека,
 Я ж сняла с вас ярмо, дала вам свободу!»
 Едва услышали они эги речи,
 245 Кинулись к ней, целовали ноги.
 «Прежде мы «Матушкой» тебя называли,
 Теперь твое имя — «Владычица божья!»
 248—249 Они отправились к дому судеб —

- 250 Эйа-государь и мудрая Мами.
 Богини рождения собрались,
 Пред нею глины они натоптали.
 Она начала говорить заклинанья,
 Те, что Эйа давал ей, пред нею сидя.
- 255 Когда ж завершила она заклинанья,
 Отломила четырнадцать ломтей глины.
 Семь она положила направо,
 Семь она положила налево.
 Кирпич — посредине между ними.
- 260 а7 *«Как власы подрезают — пуповину режьте!»*
 а8 Собрались в мудрости и познание
 а9 Богини рожденья — семь и семь их.
 а10 Семь мужей они сотворили,
 Семь они сотворили женщин.
 а11 Праматерь, создательница судеб!
 а12 Соединили их попарно,
 а13 Пред ней попарно соединили —
 а14 Участь людей начертала Мами!
 а15 «В доме рожающей во время родов
 а15 Да будет кирпич на семь дней установлен!
 а16 Владычицу божью, премудрую Мами
 да славят!
- а17 Повитуха да радуется в доме, где роды!
 а18 А когда разродится роженица —
 а19 Разрешится от бремени мать младенцем!
 а20 Пусть мужчина юной девице [. . . .
 а21]
- 272 Пусть растут у женщины груди,
 Пусть борода растет у мужа,
 Щеки юноши пусть покрывает.
- 275 Пусть огныне и вовеки
 Да возлягут вместе жепы и супруг ее». Собрались богини рожденья,
 Воссела Нинту,
 Подсчитала сроки.
- 280 Судьбу судила — на девятый месяц.

- VI И когда пришел девятый месяц —
 В назначенный срок раскрыла лоно.
 С сияющим, полным радости ликом,
 С главою покрытою
 285 Повиванье свершила.
 Опоясала чресла,
 Благословила,
 Муки пасыпала, кирпич поставила.
 «Это я сотворила, мои создали руки!
 290 В дом жрицы-кадишту да войдет повитуха!
 А когда начнет рожать роженица,
 292—293 Разрешится от бремени мать младенцем —
 На девять дней кирпич да возложат!
 295 Да будет восславлена праматерь Нинту!
 Богию Мами да призовут ее сестры!
 Восславят праматерь, Кеш да восславят!
 Когда супруг на ложе возляжет,
 300 Да спит жена с супругом вместе!
 Во время замужества и женитьбы
 Пусть Иштар в доме свекра ликует!
 Девять дней да продлится праздник!
 Иштар да назовут Ишхарой!
 305 В назначенный срок да свершатся судьбы!»
 VII [.]
]
 328 Человек *нес свое бремя,*
 Чистоту жилищ *блюли люди,*
 330 Сын отцу *своему был опорой*
 [.]
]
 336 Заглубели руки *от тяжелой работы.*
 Киркой и лопатой строили храмы,
 Сооружали большие каналы,
 Для пищи людской, пропитанья божья
 [.]
 352 Не прошло и двенадцати *состен лет,*
 Страна разрослась, расплодился люди.

- Как дикий бык, ревут земли,
 355 Бог встревожен громким шумом.
 Эвлияль слышит людской гомон,
 Богам великим молвит слово:
 «Шум человека меня донимает,
 Спать невозможно в таком гаме!
 360(9) Прикажем — пусть-ка чума нагрянет!
 361(10) Пускай-ка Намтар уменьшит их гомон!
 362(11) Подобно буре по ним пройдутся
 363(12) Мор, болезни, чума и язва!»
 (13) Опи приказали — чума папала.
 (14) Владыка Намтар уменьшил их гомон.
 (15) Подобно буре по ним гуляют
 (16) Мор, болезни, чума и язва.
 364(17) Некто, мудрейший из всех, Атрахасис,—
 365(18) Наставлял Атрахасиса Энки-владыка —
 366(19) Он говорил со своим богом,
 367(20) И бог давал ему наставленья.
 368(21) Атрахасис уста свои открыл,
 369(22) Так говорит своему господину:
 (23) «Господин мой, человечество стонет!
 (24) Болезнь, что наслал ты, пожирает землю!
 (25) Эйя, владыка, человечество стонет!
 (26) Божья болезнь пожирает землю!
 (27) Воистину, вы создатели наши!
 (28) Так возьмите ж болезни, чуму и язву!
 370 Доколе, владыка, беда продлится?
 Неужто болезни даны нам навеки?»
 Энки уста открыл и молвил,
 Так рабу своему отвечает:
 «Собери старцев пред своими вратами,
 375 Совет держи в доме, так скажи им:
 «Прикажите, и вестники пусть объявят,
 Всей стране возгласят громогласно:
 «Вы не чтите богов ваших!
 Молитвой не славили богинь ваших!
 380 Но разыщите врата Намтара,

- Хлебы печеные перед ним поставьте,
Мукóй сезама воздайте жертву!
Устыдится пред даром,
Удержит руку!»
- 385 Атрахасис оракулу впемлет,
Собрал старцев перед своими вратами.
Атрахасис уста открыл,
Старцам такое слово молвил:
- VIII «Старцы, я вас *позвал в дом мой!*
390 *Хочу совет держать* в доме,
Прикажите, и вестники пусть объявят,
Всей стране возгласят громогласно:
«Вы не чтили богов ваших,
Молитвой не славили богинь ваших!
- 395 Но разыщите врата Намтара!
Хлебы печеные перед ними поставьте!
Мукóй сезама воздайте жертву!
Устыдится пред даром,
Удержит руку!»
- 400 Старейшие словам его гняли,
Храм Намтара
Воздвигли в граде.
Приказали, и вестники объявили,
Возгласили всей стране громогласно.
- 405 Богов своих они не чтили.
Богинь не славили молитвой.
Но они разыскали врата Намтара.
Хлебы печеные возложили перед ними.
Мукóй сезама воздали жертву.
- 410 Устыдился пред даром,
Удержал руку.
Отвел от людей чуму и язву,
- 413 Боги вернули себе приношенья
[.]
- 416 Не прошло и двенадцати сотен лет [...]
-

416 [строк] первой таблицы «Когда боги, подобно людям». Рука Ку-Аййи, младшего помощника писца, 18-й год правления Аммицадуки.

Т А Б Л И Ц А II

- I. 1 Не прошло и двенадцати сотен лет,
Страна разрослась, расплодились люди.
Как дикий бык, ревут земли,
Бог встревожен громким шумом.
- 5 Энлиль слышит людской гомон,
Богам великим молвит слово.
- (37) Энлиль собрал средь богов собрание,
(38) Так говорит богам, сынам своим:
- 7 «Шум человека меня донимает.
- (38) Людей не меньше, их стало больше.
- (39) Гомон их меня беспокоит,
8(40) Спать невозможно в таком гоме.
- 9(42) Отнимем-ка у людей пропитанье.
- 10(43) Засушим травы, обречем на голод.
- 11(44) Адад наверху пусть запрет свои ливни,
12—13(45) Внизу перекройте подземные воды.
Орошение из бездны да не проникнет!
- 4a Пусть Ану и Адад стерегут небо,
5a Син и Нергал — среднюю землю.
- 6a Засовы моря, врата океана
7a И травы его — сторожить Энки.
- 14—15 Да выйдет ветер, иссушит почву,
16—17 Налются тучи, да не прольются ливнем!
- 18(46) Поля да уменьшат свои урожаи!
- 19(47) Пусть грудь свою отвернет Нисаба!
- 20 Прекратится среди людей ликование!
- 21 Уничтожат людей лишения и голод.
- (48) Черные нивы да будут белы,
Пусть просторное поле соль рождает!

- (49) Чрево земли на них да восстанет!
 Не взрастут травы, не взойдут злаки!
 (50) Да будет мор ниспослан людям!
 (51) Сожмется матка, не родятся младенцы!»
 (52) Они забрали у людей пропитанье!
 (53) Засушили травы, обрекли на голод.
 (54) Вверху Адад дожди свои запер,
 (55) Внизу перекрыли подземные воды.
 Орошение из бездны не проникало.
 (56) Поля уменьшили урожай.
 (57) Нисаба грудь свою отвернула.
 (58) Черные нивы стали белы.
 Просторное поле соль рождало.
 (59) Чрево земли на них восстало.
 Трава не возшла, не выросли злаки.
 (60) Мор на людей они наслали.
 Сжалась матка, не рождались младенцы.

(Следующие столбцы основной версии плохо сохранились, далее идет текст «Ассирийской» версии.)

V об. [.]

- (10) По наступлении первого года
 От голода тяжело они страдали.
 По наступлении второго года
 Тяжко страдали они от жажды.
 По наступленье третьего года
 Черты людей исказил голод.
 (15) По наступленье четвертого года
 Короткими стали их длинные поги,
 Узкими стали их широкие плечи.
 Вдоль улиц брели они, согнувшись.
 По наступленье пятого года
 Дочь караулила мать в воротах,
 Но мать не открыла дочери двери.
 (20) Следила дочь за весами матери,
 Следила мать за весами дочери.
 По наступленье шестого года

- Дочерей своих они съели,
Сыновей употребили в пищу.
- (24) [.]
- Семьи истребляли друг друга.
- (25) Их лица покрылись солодом смерти.
Людам недоставало жизни.
А он, мудрейший, Атрахасис,
К владыке Эйа склонял он разум.
Он говорил со своим богом,
- (30) И бог давал ему наставленья.
Он разыскивал врата бога,
На речном берегу он поставил ложе,
На берегу пустынных потоков.
[.]
- III в. 2 *Атрахасис молился* своему богу,
3 Приношения к ногам его ставил.
- 4(13) Каждый день он горестно плакал,
5—6(14) Вместе с зарей приносил ему жертвы.
- 7 Он заклинал бога *в молитвах*,
8 Он ждал знамения в сновиденье.
9 Он заклинал Энки *в молитвах*,
10 Искал знамения в сновиденьях.
11 Он приходил к храму бога,
12 Пред храмом бога сидел и плакал.
13 Пред алтарем ему жертвы ставил,
14 Пред храмом бога сидел и плакал.
- 15(15) Когда река была пустынна,
16 Ночь спокойна, близилось утро,
17 Он глядел на реку, узреть он жаждал,
18 На берегах потока воззвал он к богу:
19 «Да возьмет поток меня, река да схватит!
20 Да поставят пред моим богом!
21 Пред богом Энки меня поставят.
22 Да увижу Энки в своем сновиденье,
23 Я в почи да узрю сновиденье».
- 24(22) С тех пор как он приходил к потоку,
25(23) К реке обратясь, сидел и плакал,

- 26(24) Перед потоком сидел и плакал,
 27 На берегу реки молился,
 28 К Апсу стремился своею душою.
 29(27) Услышал Энки его молитвы.
 30 Своим Лахму и Лахаму молвит:
 31(29) «Человек, что в мольбах на берегах моих
 плачет,
 32(30) Ныне возьмите его, приведите,
 33(31) Ступайте, приказ мой исполните ныне».
 34 Спросить [.]
]
 II. 13' Старцев созови пред домом.
 14' Со старцами совет держи в доме:
 15' «Прикажите — и вестники пусть объявят,
 8 Всей стране возгласят громогласно:
 9 «Вы не чтили богов ваших,
 10 Молитвой не славили богинь ваших.
 11 Но разыщите врата Адада,
 12 Хлебы печеные пред ним поставьте,
 13 Мукóй сезама воздайте жертву.
 14 Устыдится пред даром, удержит руку.
 16 Пошлет на заре росы благодатной,
 17 Дождь в ночи незаметно закаплет,
 18—19 В полях, как в тайне, зерно зародится».
 20 Храм Ададу воздвигли в граде.
 21 Приказали — и вестники объявили.
 22 Возгласили всей стране громогласно.
 23 Богов своих они не чтили,
 24 Богинь не славили в молитвах.
 25 Но они разыскали врата Адада,
 26 Хлебы печеные пред ними поставили,
 27 Мукóй сезама воздали жертвы.
 28—29 Устыдился пред даром, удержал руку.
 30—31 Послал на заре росы благодатной,
 32 Дождь в ночи незаметно закапал,
 33 В полях, как в тайне, зерно зародилось.
 34 Нужда и недоля от них отступились,

35 Боги вернули себе припсшенья.
[.]

(Конец столбца разрушен.)

[.]

(От начала столбца сохранились лишь отдельные слова.)

- V. 13 Энлиль на богов исполнился гневом:
14 «Все мы, великие Ануннаки,
15 Все, как один, решили вместе,
Ану и Адад охраняют небо,
Я охраняю средину — землю.
Куда бы ни отправился Энки,
Облегчает он бремя, даст послабленье.
20 Он допустил изобилие людское,
Дал им дышать на земле под солнцем». Энлиль открыл свои уста,
Говорит своему советнику Нуску:
«Ко мне да будут призваны боги!»
25 Пусть все, как один, предо мною предстанут!»
Всех богов к нему призывали.
Так им сказал воитель Энлиль:
«Все мы, великие Ануннаки,
Все, как один, решили вместе:
30 Ану и Адад охраняют небо,
Я охраняю средину — землю.
Всюду, куда б ни ступил ты,
1' Ты облегчаешь бремя, даешь послабленье.
2' Ты допустил процветанье людское.
3' Дал им дышать на земле под солнцем».
14в Эйя уста открыл и молвит:
16в «Ты приказал, чтоб Ану и Адад
Охраняли небо — верхнюю область,
17в Чтобы Син и Нергал охраняли средину,
18в Чтоб засовы вод, врата океана,
19в И травы его я охранял бы,

- 20в Но убежали, от меня ускользнули
 21в Мириады рыб, мириады тварей.
 22в Я их собрал, но они исчезли,
 23в Половину засова они разбили.
 24в Тогда я убил стражей моря,
 25в Взял виновных, назначил им кару.
 26в После того как назначил им кару,
 27в Свершил наказанье, покарал виновных».
 [.]

(В начале столбца сохранились лишь отдельные слова.)

[.]

- VI. 10 Посылал Адад свои ливни,
 Поля насыщал своею влагой,
 Тяжелые тучи покрывали небо,
 Людей не насытил,
 Не дал им хлеба».
15. Бога колики схватили в собрание.
 Смех одолел его среди совета.
 Энки колики схватили в собрание,
 Смех одолел его среди совета.
- 20 [.] клевета (?) в его руки.
 21 [.] богов
 [.] Энки и Энлиль.
 «Все мы, великие Ануннаки,
 Все, как один, решили вместе:
- 25 Ану и Адад охраняют небо,
 Я охраняю средину — землю,
 Всюду, куда бы ни ступил ты,
 Облегчаешь бремя, даешь послабление,
 Ты допустил процветанье людское,
- 30 Дал им дышать на земле под солнцем.
 [.]
] войтель Энлиль.
 [.]

(Начало столбца разрушено.)

- VII. 30 [.]
- 31 «Ваши корзины дала человеку.
Вы получили крик человека.
 Вы бога повергли и его разум.
 Вы насытились [.]
- 35]
- Вы устанавливаете судьбы.
 Да возвратит она [.]
- Энки-государь нас свяжет общею клятвой!»
- 40 Энки уста свои *открыл*,
 Так говорит *богам, своим братьям*:
 «Зачем вы хотите *связать* меня клятвой?
 Положу ли я руку на *моих* *человеков*?
 Потоп, что вы мне повелели,—
- 45 Что такое? Мне неизвестно!
 Мне ли давать рождение потопу?
 Воистину, это дело Энлиля.
 Да будет избран на это дело.
- 49—50 Пусть идут впереди Шуллат и Ханиш,
 Пусть Эррагаль вырывает жерди,
 Пусть Нинурта идет, рушит плотины».

(Начало столбца разрушено.)

- [.]
- VIII. 32 Собрание *всех великих богов*,
 33 Не послушав, на *злое дело* *решилось*.
 34 Боги решились на гибель мира.
 35 Злое дело уготовил людям Энлиль.
 644 Так сказал пред всем собранием:
 646 «Принесем вместе о потоке клятву!»
 647 Ану первый пред ним поклялся.
 648 Энлиль поклялся, с ним и сыны его.
 36 Атрахасис уста открыл,
 37 Так обратился к своему владыке.

ТАБЛИЦА III

- I. 1 Атрахасис уста свои открыл,
 2 Так обратился к своему владыке:
 [.]
- 1a «Эйа, владыка, я слышу твое приближенье!
 2a Поступь я чую, что шагам твоим подобна!»
 3a Атрахасис склонился, простерся, поднялся.
 4a Открыл уста свои, так он молвит:
 5a «Владыка, я слышу твое приближенье!
 6a Поступь я чую, что шагам твоим подобна!»
 7a Эйа, владыка, я слышу твое приближенье!
 8a Поступь я чую, что шагам твоим подобна!
 [.]
- 13a Яви ж мне знамение в сновиденье,
 14a Дабы смысл его уловить я сумел бы».
 15a Эйа уста свои открыл,
 16a Так рабу своему отвечает:
 17a «Ты говоришь: «Что я узнаю?» —
 18a Следи же за вестью, что ныне шлю я!»
 19a «Внемли, о стена!
 20a Хижица, слушай!
- 21–22a Разрушь свой дом, корабль выстрой!
 23–24a Презри богатство, спасай душу!
 25a Корабль, который ты построишь,
 26a *Шириною длине* да будет равен!
 [.]
- 8 ср. в Назови его именем «Спасающий жизни»!
 29 Покрой его крышей, подобно Апсу!
 30 Так, чтобы солнце внутрь не проникло.
 31 Да будет закрыт он и сверху и снизу!
 Его снаряжение должно быть прочным.
 Пусть густая смола укрепит его крепость.
 Я же нашлю на вас ливень.
- 35 Изобилие птиц, обилие рыбы.
 5д Следи за сроком, что сообщу я.
 6д В корабль войди, закрой все двери.

7д Возьми зерна и добра, что имеешь,
 8д Жену, семью, родню, рабочих.
 9д Тварей степных, травоядных и диких
 10д Я пошлю к тебе, к твоим воротам».

11д Атрахасис уста открыл и молвит,
 12д Так говорит владыке Эйе:
 13д «Я никогда корабля не строил.
 14д Чертеж на земле мне начертил ты.
 15д Очертанья увижу, корабль построю».

16д На земле чертеж начертал Эя.
 17д «Владыка, что приказал ты, *исполню*».

36 Он открыл срок и его исполнение.
 Он предсказал семь дней потопа.
 Атрахасис внял его предсказанью.
 Он собрал старцев пред своим домом.

40 Атрахасис уста свои открыл,
 Так говорит совету старцев:
 «Мой бог не *согласен* с вашим богом.
 Друг на друга гневаются Энки и Энлиль.
 Они изгоняют меня из *града*,

45 Оттого что я поклоняюсь Энки,
 Он сообщил мне это решение.
 Не могу я жить во граде вашем,
 Не могу ступать по земле Энлиля.
Может ли смертный спорить с богами?

50 Вот что сказал мне *владыка мой Энки*».

(Начало столбца разрушено.)

[.]

II. 10 Старейшины *словам его вняли*.
Со своим топором приходит плотник,
 Камень свой несет строитель.

13 *Даже малыш смолу таскает.*
 14 *Даже бедняк несет, что может.*

[.]

30 Все, что *имел*, погрузил он на судно,
 Все, что *имел добра*, погрузил на судно.

- Светлых животных взял он с собою,
 Жирных и тучных взял он с собою,
 Взял с собою, на борт их поднял.
- 35 Птиц небесных взял он с собою,
 Скот домашний,
 Диких тварей [.]
Тварей степных на борт он поднял.
 Ушли дни, пришло новолунье.
- 40 Он созвал людей своих
 На пир *прощальный*.
 Родню и семью на борт он поднял.
 Они ели яства,
 Они пили напитки.
- 45 Он же спускался и поднимался.
 Сесть не мог он, и лечь не мог он.
 Разрывалось сердце, желчью рвало.
 День начал менять лики.
 Загремел Адад в черной туче.
- 50 Едва он рыки его услышал,
 Взял смолы, замазал отверстия.
 Как только он закрыл входы,
 Взревел Адад в черной туче,
 Взыли ветры, его приветствуя выход.
- 55 Оборвал канат, сорвал судно.
 [.]
- Об. а4 Вздывается ветер, несет бурю,
 а5 Адад на ветрах, своих мулах, мчится —
 а6 Восточном, Западном, Северном, Южном.
 а7 Ураганы и бури завывали пред ним.
 а8 Злобный вихрь *взметнулся* ветрам навстречу,
 а9 К нему вздыхается Южный ветер,
 а10 Западный ветер трубит рядом.

- а12 Колесницей богов *ураган* несется,
 а13 Мчится вперед, убивает, молотит.
 а14 Идет Нинурта, открывает плотины,
 а15 Эррагаль якоря и столбы вырывает.

- a16 Анзуд разрывает когтями небо.
a17 Разум страны, как горшок, расколот.
11/a18 *Поднялись воды*, и потоп вышел.
Его мощь прошла по людям, как битва.
Один не может увидеть другого,
Узнать друг друга в уничтожение.
15 Как дикий бык, потоп бушует,
Как ревущий осел, *завывает* ветер.
[.]
23/a20 Ану *услышал* голос потопа.
24/a21 *Шум потопа* дрожать богов заставил.
25 Энки! Его помутились мысли,
26—27 Когда сыны его пред ним поверглись!
Нинту, величайшая из владычиц —
Тряслись в лихорадке ее губы!
30 Ануннаки, великие боги,
Сидели, мучимые голодом и жаждой!
Глядя на них, рыдала богиня,
Повитуха богов, мудрая Мами.
«Да померкнет день тот,
35 Во мрак да вернется!
36 Как могла я вместе со всеми богами
38 В совете решиться на гибель мира?
Насытился Энлиль постыдным приказом?
40 Подобно Тируру, он поднял мерзость!
42 И я ныне по собственной воле
43 Над собою слышу их вопли!
44—45 Надо мной словно мухи, рожденные мною!
46 Я же ныне как в доме плача!
47 В пустоте раздаются мои вопли!
48 Мне ли карабкаться на небо,
49—50 Мне, что жила в доме сокровищ?
51 Где же был Ану и его мудрость,
52 Когда боги, сыны его, речам его вняли?
53 Что, не подумав, потоп устроил,
54 Приговорил людей к истреблению!»
[.]

- IV. 4 Так рыдала Нинту, *неслись ее вопли.*
 5 «Что это? Перевернули море?
 6—7 Как стрекозами запрудили реки!
 8 Как лодчонку, землю перевернули,
 9 Как лодчонку в степи вверх днищем поставили!
 10 Я гляжу и над ними плачу,
 11 Я завершила по ним причитанье!»
 12 Так рыдала — утешала сердце,
 13—14 Так стонала Нипту, выпускала вопли.
 15 Боги с нею оплакивали землю,
 16—17 Скорбью насытись, она жаждала пива,
 18—19 Когда села она, и они в слезах сели.
 20 Словно овцы перед кормушкой, сгрудились.
 21 В лихорадке от жажды пересохли губы,
 22—23 От голода судороги сводили.
 24 Семеро суток — ночей и дней
 25 Бушевали потоп, ураган и ливень.
 26 Там, где прошел *потоп войною,*
 27 *Все уничтожил, превратил в глину.*
 [.]

(Разбито около 30 строк конца столбца.)

[.]

(Разбито около 30 строк начала столбца.)

[.]

- V. 30 На четыре ветра *принес он жертву,*
 Он поставил *богам воскуренье,*
 Приготовив пищу, *пред богами поставил,*
 [.]
 Боги почуяли благовонный запах,
 35 К приношению, словно мухи, собрались.
 Когда же они вкусили жертвы,
 Поднялась Нинту, пред всеми встала.
 39—40 «Где был Ану и его разум?
 Как? И Энлиль приблизился к жертве?
 Потоп устроили, не подумав,

Приговорили людей к истребленью!
 Вы решились на гибель мира!
 45 Их ясные лики потемнели ныне!»
 И она подошла к амулету-мухе,
 Что Ану изготовил и носил *на радость*.
 48—49 «Мне — его скорбь! Да сужу мои судьбы!
 50 Да скроется горе!
 Да открою лик мой!
 52 Воистину, *темные дни не вернутся!*
 [.]
 VI. 2 Да будет этот амулет-муха
 Темно-синего камня на моей шее,
 Чтобы я те дни вспоминала *вечно!*
 5 Корабль увидал воитель Эплиль,
 Гневом исполнился против *Игигов*.
 «Все мы, великие Ануннаки,
 Все, как один, клялися вместе!
 Как ускользнула душа живая
 10 И человек уцелел в разрушенье?»
 Ану уста свои открыл,
 Так говорит воителю Энлилю:
 13—14 «Кто, как не Энки, сотворил такое?
 15 Я же не разглашал приказа». *Энки* уста открыл и молвит,
 Так говорит богам великим:
 «Воистину, дело мое перед вами.
 За спасение жизни я в ответе.
 20 Где же, боги, был ваш рассудок,
 Что, не подумав, на потоп решились?
 [.]
 Сердце свое успокоил ты, Энлиль?
 Смягчил ли ты свою ярость ныне?
 25 Виновный да примет свое наказание!
 И тот, кто слова твои уничтожил!»
 «[.] собрание богов решило
 [.]
] установили.

40 *Я же облегчил мое сердце».*

Ану уста свои открыл,

Так обращается к князю Энки:

«Давай позови праматерь Нинту!

Ты и она совет держите!»

45 Энки уста свои открыл,

Так говорит праматери Нинту:

«Ты, праматерь, творящая судьбы,

Создай сторожей рожденья людям

[.]

VII. 1 Да будет отныне *иное* людям:

2 Одни рожают, другие не будут!

3 Да живет средь людей Пашиту-демон,

4—5 Да вырвет младенца с колен роженицы!

6—7 Жрицам — укбабту, игициту, энту —

8—9 Да будет запрет им — да прервут рожденье!»

[.]

.

.]

масло [.]

сторожа людей *при рожденье* [.]

мужчина [.]

молодой девушке [.]

девушка [.]

мужчина юной девице [.]

пусть девица [.]

.]

[.]

VIII. 9 «Как мы *потоп* сотворили,

10 Но человек уцелел *в разрушенье».*

11 Ты, советник богов *великих*,

12—13 Твоим веленьем я создал битву,

14—15 Во славу твою хвалебную песню!

16—17 Да услышат Игиги, да хранят твою славу.

18—19 Я же воспел о потопе людям.

20

Слушай!

«КОГДА ПИР УСТРОИЛИ БОГИ...»
ПОЭМА О НЕРГАЛЕ И ЭРЕШКИГАЛЬ
(Ранняя версия из Телль-эль-Амарны)

ФРАГМЕНТ А

Когда пир устроили боги,
К сестре своей Эрешкигаль
Посла они послали.
«Нам к тебе не спуститься,
5 И тебе к нам не подняться.
Пришли — пусть возьмут твою долю».
Послала Эрешкигаль посла своего Намтара.
Поднялся Намтар к высокому небу.
Вошел туда, где сидели боги.
10 *Встали боги, приветствуя Намтара,*
Посланца сестры своей могучей.
[.]
.]

ФРАГМЕНТ В

[.]
25 *Послала Эрешкигаль посла своего Намтара,*
Молвив: «Бога, что пред послом моим
не поднялся,
Ко мне пришли — я предам его смерти!»
Пошел Намтар говорить с богами.
Вскричали боги, говоря с ним о смерти:
30 «Взгляни — и бога, что пред тобой не поднялся,
Возьми — да предстанет пред твоей госпожой».
Перечел их Намтар, последний бог был
плепивым.
«Нет здесь бога, что не встал предо мною».

Пошел Намтар, изложил госпоже дело:
 35 *«Госпожа моя, перечел всех богов я,
 Был последний бог плешивым.
 Но не было бога, что не встал предо мною».*
 [.]
 }

ФРАГМЕНТ А, ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

[.]
*«Бога, что пред тобой не поднялся,
 К Эрешкигаль отправь!»* Заплакал Нергал.
 Пред Эйей, отцом своим, горько рыдает: *«Предаст
 меня смерти!*
 45 *Не оставит мне жизни!»* — *«Не бойся, сын мой!
 Семь и семь я дам тебе стражей.
 В пути с тобою воистину будут: [.],
 Молниеносный,
 Вихрь неистовый, Подстерегающий,
 Преследование, Вихрь-Ветер,
 Падучая, Судороги, Припадок, Дух Крыши,
 50 Жар, Лихорадка [.]
 Да пойдут они с тобою»* [. . .] Когда прибыл
 Нергал к воротам
 Эрешкигаль, он привратнику крикнул: *«Открой
 ворота твои, привратник!
 Отопри засовы, дабы вошел я! К твоей владычнице
 Эрешкигаль меня послали!»* Пошел привратник,
 55 Намтару молвит: *«Некий бог в воротах!
 Иди, опознай его, пусть войдет он!»* Вышел
 Намтар,
 Его увидел, радостно побежал обратно, так
 он молвит
 Своей госпоже: *«Госпожа! Это бог тот самый,
 тот, что в прошлый месяц
 Исчез, он пришел — тот, что предо мной
 не поднялся!»*

- 60 «Приведи! Пусть войдет! Я предам его смерти!»
Вышел Намтар, так Нергалу молвит: «Войди,
господин мой,
В дом сестры твоей! Да ликует Кута твоему
приходу!»
Отвечает Нергал: «Да будет сердце твое мне
радо!»

ФРАГМЕНТ В. ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

[.]

Он расставил стражей перед воротами.

[.]

.] перед третьими,

Молниеносного перед четвертыми,

Вихрь неистовый перед пятым,

Подстерегающего перед шестыми,

- 70 Преследование перед седьмыми, Вихрь-Ветер
перед восьмыми,
Падучую перед девятыми, Судороги перед
десятыми,
Припадок перед одиннадцатыми,
Духа Крыши перед двенадцатыми,
Жар перед тринадцатыми, Лихорадку перед
четырнадцатыми
Вратами он расставил. *Перерубил во дворе*
запоры.

- 75 Намтару и воинам его приказ дает: «Ворота
Настежь! Воистину, войду я за вами!»

В ее жилище он схватил Эрешкигаль

За волосы и стащил ее с трона

На землю, чтоб отрубить главу ей.

- 80 «Не убивай меня, брат мой! Дай мне вымолвить
слово!»

Как услышал Нергал, опустил свои руки.

Она плачет, рыдает.

«Ты — супруг мой! Я — твоя супруга!
Да возьмешь ты
 Царство всей Земли Обширной! Я вложу таблицы
 Судеб в твои руки! Господин — ты!
 85 Я — госпожа!» Как услышал Нергал эти речи ее,
 Схватил, расцеловал, утер ее слезы.
 «Все, что ни пожелаешь, с месяцев тех
прошедших
 И доныне — так!» [.]

«ЦАРИЦУ НАРОДОВ ХОЧУ Я ВОССЛАВИТЬ...»

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА О НЕРГАЛЕ И ЭРЕШКИГАЛЬ
 (Ассирийская версия)

- I. 1' Царицу народов хочу я восславить!
 [.]
 Эрешкигаль, царицу народов, хочу я восславить!
 [.]
 5' [.]
Царицу богов, ее мудрость и милость.
 Эрешкигаль, средь богинь всемогущую,
 [.] твоё милосердие
 [.] прощение
 10' [.] грехи наши!

*(Несколько строк в начале таблицы разрушены. Де-
 вять строк восстанавливается по строкам 31—37 столб-
 ца I. Нумерация строк условна.)*

Когда все боги на пир собрались,
 К Эрешкигаль, сестре своей, посланца отправили.
 [.]
 Ану уста открыл и молвит, так говорит послу
Гаге:
 «Я пошлю тебя, Гага, к Страпе без Возврата.

- Эрешкигаль, моей дочери, так ты скажешь,
Молвив: «К нам ты не можешь подняться!
За год твой к нам тебе не подняться,
И мы не можем к тебе спуститься,
За месяц наш нам к тебе не спуститься.
Пусть придет к нам твой посланец,
Долю пиршества твою получит.
15' Все, что я дам ему, пусть тебе доставит».
- Спустился Гага по лестнице неба долгой,
Ворот царицы Эрешкигаль достигнув.
«Привратник, отвори мне ворота!»
«Войди, о Гага! Врата тебе да ликуют!»
В первые врата вводит он Гагу.
Во вторые врата вводит он Гагу.
В третьи врата вводит он Гагу.
В четвертые врата вводит он Гагу.
В пятые врата вводит он Гагу.
25' В шестые врата вводит он Гагу.
В седьмые врата вводит он Гагу.
Вступил Гага во двор ее просторный.
Склонился, поцеловал пред нею землю.
Поднялся, встал, так сказал ей:
30' «Отец твой Ану меня отправил,
Молвив: «К нам ты не можешь подняться,
За год твой к нам тебе не подняться,
И мы не можем к тебе спуститься,
За месяц наш нам к тебе не спуститься.
35' Пусть придет к нам твой посланец,
Долю пиршества твою получит.
Все, что я дам ему, пусть тебе доставит!»
Эрешкигаль уста открыла и молвит,
так говорит она Гаге:
«Посланец отца моего Ану, что к нам прибыл,
40' Здравие Ану, Энлилю и Эя, богам великим!
Здравие Намму и Нашу, богам пресветлым!
Здравие Владычицы Неба супругу!
Здравие Нинурте, сильнейшему в мире!»

Гага уста открыл и молвит, так говорит

Эрешкигаль:

- 45' «Во здравии Ану, Энлиль и Эйа, великие боги!
Во здравии Намму и Нашу, светлые боги!
Во здравии супруг Владычицы Неба!
Во здравье Нинурта, сильнейший в мире!»

Гага уста открыл и молвит, так говорит

Эрешкигаль:

- 50' «И тебе, царица, воистину — здравие!»
Эрешкигаль уста открыла, Намтару, послу
своему, так молвит:
«Взойди, Намтар, мой посол, на небо отца

нашего Ану,

Поднимись, Намтар, по лестнице неба долгой,
Долю пиршества мою да получишь,

- 55' Все, что даст тебе Ану, доставишь!»
Намтар поднялся по лестнице неба долгой.
Вступил Намтар на небеса Ану.
Боги все, как один, пред ним склонились.
Великие боги, что решают судьбы.

[.]

*(Окончание столбца, около шестнадцати строк,
разрушено.)*

- II. 1' Эйа уста свои открыл, так Нергалу он молвит:
«Когда вступил он на небеса Ану,
Когда пришел он путем подземного мира,
Боги все, как один, пред ним склонились,
Великие боги, что решают судьбы.

Он же — хранитель законов, хранитель

законов божьих,

Законов богов, что живут в Иркалле.

Отчего же ты пред ним не склонился?

Глаза мои не тебе ли мигали?

- 10' . А ты отвернулся, как бы не зная,
На меня не взглянул, уставился в землю».

(Около пяти строк разбито.)

Нергал уста свои открыл, государю Эйа так он
молвит:

[.] поднимусь я!

[.] так ты скажешь!

20' Нить двойную вдвойне сплету я!»

Эйа, такое услышав, так в сердце своем

себе молвит:

«Создам я воистину это сплетенье, пошлю его

к Стране без Возврата».

Эйа уста свои открыл, так Нергалу он молвит:

«Странник, коли хочешь идти, топор возьми

II

в свои руки,

25'.Н1 Сгупай в лес «железных» деревьев,

26'.Н1 Наруби «железных» деревьев,

можжевельника и кедров,

27'.Н2 Вырежь палки, жезл и посох».

Н3 Когда Нергал это услышал, взял он топор

в свои руки,

Н4 Привязал меч себе на пояс,

28'.Н5 Отправился в лес «железных» деревьев,

29'.Н5 Нарубил железных деревьев, можжевельника,

кедров,

30'.Н6 Вырезал палки, жезл и посох

31' Для приветствия [.] и Нингигишзиды.

Н7 [.] престол он создал — бога и государя Эйи.

32'.Н8 Серебра подобье — так он дерево изукрасил.

33'.Н9 Злата подобье — так он кедр изукрасил.

34'.Н8 Лазурного камня подобье — так можжевельник
он изукрасил.

35'.Н10 Он закончил работу, престол царства.

36'.Н11 Позвал его Эйа, его разум наставил:

37'.Н12 «Странник, пойдешь ты путем, что выбрало

сердце,

38' Все, что скажу тебе я, исполни!

39'.Н13 Когда принесут тебе престол, чтобы сел

на него ты,

40'.Н13 Не гляди и не садись на престол тот,

- 41'.Н14 Припесст тебе некарь хлеб — не гляди
и не ешь того хлеба!
- 42'.Н15 Принесет мясник тебе мясо — не гляди
и не ешь того мяса!
- 43' Принесет пивовар тебе пиво — не гляди
и не пей того пива!
- 44' Воду для омовения ног подадут — не гляди,
не омывай свои ноги!
- 45' А когда она войдет в купальню,
46' *Одеждою ночи она одета,*
47' Когда тело свое тебе откроет,
48' Как муж жены, да не возжелаешь ее сердцем!»
49' Нергал [.]

(Разрушено около двенадцати строк.)

- Нергал к Стране без Возврата направил мысли.
К дому мрака, жилищу Иркаллы,
К дому, откуда не выйдет вошедший,
III. 1' К пути, чьи дороги ведут без возврата,
К дому, где жаждут живущие света,
Где пища их — прах, где еда их — глина.
Одеты, как птицы, одеждою крыльев.
5' Света не видят, живут во мраке.
Где каждый угол полон вздохов.
Днем и ночью, подобно горлице, стонут.
Достиг Нергал ворот Страны без Возврата.
Привратник уста свои открыл, так Нергалу
он молвит:
10' «У ворот подожди, о путник, да подам
о тебе я вести».
Пошел привратник, Эрешкигаль так он молвит:
«Госпожа, некий путник до нас добрался,
Кто его опознать бы мог, я не знаю».
[.]

(Несколько строк разбито.)

- 15' Эрешкигаль уста открыла, Памтару так
она молвит:

«Если тот это бог, схвати его ты!»
«Если тот это бог, я его опознаю!
Да взгляну на него я у ворот наружных!
Моему владыке принесу о нем вести!»

20' Пошел Намтар, Эрру в тени ворот увидел.
Лицо Намтара, как срубленный тамариск,
побелело,
Губы его, как срезанный тростник, почернели.
Пошел Намтар, госпоже своей так он молвит:
«Госпожа, когда ты меня к Ану, отцу нашему,
посылала,

25' Когда во двор Ану вошел я,

III

26'.Н1 *Почтительно боги* предо мною склонились,

27'.Н2 Все боги страны предо мною сложились.

Н2 Один бог предо мной не склонился.

Н3 Тот, что ныне спустился в Страну
без Возврата».

[.]

33'.Н4 Эрешкигаль уста открыла и молвит,

Так говорит послу своему Намтару:

35'.Н5 «Намтар мой, не желай для себя господства!

Н6 Геройства пусть твое сердце не ищет!

Н7 Встань, воссядь на престол наш царский!

Н8 Верши суд над Землею Обширной!

Н9 *Ужели взойду я на небо Ану?*

Н9 Хлеб Ану, отца моего, есть я буду!

Н10 Пиво Ану, отца моего, пить я буду!

40'.Н11 Ступай же, Намтар, приведи того бога!

39' Хлеб Ануннаков есть он будет, питье

Ануннаков пить он будет!»

Н12 Пошел Намтар, привел бога Эрру.

41'.Н13 В первые ворота Неду он его ввел.

42'.Н14 Во вторые ворота Энкишара он его ввел.

43'.Н15 В третьи ворота Эндашуриммы он его ввел.

IV

44'.Н1 В четвертые ворота Эннеруллы он его ввел.

- 45'.Н2 В пятые ворота Эндукуги он его ввел.
 46'.Н2 В шестые ворота Эндушуббы он его ввел.
 47'.Н3 В седьмые ворота Эннугиги он его ввел.
 48'.Н3 Он вступил во двор ее просторный.
 49'.Н4 Склонился, поцеловал перед нею землю.
 Н4 Поднялся, встал и так ей молвил:
 50'.Н5 «Отец твой Ану меня к тебе отправил,
 51'.Н6 Молвив: «На престол сей воссядь,
 52'.Н6 Суд над богами верши,
 53'.Н7 Над богами великими, что живут в Иркалле».
 Н8 И с того времени, как вошел он,
 54'.Н9 Когда принесли престол, чтобы сел он,
 55'.Н9 Он не взглянул и не сел на престол тот.
 56'.Н10 Пекарь принес ему хлеб — не взглянул
 и не ел того хлеба.
 57'.Н11 Мясник принес ему мяса — не взглянул
 и не ел того мяса.
 58'.Н12 Пивовар принес ему пиво — не взглянул
 и не пил того пива.
 59'.Н13 Воду для омовения ног ему дали — не взглянул,
 не омыл свои ноги.
 60'.Н14 Когда же она вошла в купальню,
 61' *Одеждою ночи она одета,*
 62' Когда тело свое ему открыла,
 63' Он, как муж жены, не возжелал ее сердцем.
(В конце столбца разрушено около девяти строк.)
 [.]
 IV. 3' Ануннаки [.]
 Нергал, услышав это поднялся.
 5' Она вошла в свою купальню.
Одеждою ночи она одета.
 Она открыла ему свое тело.
 И, как муж жены, возжелал ее сердцем.
 Брат и сестра обнялись оба.
 10' Со страстью вошли они в купальню.
 Первый день и второй возлежат они вместе —
 царица Эрешкигаль и Эрра.

Третий день и четвертый возлежат они вместе —
царица Эрешкигаль и Эрра.
Пятый день и шестой возлежат они вместе —
царица Эрешкигаль и Эрра.

По наступлении дня седьмого

15' Нергал, обессиленный, *поднялся.*

Встала за ним Эрешкигаль, царица.

«Отпусти меня, о сестра, дай уйти мне!

Не печалься — к тебе возвращусь я.

Пусть уйду — но вернусь в Страпу без Возврата».

20' Она — почернели губы ее, ее лицо побелело.

Нергал отправился прямо к воротам.

Уста открыл, так привратнику молвит:

«Эрешкигаль, госпожа твоя, меня послала.

Молвив: «Я пошлю тебя на небо к Ану».

25' Отпусти же! Вести я несу на небо».

Поднялся Нергал по лестнице неба долгой,

Врат Ану, Энлиля и Эйи достигнув.

Ану, Энлиль и Эйя его увидали.

«Сын Иштар поднялся к нам!» — вскричали.

30' «Увидит Намтар его — да не узнает!

Пусть отец его Эйя окропит водой водоема.

Косоглазый, хромой и плешивый в совете богов
да воссядет!»

Эрешкигаль *поднялась с ложа.*

Она *направилась в купальню.*

35' [.]

Тело свое она обнажила.

[.]

Она позвала к себе Намтара.

Престол господства поставить велела.

39'.а «Окропи жилище водою чистой.

40 Окропи жилище водою чистой.

Да будет дом водою чистой обрызган.

Окропи водою чистой двух дочерей бога

и Эймешару.

Их окропи водою чистой.

Н1 Посланец отца нашего Ану, что пришел к нам,—

45'.Н1 Хлеб наш да будет оп есть, воду нашу
да будет он пить!»

46'.Н2 Намтар уста открыл и молвит,

47'.П2 Эрешкигаль, госпоже своей, так говорит он:

48'.НЗ «Посланец отца твоего Ану, что приходил к нам,

ИЗ Исчез прежде, чем настало утро».

Н4 Громко Эрешкигаль зарыдала.

Н5 С трона упала она на землю.

Н6 С земли Эрешкигаль вскочила, из глаз ее
покатились слезы.

52'.Н7 По ее щекам побежали слезы.

53'.Н7 «О Эрра, сладостный супруг мой!

54'.Н8 Я не насытилась его лаской — ушел он!

55'.Н9 О Эрра, сладостный супруг мой!

56'.Н9 Я не насытилась его лаской — ушел он!»

57'.Н10 Намтар уста открыл и молвит, Эрешкигаль
так говорит он:

Н11 «Пошли меня к отцу нашему Ану,

58'.Н11 Я пойду, и этого бога схвачу я!

59'.Н11 К тебе да вернется, тебя да обнимет!»

V.H12 Эрешкигаль уста открыла и молвит,

Н12 Так говорит послу своему Намтару:

«Ступай, Намтар, поднимись по лестнице неба
долгой!

1'.Н13,14 К вратам Ану, Энлиля и Эйи обрати лик свой,

2'.Н14,15 Молвив: «Ни в младенчестве, ни в девичество»

З'.Н16 Девичьих забав я не знавала,

Детских потех я не видала.

Этот бог, что послал ты ко мне, он мной овладел,
со мной да возляжет!

Этого бога пошли мне в супруги, со мною да
проводит ночи!

Я нечиста, осквернена, суд великих богов

не могу судить я!

Великих богов, что живут в Иркалле!

Если же ты бога того мне не вышлешь,
 10' По законам Иркаллы и Земли Великой,
 Я выпущу мертвых, что живых поедают,
 Мертвецы умножатся над живыми!»
 Поднялся Намтар по лестнице неба долгой.
 Когда он ворот Ану, Энлиля и Эйи достигнул,
 15' И Ану, Энлиль и Эйа его увидали:
 «Что пришел ты, Намтар?»
 «Дочь ваша меня послала,
 Молвив так: «Ни в младенчестве, ни в девичестве
 Девичьих забав я не знавала,
 20' Детских потех я не видала.
 Этот бог, что ты послал, мной овладел,
 со мной да возляжет!
 Этого бога пошли мне в супруги, со мною
 да проводит ночи!
 Я нечиста, осквернена, суд великих богов
 не могу судить я!
 Великих богов, что живут в Иркалле!
 25' Если ж ты бога того мне не вышлешь,
 Я выпущу мертвых, что живых поедают,
 Мертвецы умножатся над живыми!»
 Эйа уста свои открыл и молвит, так говорит
 он Намтару:
 «Ступай, Намтар, во двор Ану!
 30' *Увидишь бога — бери с собою!»*
 Когда он вошел во двор Ану,
 Низко склонились пред ним все боги,
 Все боги страны перед ним склонились.
 К одному подошел — того бога не видит.
 35' Ко второму, третьему — того бога не видит.
 Пошел Намтар, госпоже своей так молвит:
 «Госпожа! На небе отца твоего Ану, куда ты
 меня посылала,
 Бог один, госпожа, косоглазый, хромой
 и плешивый в совете богов восседает!»

- «Ступай и бога того схвати, ко мне
приведи его!»
- 40' Это отец его Эйя окропил его чистой водою!
Косого, плешивого и хромого, что в совете
богов восседает!»
- Намтар поднялся по лестнице неба долгой.
Когда к воротам Ану, Энлиля и Эйя он прибыл,
И Ану, Энлиль и Эйя его увидали:
- 45' «Что пришел ты, Намтар?» — «Дочь ваша
меня послала,
Молвив: «Схвати того бога, ко мне приведи его!»
Пошел Намтар во двор Ану. «Ступай, Намтар,
во двор Ану,
Найди обидчика, с собой возьми его!»
- К одному подошел он — того бога не видит.
- 50' Ко второму, третьему — того бога не видит.
К четвертому, пятому — того бога не видит.
Ану уста свои открыл, Эйе-государю так молвит:
«Пусть Намтар, посол, что к нам прибыл,
Изопьет воды нашей, умастится елеем нашим!»

(Около девяти строк конца столбца V разрушено.)

- VI. 1' «Да не схватит он меня силой [.]»
«Эрра, я поведу тебя за собою [.]»
«Я убью тебя! [.]»
Намтар, порученье твое [.].»
- 5' «Эрра! [.]»
Все законы подземного мира тебе я открою,
Когда отсюда ты путь направишь!
Престол, что ты сделал, — возьми с собою!
[.] возьми с собою!
- 10' [.] возьми с собою!
[.] возьми с собою!
[.] возьми с собою!
[.] возьми с собою!
- Но когда ты в подземное царство вступишь,
- 15' Сними лук, что на груди своей ты носишь».

- Нергал слова Намтара принял сердцем.
Тетиву спустил и лук ослабил.*
- Сошел Нергал по лестнице неба долгой,
Ворот Эрешкигаль достигнув.
- 20' «Привратник, отвори ворота!»
- 21' Привратник престол его в воротах повесил,
- 22' Не дал ему унести его с собою.
- 23' Второй привратник [. . . .] его в воротах
повесил.
- 23a' Не дал ему унести его с собою.
- 24' Третий привратник его [.] в воротах
повесил.
- 24a' Не дал ему унести его с собою.
- 25' Четвертый привратник его [.] в воротах
повесил.
- 25a' Не дал ему унести его с собою.
- 26' Пятый привратник его [.] в воротах
повесил.
- 26a' Не дал ему унести его с собою.
- 27' Шестой привратник его [.] в воротах
повесил.
- 27a' Не дал ему унести его с собою.
- 28' Седьмой привратник его [.] в воротах
повесил.
- 28a' Не дал ему унести его с собою.
- 29' Вступил он во двор ее просторный.
- 30' К ней подошел и засмеялся.
Он схватил ее за ее косы.
Он стащил ее с ее престола,
Он схватил ее за длинные кудри,
Ибо любовь была в его сердце.
- 35' Брат и сестра обнялись оба.
Со страстью взошли они на ложе.
Один и другой день возлежат они вместе,—
царица Эрешкигаль и Эрра.
Третий день возлежат они вместе,— царица
Эрешкигаль и Эрра.

Четвертый день возлежат они вместе,— царица

Эрешкигаль и Эрра.

40' Пятый день возлежат они вместе,—

царица Эрешкигаль и Эрра.

Шестой день возлежат они вместе,— царица

Эрешкигаль и Эрра.

Когда же настал день седьмой,

Ану уста открыл и молвит,

Так говорит послу своему Гаге:

45' «Гага, тебя я направляю к Стране без Возврата,

46'—47' К дому Эрешкигаль, жилищу Иркаллы.

Так скажешь: «Бог, что к тебе посылал я,

С тобою отныне да пребудет навеки!

50' *Отныне нет ему доли в мире верхнем.*

Отныне доля его — в мире нижнем!»

*(Конец столбца, около двенадцати строк, возможно,
включая и колофон, разрушен.)*

«К СТРАНЕ БЕЗЫСХОДНОЙ...»
СОШЕСТВИЕ ИШТАР В ПРЕИСПОДНЮЮ

I

К стране безысходной, земле *обширной*
Синова дочь, Иштар, свой дух *склонила*,
Склонила Синова дочь свой дух *пресветлый*
К обиталищу мрака, жилищу Иркаллы.
К дому, откуда вошедший *никогда не выходит*,
К пути, на котором дорога *не выводит обратно*;
К дому, в котором вошедший *лишается света*,
Света он больше не видит, во тьме обитает;
Туда, где питье его — прах и еда его — глина,
А одет он, словно бы птица, одеждою крыльев.

II

На дверях и засовах *простирается прах*,
Перед вратами *разлилось запустенье*.
Ворот Преисподней *едва достигнув*,
Иштар уста *открыла, вещает*,
К сторожу врат *обращает слово*:
«Сторож, сторож, *открой ворота*,
Открой ворота, *дай мне войти*.
Если ты не откроешь ворот, *не дашь мне войти*,
Разломаю я дверь, *замок разобью*,
Разломаю косяк, *побросаю я створки*.
Подниму я усопших, *едящих живых*,
Станет больше живых *тогда, чем усопших*».

III

Сторож уста *открыл и вещает*,
Обращается он *к великой Иштар*:
«Постой, госпожа, *не сбрасывай двери*,

Обожди ты снаружи, *внутри я войду*,
Доложу твое имя царице Эрешкигаль».
Входит сторож, вещает Эрешкигаль:
«Сестра твоя это, Иштар, *стоит у дверей*,
Корчемница это великих пиров,
Возмутившая воды перед Эа — *царем*».

IV

Эрешкигаль, такое услышав,
Словно срубленный дуб, в лице пожелтела,
Как побитый тростник, почернели губы:
«Что ее сердце ко мне приносит,
Что ее чрево на меня замышляет?
Что же, и я с нею *воссяду*,
С Ануннаками вместе пить буду воду,
Наместо хлеба есть буду глину,
Пить, наместо вина, мутную воду,
О мужьях буду плакать, оставивших жен,
Буду я плакать вместе о женах,
Взятых от лона своих супругов,
Буду я плакать о малютке, о нежном,
Ранее срока прочь унесенном!»

V

«Ступай, о сторож, открой врата ей,
Поступи с ней согласно древним законам».
Приходит сторож, открыл врата ей:
«Входи, госпожа! Ликует Куту!
Дворец Преисподней о тебе веселится!»

VI

В одни врата ее ввел и снимает, убирает большую
тиару с ее головы.
«Зачем убираешь ты, сторож, большую тиару с моей
головой?»

«Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».
В другие врата ее ввел и снимает, убирает подвески
с ее ушей.
«Зачем убираешь ты, сторож, подвески с моих ушей?»
«Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».
В третьи врата ее ввел и снимает, убирает ожерелье
с ее шеи.
«Зачем убираешь ты, сторож, ожерелье с моей шеи?»
«Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».
В четвертые врата ее ввел и снимает, убирает щиточки
с ее груди.
«Зачем убираешь ты, сторож, щиточки с моих груди?»
«Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».
В пятые врата ее ввел и снимает, убирает пояс
рождений с ее чресел.
«Зачем убираешь ты, сторож, пояс рождений с моих
чресел?»
«Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».
В шестые врата ее ввел и снимает, убирает запястья
с ее рук и ног.
«Зачем убираешь ты, сторож, запястья с моих рук
и ног?»
«Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».
В седьмые врата ее ввел и снимает, убирает платочек
стыда с ее тела.
«Зачем убираешь ты, сторож, платочек стыда с моего
тела?»
«Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

VII

Как издревле Иштар к Преисподней сходила —
Эрешкигаль, ее видя, пред ней взъярилась,
Иштар не смутилась и к ней ступила.
Эрешкигаль уста открыла, вещает,
К Намтару-послу обращает слово:
«Ступай, Намтар, во дворце затвори ее,

Наведи шестьдесят *болезней* на сестру, на Иштар:
Болезнь очей на *очи* ее,
Болезнь ушей на *уши* ее,
Болезнь рук на *руки* ее,
Болезнь ног на *ноги* ее,
Болезнь сердца на *сердце* ее,
Болезнь главы на *голову* ее,
На всю на нее, на *все ее тело*».

VIII

Как Иштар, госпожа, сошла к Преисподней,—
Бык на корову больше не скачет,
Осел ослицы больше не кроет,
Жены при дорогом не кроет супруг,
Спит супруг в своей спальне, спит жена у себя.

IX

Папсуккаль, посол великих богов,
Омрачился видом, в лице *потемнел*,
Оделся в худое, облекся в траур.
И пошел Папсуккаль к Эа — *отцу*,
И перед Эа бегут его слезы:
«Иштар на землю сошла, не восходит.
С той поры как Иштар сошла к Преисподней,—
Бык на корову больше не скачет,
Осел ослицы больше не кроет,
Жены при дорогом не кроет супруг,
Спит супруг в своей спальне, спит жена у себя».

X

Эа в глубинах сердечной задумал образ,
Создал Аснамира, евнуха:
«Ступай, Аснамир, к вратам Преисподней
лик обратн,
Семь ворот Преисподней пред тобой распахнутся,

Эрешкигаль, тебя увидав, тебе да ликует,
Отдохнет ее сердце, ее чрево взыграет,
Ты заставь ее клясться, клясться великими богами,
«[.] создала [.] в утробе.
Голову кверху, к меху Хальзику дух устремил!»
«О госпожа, пусть дадут мне Хальзику, из него изопью я!»

XI

Эрешкигаль, такое услышав,
Ударила бедра, прикусила палец:
«Пожелал ты, Аснамир, чего не желают!
Я тебя прокляту великою клятвой,
Наделю тебе долей, незабвенной вовеки:
Снедь из канавы будешь ты есть,
Сточные воды будешь ты пить,
В тени под стеною будешь ты жить,
На черепицах будешь ты спать,
Голод и жажда сокрушат твои щеки».

XII

Эрешкигаль уста открыла, вещает,
К Намтару-послу обращает слово:
«Ступай, Намтар, во дворец, ударь [.]
Постучи в черепицы из белого камня,
Изведи Ануннаков, на трон золотой посади их,
Иштар живою водой окропи, приведи ее».
Пошел Намтар во дворец, ударил [.]
Постучал в черепицы из белого камня,
Ануннаков извел, на трон золотой посадил их,
Иштар живою водой окропил и привел ее.

XIII

«Ступай же, Намтар, возьми ты Иштар;
А если она не даст тебе выкупа — верни ты ее».
И Намтар ее взял, [.]

XIV

В одни врата ее вывел и вернул ей большую тиару
с ее головы.
В другие врата ее вывел и вернул ей подвески с ее ушей.
В третьи врата ее вывел и вернул ей ожерелье с ее шеи.
В четвертые врата ее вывел и вернул ей щиточки
с ее грудей.
В пятые врата ее вывел и вернул ей пояс рождений
с ее чресел.
В шестые врата ее вывел и вернул ей запястья
с ее рук и ног.
В седьмые врата ее вывел и вернул ей платочек
стыда с ее тела.

XV

[.] [.]
«На Таммуза, дружка ее юности,
Чистую воду возлей, лучшим елеем помажь;
Светлое платье пусть он наденет,
И лазурная флейта разобьет его сердце,
И веселые девы полонят его мысли».

XVI

*Перед Белили сокровища разложены,
Камни-глазочки полнят подол ее;
Жалобу брата услышала — и разбила Белили
сокровища.*
Камни-глазочки рассыпались по *небу*:
«Брат мой единый, не плачь обо мне!»
«В дни Таммуза играйте на лазоревой флейте,
На порфирном тимпане с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы,
Мертвецы да восходят, да вдыхают куренья!»

«ЦАРЬ ВСЕХ ОБИТАЛИЩ...»

ПОЭМА О БОГЕ ЧУМЫ ЭРРЕ

ТАБЛИЦА I

- 1 Царь всех обиталищ, творец вселенной, [. . .]
Хендурсапга, сын Эллиля, первенец
славный,
Носитель прекрасного скиптра, хранитель
черноголорых, пастух *человеков*,
Ишум, чтимый резник, чьим рукам
привычен грозный взмах оружия
5 И метание острых копий! Эрра, воитель
богов, томится в жилище,
Жаждет сердце его затеять битву.
Он оружию велит: «Смажься смертным
ядом!»
Сибитти, бойцам несравненным: «Обнажите
оружье!»
А тебе он молвит: «На волю пойду я!
10 Ты — светильник, все на твой свет
взирают,
Ты — предводитель, боги — *твое войско*,
Ты — широкий меч, *убийца многих!*»
«Эрра, вставай! Как страну
ниспровергнешь,
Сколь твой дух взвеселится, возликует
утроба!»
15 Как у сонного, у Эрры *ослабли* руки.
Своему сердцу он молвит: «Встать ли
мне, лежать ли?»,
Он оружию велит: «В ножнах оставайся!»,
Сибитти, бойцам несравненным: «В жилище
вернитесь!»

Пока ты не поднимешь, он пребудет
 на ложе,
 20 С супругою Мамми предаваясь уладам,
 О Энгидуду, владыка, в почи
 бродящий, государей наставник,
 Кто дев и юношей направляет ко благу, как
 день им светит!
 У Сибитти, бойцов несравненных, иная
 природа,
 Их рождение дивно, страх они внушают,
 25 Их вид ужасен, смерть — их дыханье,
 Боятся люди, приблизиться не смеют.
 Ишум — дверь, что для них закрыта!
 Ану, царь богов, обрюхатил землю —
 Семь богов она породила, он царек их
 Сибитти.
 30 Перед ним они встали, им назначил он
 судьбы.
 Одного он призвал и дает повеленье:
 «Где б ни буйствовал ты, соперника
 не встретишь!»
 Молвит он второму: «Как огонь
 сожигай, полыхай, как пламя!»
 Третьего заклиняет: «Уподобься льву, тебя
 узревший да сгинет!»
 35 Четвертому молвит: «От взмаха твоего
 оружия гора пусть рухнет!»
 Пятому молвит: «Дуй, словно ветер, возмути
 всю землю!»
 Шестому велит: «Рази налево
 и направо, пикого не милуй!»
 Седьмого змеиным ядом
 снабдил: «Истребляй живущих!»
 Как назначил судьбы всем Сибитти Ану,
 40 Эрре, воителю богов, он их отдал: «Пусть идут
 с тобой рядом.
 Когда надоест тебе человеческий гомон

И ты пожелаешь свершить расправу,
 Перебить черноголовых и стада
 Шаккана,—
 Да станут они твоим грозным оружием, да
 идут с тобой рядом!»
 45 Они свирепы, их оружие поднято,
 Они молвят Эрре: «Вставай! За дело!
 Что сидишь ты во граде, как хилый
 старец,
 Что сидишь ты дома, как слабый ребенок!
 Как не знающим воли, нам ли есть
 пищу женщин?
 50 Нам ли в страхе дрожать, как
 не сведущим в битве?
 Уйти на волю — для мужчины праздник.
 Даже князю во граде не снискать
 пропитанья,
 Забранят его люди, он посмешищем
 станет,
 Как он руку протянет уходящим
 на волю?
 55 Пусть даже крепок сидящий во граде,
 Над ходящим на волю как верх
 возьмет он?
 Хлеб пусть в граде обилен, не сравнится
 он с зольной лепешкой,
 Сладкое цеженое пиво с водой бурдюка
 не сравнится,
 Пышный дворец не сравнится с походной
 палаткой!
 60 Эрра-воитель, ступай на волю, взмахни
 оружием,
 Север с югом твой клич да приведет
 в содроганье,
 Игиги пусть слышат и возносят твое имя,
 Ануннаки пусть слышат и страшатся
 твоей славы,

Пастух из-за овец днем и ночью
 не ложится, к тебе он взывает.
 А мы, знатоки перевалов горных, о походах
 забыли,
 На доспехи наши легла паутина,
 Верный лук изменил нам, стал нам
 не под силу,
 90 У острой стрелы наконечник погнулся,
 Наш кинжал без убийства заржавел!»
 Услышал их воитель Эрра,
 Речь Сибитти ему, как елей, приятна.
 Он уста отверз, Ишуму вещает:
 95 «Почему ты молчишь, все это слыша?
 Проложи мне путь, в поход я отправлюсь!
 Сибитти, бойцы несравненные,
 порождения Ану,
 Мое грозное оружие, пусть идут со мной
 рядом,
 Ты ж вперед ступай или следуй за мною».
 100 Ишум услышал такие речи,
 Состраданьем охвачен, он молвит
 воителю Эрре:
 «Владыка, зачем па богов ты злое
 замыслил,
 На погибель страны, на людей
 истребленье безвозвратно ль ты злое
 замыслил?»
 Эрра уста отверз и вещает,
 105 Советнику Ишуму так говорит он:
 «Внемли, о Ишум, речь мою слушай
 Обо всех живущих, кому просишь
 пощады,
 О предводитель богов, чьи советы
 ко благу!
 Я на небе тур, и лев на земле я,
 110 В мире я царь, средь богов я грозен,

Сресть Игигов отважен, среди Ануннаков
 всесилен,
 Для гор — тарап, для дичи — охотник,
 В тростниках я огонь, в лесу я секира,
 В походе — знамя.
 115 Я вею как ветер, гремлю грозою,
 Как солнце озираю окружность вселенной,
 В степь выхожу я диким муфлоном,
 Брожу по пустыням, не строю жилища.
 Все боги боятся схватки со мною,
 120 Но черноголовые люди мною
 пренебрегают!
 Поелику они не страшились моей славы
 И Мардука слово отвергли, поступали
 по своей воле,
 Сам я сделаю гневным Мардука, государя,
 подыму его из жилища, людей
 ниспровергну!»
 Воитель Эрра к Шуанне, граду царя
 богов, обратился,
 125 В Эсагилу, Храм Небес и Земли, вошел,
 перед ним предстал он,
 Уста он отверз, царю богов он вещает:
 «Что с ризой твоей, подобающей
 владыке, что сияла, как звезды? Она
 загрязнилась!
 И с тиарой власти твоей, что озаряла
 Эхалапки, словно Этеменанки? Она
 затмилась!»
 Царь богов уста отверз и вещает,
 130 Эрре, воителю богов, он слово молвит:
 «Воитель Эрра, что до дела, которое
 свершить ты намерен,
 Я был некогда гневен, из жилища
 вышел — потоп устроил,
 Из жилища вышел — уставы небес
 и земли отменил я.

Небеса всколыхнулись, сместились
 созвездья, я назад не вернул их.

135 Преисподняя вздрогнула — урожай
 уменьшила пашня, не собрать и налога!
 Уставы небес и земли ослабли — родники
 оскудели, половодья упали.
 Обернусь, погляжу,— насытиться нечем.

У тварей живых уменьшилось
 потомство,— я не вмешался,
 Пока, словно пахарь, в горсть не взял я
 их семя.

Дом я построил, в нем поселился.

140 Ризу же мою потоп окатил, и она
 загрязнилась,
 Просветлить мой облик, очистить
 одежды велел я Гирре.
 Как просветлил мои ризы, окончил
 он дело,
 Я тиару власти надел, к себе
 возвратился,—

Гневен мой лик, и взгляд мой грозен.

145 На людей, переживших потоп, все это
 выдавших,
 Не поднимешь ли оружие, не истребишь
 ли остаток?

Их мудрецов я отправил в бездну, не велел
 возвращаться,
 Камень-древо и янтарь я спрятал, куда —
 никому не поведал.

Что до дела, о коем сказал ты,
 воитель Эрра,—

150 Где же камень-древо, плоть
 богов, украшение царя вселенной,
 Чистое древо, высокий герой, достойный
 власти,

Что средь моря широкого на сто попрещ
 воды простирает корни до преисподней,
 А вершину вздымает до неба Ану?
 Где блестящий лазоревый камень, что я
 избираю для тиары?
 155 Где Нинильду, великий резчик, воплощение
 моей небесности,
 Обладатель златого резца, знаток искусства,
 Которое оп, как день, просветляет,
 К моим стопам заставляет склониться?
 Где Гушкинбанда, творец богов и людей, чьи
 чисты руки?
 Где Нинагаль, обладатель молота
 и наковальни,
 160 Кто твердую медь жуёт, словно кожу, вещей
 созидатель?
 Где отборные камни, порожденье широкого
 моря, украшенье тиары?
 Где семь мастеров из Бездны, священные
 рыбы «пураду»,
 Чья премудрость, как Эйа, владыка их,
 совершенна, очистители моего тела?»
 Услыхав его, приблизился воитель Эрра,
 Уста он отверз, государю Мардуку
 он вещает:
 165 «[.] его [.] я
 заставляю подняться,
 Сверкающий янтарь [.] его [.] я
 заставляю подняться [.]»
 Когда *Мардук* все это услышал,
 Уста он отверз, вещает воителю Эрре:
 170 «Коль поднимусь я из своего жилища, устав
 небес и земли ослабнет,
 Поднимутся воды, и сметут они землю,
 Светлый день омрачится и тьмою станет,
 Ураган разразится и задует звезды,

ТАБЛИЦА II

(Начало таблицы (фрагменты А и В, около 100 строк) сильно повреждено и связному переводу не поддается. Насколько можно судить по сохранившимся частям строк, речь идет сначала о пертурбациях в мироустройстве, явившихся, как и предсказывал Мардук, следствием его ухода из своего храма. Далее, видимо, рассказывается об очищении божественных одежд Мардука и его тиары. Затем Эрра возвращается в свой храм Эмеслам.)

ФРАГМЕНТ С

- В Эмеслам вошел он, вступил в жилище,
Сам себя вопрошает об этом деле,—
10 Его сердце гневно, не дает ответа.
Снова он его вопрошает:
«Проложи мне путь, в поход я
отправляюсь,
День наступил, настало время!
Я скажу — и Шамаш лучи уронит,
15 Сина лицо я закрою ночью,
Ададу скажу: «Тельцов отзови-ка,
Облака прогони, убери дождь со снегом!»
Мардуку и Эйе принесу известье:
«Рожденный в дождливый день будет в засуху
похоронен,
20 Ушедший по теченью воды вернется пыльной
дорогой».
Царю богов я скажу: «Обитай в Эсагиле,
Что велел ты — я свершу, исполню
приказ твой,
Как взмолятся черноголовые, их молитвы
отвергни!»
Сокрушу я страну, обращаю в руины,
25 Города разрушу, превращу в пустыню,
Горы снесу, зверей упичтожу,
Моря всколыхну, истреблю их богатства,
Искореню болотные заросли, спалю их,
как Гирру,

30 Ниспровергну людей, *погублю* все живое,
Никого не оставлю *даже* на семья!
 Скот и зверье не пущу на *пажить*.
 Подниму я общины друг против друга,
 Сын отца возненавидит, не даст ему покоя,
 Мать, улыбаясь, будет строить дочери
козни.
 35 В обитель богов, куда злому нет входа, введу
злодея,
 В обитель государей вселю проходимца.
 Зверей *подводных* заставляю подняться,
 Где увидят их — опустеет город,
 Горных зверей заставляю спуститься,
 40 Где ступят они — будет место пусто,
 Зверей степных без числа пущу по стогнам града,
 Приметы сделаю дурными, святилища
приведу в запустенье,
 В обитель богов *высокую* я впущу
Сангхульхазу,
Пышный царский дворец обращу в руины,
 45 Шум людей *прекращу*, отпиму у них
радость,
 Как костер, *вражда* *запыляет* на месте
дружбы [...].

(Далее одна строка, непонятная из-за сильных повреждений, кончается словами: [... введу злую...].)

Т А Б Л И Ц А III

ФРАГМЕНТ А

(Первые шесть строк сильно повреждены и непонятны. Видимо, они содержат продолжение речей Эрры.)

7 «У заступника доброго *душу исторгну*,
 Злого убийцу над всеми возвышу,
 Изменю людские сердца: отец не услышит сына,

10 Матери дочь скажет злобное слово,
 Злые речи вложу в них, забудут бога,
 На богиню свою изрыгнут кощунство,
 Подниму *разбойников*, прегражу дороги,
 Среди города люди станут грабить друг
 друга,
 15 *Лев и волк истребят Шакканово стадо,*
Разозлю Нинменанну, прекращу
 рожденья,
 Детского плача не дождется нянька,
 В полях заглушу восклицанья «Алала!»,
 Пастух и подпасок покинут загоны,
 20 Сорву одежды с тела людского,
 20a Мужа нагим пушу бродить по стогнам,
 Без одежды отправлю в обитель
 мертвых,
 Муж ради жизни своей жертвенной овцы
 не отыщет,
 Государь для оракула Шамата не отыщет
 ягненка,
 Больной не добудет мяса для жертвы [...].

(Строки 25—35 непонятны из-за сильных повреждений.)

(Фрагмент В тоже не поддается связному переводу из-за повреждений.)

ФРАГМЕНТ С

(Строки 1—23 плохо понятны из-за сильных повреждений. Видимо, Ишум пытался отговорить Эрру от его намерения.)

«Проложи мне путь, в поход
 я отправлюсь,
 25 Сибитти, бойцы
 несравненные, *порождение Ану,*
 Мое грозное оружие, *пусть идут*
 со мной рядом,

Ты же вперед ступай или *следуй*
за мною!»

50 Страшный Гирру, как день, просветлил его
 ризы, пробудил его грозные блески.
 Он десницей схватил булаву, свое великое
 оружье,
 Грозен взор Мардука-государя!
 Что ты мне скажешь в их защиту,
 О *Ишум*, премудрый советник богов, чьи
 советы — ко благу?
 55 [.]
 Мардука слово тебе не по праву!»
 Ишум уста отверз, вещает воителю Эрре:
 (Далее следуют 15 строк, непонятных из-за сильных
 повреждений.)

ФРАГМЕНТ D

1 [.]
 Ишум уста отверз, вещает воителю Эрре:
 «Воитель Эрра, узду небес ты держишь,
 Всей земли ты владыка, страны хозяин,
 5 Ты колышешь море, ровняешь горы,
 Людей ведешь ты, зверей пасешь ты,
 В Эшарре ты славен; в Ээнгурре державен,
 Шуанну ты блюдешь, Эсагилой правишь,
 Всю мощь богов ты собрал, тебе повинуются
 боги,
 10 Игиги боятся, Ануннаки страшатся,
 Твоим решениям внемлет Ану,
 Эллиль тебя любит, без тебя нет битвы,
 Без тебя нет сраженья,
 Тебе принадлежат войны доспехи!
 15 И еще говоришь в своем сердце: «Вот, меня
 презирают!»

Это ты, воитель Эрра, слова Мардука
 не боишься!»

- 1 «Это ты, воптель Эрра, слова Мардука
не боишься!
Связь всех стран в Димкуркурре, граде царя
богов, развязал ты,
Изменил своей
божественности, уподобился людям.
Оружием взмахнул ты, вышел на стогны,
5 В Вавилоне, как градорухитель, говорил
надменно.
Вавилоняне, что, словно тростинки, начальника
не знают, вокруг тебя собрались,
Не знавший оружия свой меч обнажает,
Не знавший стрел напрягает лук свой,
Не знавший свары вступает в битву,
10 Не знавший силы летает, как птица,
Слабый силача побеждает, быстроногого
обгоняет калека,
Правителю, пекущемуся о святынях, говорят
предерзкие речи,
Врата Вавилона, реку их богатства, своими
руками они заграждают,
На святилища Вавилона, как вторгшийся
враг, бросают пламя,
15 И ты — их предводитель, ты встал
во главе их!
На Имгур-Эллиль направляешь стрелы, «Увы!» —
говорит мое сердце.
Мухры, начальника врат, кровью мужей
и дев запятнал ты жилище.
Эти вавилоняне — птицы, а ты — их
ловушка,
Ты гонишь их в сеть, ловишь их,
истребляешь, воитель Эрра.
20 Ты покинул город, вышел наружу,
Принял облик льва, вступил в палаты.

Войско видит тебя, оружием машет.
 Гневно сердце правителя, отмстителя
Вавилону,
 Как идущий в набег, отдает он приказы,
 25 Предводителя войска ко злу склоняет:
 «В этот город шлю я тебя, человече!
 Богов не страшись, людей не бойся,
 От мала до велика предай всех смерти,
 Не щади ни детей, ни грудных младенцев,
 30 Разграбь нажитое добро Вавилона!»
 Войско царское выстроилось, в город
вступило,
 Стрелы горят, обнажены кинжалы.
 Людей посвященных ты заставил носить
оружье — мерзость для Дагана и Ану,
 Как сточную воду, их кровь ты пролил
на стогнах,
 35 Вскрыл им вены, окрасил реки.
 Мардук, великий владыка, увидел, «Увы!» —
воскликнул, стеснилось его сердце.
 На устах его — неотменимое проклятье.
 Он поклялся не пить речную воду,
 Он боится их крови, не хочет войти
в Эсагилу.
 40 «Увы, Вавилон, чью вершину уподобил я
пышной пальме,— растерзал ее ветер!
 Увы, Вавилон, что, словно кедровую
шишку, зерном я наполнил,— не
насытиться мне им!
 Увы, Вавилон, что возделал я, словно сад
цветущий, его плодов не видеть мне!
 Увы, Вавилон, что, словно печать из янтаря, я
повесил на шею Апу!
 Увы, Вавилон, что, словно Таблицы судеб, в
руках держал я, никому не вверяя!»
 45 *И так еще молвил* государь Мардук:
 «[.] от прошлых дней [.]

Отплывший от пристани [. . . .] переправится
 пешим.
 Пусть даже цистерна глубиною в канат, в ней
 человек не насытит душу.
 На просторе широкого моря — на тысячу
 поприщ — рыбацк свой челн шестом
 будет двигать.
 50 Что до Сиппара, вечного града, кого Владыка
 богов по любви своей не выдал потопу,—
 Против воли Шамаша ты разрушил его
 стены, снес укрепленья.
 Что до Урука, обителл Апу и Иштар, града
 иеродул, блудниц и девок,
 У кого Иштар мужей отняла, и они себе лишь
 подвластны,
 Где сутии и сугийки возглашали кличи,—
 55 Прогнали из Эанны певцов и танцоров,
 Чью мужественность, людям на страх, Иштар
 в женственность обратила,
 Носителей кинжалов и бритв, ножей
 и каменных лезвий,
 Что, на радость Иштар, нарушают запреты:
 Правителя злого, что не ведает пощады, ты
 поставил над ними,
 60 Угнетает он их, не блюдет их порядков.
 Разгневалась Иштар, на Урук обратилась,
 Наслала врагов, как зерно водой, страну
 разметала.
 Жители Даксы из-за разрушенного
 Эугаля непрерывно рыдают —
 Враг, насланный тобою, остановиться
 не хочет».
 65 Иштаран вторит словами:
 «Город Дер обратил ты в пустыню,
 Его людей изломал, как тростинки,
 Как пену на воде, заглушил их гомон.
 И меня не оставил в покое, сутиям выдал.

70 И я из-за Дера, моего града,
 Правый суд не могу вершить, ни давать
 для страны решенья,
 Повеление дать, ниспослать премудрость!
 Люди правду забыли, к насилью пристали,
 Справедливость покинули, служат злему.
 75 На одну страну семь ветров направляю:
 Кто в резне не умрет — умрет от мора,
 Кто от мора не умрет — враги в плен
 угопят,
 Кого в плен не угонят — прикончат
 злодеи,
 Кого злодеи не прикончат — царский меч
 настигнет,
 80 Кого царский меч не настигнет — князь
 ниспровергнет,
 Кого князь не ниспровергнет — Адад
 прочь смоеет,
 Кого Адад не смоеет — похитит Шамаш,
 Кто выйдет наружу — унесет его ветер,
 Кто спрячется в доме — поразит злой
 демон,
 85 Кто уйдет на холмы — погибнет
 от жажды,
 Кто спустится в долину — в воде
 погибнет!
 Холмы и долины ты равными сделал.
 Правитель города матери молвит:
 «В день, когда родила ты меня, мне б в утробе
 остаться,
 90—91 Испустить бы нам дух, умереть бы вместе!
 Ибо ты дала меня граду, чьи разрушены стены,
 Его люди — как дичь, их бог — охотник,
 Крепка его сеть, муж ее не избегнет, умрет
 злою смертью!»
 95 Кто сына родил: «Вот мой сын! —
 промолвил.—

Я возвращу его, он добром оплатит»,—
 Я сына убью, пусть отец хоронит,
 А потом и отца — пусть лежит
 без могилы.
 Кто построил дом и сказал: «Вот жилище,
 100 Его я построил, в нем отдохну я,
 В день судьбы моей я здесь упокоюсь»,—
 Того я убью, жилище разрушу,
 А потом руины отдам другому.
 Воитель Эрра! Правого предал ты смерти
 105 И неправого предал ты смерти,
 Кто пред тобой повинен, предал
 ты смерти,
 Кто пред тобой не повинен, предал
 ты смерти,
 Эна, спешащего с божественной
 жертвой, предал ты смерти,
 Дворцового евнуха, слугу царя, предал
 ты смерти,
 110 Старцев у порога предал ты смерти,
 Малых девочек в покоях предал
 ты смерти,
 Но никакого не обрел покоя.
 В своем сердце ты
 молвил: «Препебрегают мною!»
 Так молвишь ты в сердце, воитель Эрра:
 115 «Ниспровергну сильных, запугаю слабых,
 Полководца убью, обращаю войско
 в бегство,
 Храмов святыни, стен зубцы
 разрушу, погублю красу града.
 Вырву причальный столб, пусть корабль
 унесет течение,
 Сломаю кормило — не достигнет он
 берега,
 120 Выдерну мачту, разорву снасти.
 Грудь иссушу — не выживет младенец,

Засорю родники — не наполнит каналы вода
изобилья.

Сотрясу преисподнюю, раскачаю небо,
Истреблю блеск Шульпаэ, сгублю звезды
на небе,

125 Корни дерева подрежу — засохнут побеги,
У стены подрую основу — рухнет
верхушка,

Вступлю в жилище царя богов — решений
больше не будет!»

Как услышал его воитель Эрра —
Ишума речь, как елей, ему приятна,
130 И так промолвил воитель Эрра:

«Приморец — приморца, субарей —
субарея, ассириец — ассирийца,
Эламит — эламита, кассит — кассита,
Сутий — сутия, кутий — кутия,
Лулубей — лулубея, страна —
страну, община — общину,

135 Семья — семью, человек — человека, брата — брат
Да не пощадят, да истребят друг друга!
А затем да воспрянут аккадцы! И всех
одолеют, всеми будут править!»
Воитель Эрра советнику Ишуму молвит
слово:

«Ишум, ступай, что сказал ты —
исполни!»

Ишум к Хехе, к горе обратился,
140 Сибитти, бойцы несравненные, вокруг него
собрались.

К горе Хехе подошел воитель,
Руку занес и разрушил гору,
Гору Хехе сровнял с землею,
Выкорчевал деревья в лесу кедровом,
145 Словно Хавиш прошел — такой стала
чаща;
Города он разрушил, обратил в пустыню,

Горы снес, уничтожил их живность,
Моря всколыхнул, истребил их богатства,
Искоренил тростниковые заросли, сжег их,
как пламя,
150 Проклял стада, обратил их в глину.

Когда Эрра успокоился, вошел в свое
жилище.

Т А Б Л И Ц А V

- 1 Когда Эрра успокоился, вошел в свое
жилище,
Боги все вместе в лицо ему глядели,
Игиги и Ануннаки в трепете предстали.
Эрра уста отверз, всем богам вещает:
5 «Умолкните все, моей речи внимлите!
Правда, я сам в дни прежних
грехов замыслил злое,
Мое сердце было гневно, я людей повергнул,
Как паемный пастух, вожака я похитил
из стада,
Как неопытный садовник, слишком много
я срезал,
10 Как вторгшийся враг, злого
и доброго истреблял без разбора.
Из пасти у льва не вырвать добычу,
И где один впал в ярость, там другой
не советчик!
Без советника Ишума что бы случилось?
Попечитель ваш, ваш священник где был бы?
15 Где жертвы? Благовоний вы бы не вдыхали!»
Ишум уста отверз и вещает,
Воителю Эрре так говорит он:
«Внемли, о воитель, речь мою слушай.
Довольно, успокойся, мы все — твои слуги.

В день гнева твоего кто тебе
противостанет!»

20 Услыхал его Эрра, лик его озарился,
Как светлый день, черты его сияют,
Он вошел в Эмеслам, вступил в жилище,
Ишума зовет, дает предзнаменование,
25 О рассеявшихся аккадцах дает повеленье:
«Пусть люд малочисленный размножится
снова,
Пусть все невозбранно ходят по дорогам,
Слабый аккадец могучего сутия
да повергнет,
Один семерых, как овец, да погонит!
Города их — в руины, а горы обрати
30 в пустыню,
Их богатый полон приведи в Шуанну,
Гневных богов страны успокой в их
жилищах;
Шаккана и Нисабу верни на землю.
У гор их богатства, у морей возьмите
их дани,
С полей, разоренных мною, соберите
35 вновь урожай.
Все градоправители знатную дань да
принесут в Шуанну,
У храмов, что я разрушил, да вознесутся
вершины, как восходящее солнце,
Тигр и Евфрат да приносят обильные
воды,
Попечителю Эсагилы и Вавилонa все
градоправители да принесут, что должно!»
На бессчетные годы владыке Нергалу и
40 воителю Ишуму слава!
Как прогневался Эрра, к страны
разоренную
40a И к людей истреблению свой лик
склонил он

Но советник Ишум его успокоил, и
спаслись остатки —
Кабтилани-Мардуку, сыну Дабибу, что
составил это писанье,
Он явил в ночном сновиденье. Поутру
повторяя, ничего не забыл он,
Ни одной строки туда не прибавил.
45 Эрра услышал и дал одобренье,
Советнику Ишуму это приятно,
Все боги с ним вместе это хвалили.
И так промолвил воитель Эрра:
«У бога, что почитит эту песнь,— изобилие
храм наполнит,
50 Кто ею пренебрежет — обонять
благовоний не будет!
Царь, имя мое превознесший, пусть
правит вселенной,
Государь, возгласивший славу мою, соперника
да не встретит!
Певец, поющий ее, не умрет
злою смертью,
Государю и царю его слово будет угодно!
55 Писец, что ее заучил, вражьей земли
избежит, а в своей почитаем будет.
Собранью ученых, где чтут мое имя, я дам
премудрость!
К дому, хранящему эту табличку,— пусть
Эрра гневен, пусть грозны Сибитти,—
Не приблизится гибельный
меч, благополучен он будет!
Эта песнь да пребудет всегда, да
утвердится навечно,
60 Да услышат ее все страпы, да почтут
мою доблесть,
Да узнает ее весь мир, да вознесет
мою славу!»

ПОДВИГИ ГЕРОЕВ

«О ВСЕ ВИДАВШЕМ»
СО СЛОВ СИН-ЛИКЕ-УННИНИ, ЗАКЛИНАТЕЛЯ
ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

ТАБЛИЦА I

- I. 1 О все видавшем *до края мира,*
О познавшем моря, *перешедшем* все горы,
О врагов покорившем *вместе с другом,*
О постигшем премудрость, о все
пропицавшем:
- 5 Сокровенное видел он, *тайное ведал,*
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне *высек,*
Стеною обнес Урук огражденный,
10 Светлый амбар Эаны священной.—
Осмотри стену, чьи венцы как по нити,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, лежащим издревле,
И вступи в Эану, жилище Иштар,—
15 Даже будущий царь не построит такого,—
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай:
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецам?
-

* Велик он более [всех человеков].

(Далее недостает около тридцати стихов.)

- II. 1 На две трети он бог, на одну — человек он,
Образ его тела на вид несравненен,

(Далее недостает четырех стихов.)

- 7 Стену Урука он возносит.
 Буйный муж, чья глава, как у тура, поднята,
 Чье оружие в бою не имеет равных,—
- 10 Все его товарищи встают по барабану!
 По спальням страшатся мужи Урука:
 «Отцу Гильгамеш не оставит сына!
 Днем и ночью буйствует плотью:
 Гильгамеш ли то, пастырь огражденного
 Урука,
- 15 Он ли пастырь сынов Урука,
 Мощный, славный, все постигший?
 Матери Гильгамеш не оставит девы,
 Зачатой героем, суженой мужу!»
 Часто их жалобу слыхивали боги,
 Боги небес призвали владыку Урука:
- 20 «Создал ты буйного сына, чья глава,
 как у тура, поднята,
 Чье оружие в бою не имеет равных,—
 Все его товарищи встают по барабану,
- 23 Отцам Гильгамеш сыновей не оставит!
 23а Днем и ночью буйствует плотью:
 Он ли пастырь огражденного Урука,
- 25 Он ли пастырь сынов Урука,
 Мощный, славный, все постигший?
 Матери Гильгамеш не оставит девы,
 Зачатой героем, суженой мужу!»
 Часто их жалобу слыхивал Ану.
- 30 Воззвали они к великой Аруру:
 30а «Аруру, ты создала Гильгамеша,
 31 Теперь создай ему подобье!
- 31а Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
 Пусть соревнуются, Урук да отдыхает».
- 33 Аруру, услышав эти речи,
 33а Подобье Ану создала в своем сердце,
 Умыла Аруру руки,
- 34а Отщипнула глины, бросила на землю,
 35 Слепила Энкиду, создала героя.

35a Порожденье полуночи, воин Нинурты,
36 Шерстью покрыто все его тело,
36a Подобно женщине, волосы носят,
37 Пряди волос как хлебá густые,
38 Ни людей, ни мира не ведал,
38a Одеждой одет он, словно Сумúкан.
Вместе с газелями ест он тра́вы,
40 Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою.
Человек — ловец-охотник
Перед водопоем его встречает.
44 Первый день, и второй, и третий
44a Перед водопоем его встречает.
45 Увидел охотник — в лице изменился,
Со скотом своим домой вернулся,
Устрашился, умолк, онемел он,
В груди его — скорбь, его лик затмился,
Тоска *проникла* в его утробу,
50 Идущему дальним путем стал лицом
подобен.

III, 1 Охотник уста открыл и молвит, вещает он
отцу своему:
«Отец, некий муж, что из гор явился,—
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки,—
5 Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою
теснится,
Постоянно шаги *направляет* к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
10 Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь
степную,—
Он мне не дает в степи трудиться!»

Отец его уста открыл и молвит, вещает

он охотнику:

- «Сын мой, живет Гильгамеш в Уруке,
15 Нет никого его сильнее,
16 Во всей стране рука его могуча,
16а Как из камня с небес, крепки его руки!
Иди, лицо к нему обрати ты,
Ему расскажи о силе человека.
Даст тебе он блудницу — приведи ее
с собою:
20 Победит его женщина, как муж могучий!
Когда он поит зверье у водопоя.
Пусть сорвет она одежду, шнур
натальный развяжет,—
Увидев ее, приблизится к ней он —
Покинут его звери, что росли с ним
в пустыне!»
25 Совету отца он был послушен,
Охотник отправился к Гильгамешу,
Пустился в путь, стопы обратил к Уруку,
Пред лицом Гильгамеша промолвил слово:
«Некий есть муж, что из гор явился,
30 Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою
теснится,
Постоянно шаги направляет к водопою.
35 Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь
степную,—
Он мне не дает в степи трудиться!»
40 Гильгамеш ему вещает, охотнику:
«Иди, мой охотник, блудницу Шámхат
приведи с собою,

Когда он поит зверей у водопоя,
Пусть сорвет она одежду, шнур
натальный развяжет,—
Ее увидев, к ней подойдет он —
45 Покинут его звери, что росли с ним
в пустыне».
Пошел охотник, блудницу Шамхат увел
с собою,
Отправились в путь, пустились в дорогу,
В третий день достигли условленного
места.
Охотник и блудница сели в засаду —
Один день, два дня сидят у водопоя.
Приходят звери, пьют у водопоя,
IV. 1 Приходят твари, сердце радуют водою,.
И он, Энкиду, чья родина — горы,
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
5 Вместе с тварями сердце радуется водою.
Увидала Шамхат дикаря-человека,
Мужа-истребителя из глубины степи:
«Вот он, Шамхат! Раскрой свое лоно,
Свой срам обнажи, красы твои да
постигнет!
11 Увидев тебя, к тебе подойдет он —
10 Не смущайся, прими его дыханье,
Распахни одежду, на тебя да ляжет!
Дай ему наслажденье, дело женщин,—
Покинут его звери, что росли с ним
в пустыне,
15 К тебе он прильнет желанием
страстным».
Раскрыла Шамхат груди, свой срам
обнажила,
Не смущалась, приняла его дыханье,
Распахнула одежду, и лег он сверху,
Наслаждение дала ему, дело женщин,

5 *Где бывает Гильгамеш — я подлиппо*
знаю:

*Пойдем же, Энкиду, в Урук огражденный,
Где гордятся люди царственным платьем,
Что ни день, то они справляют праздник,
Где кимвалов и арф раздаются звуки,*

10 *А блудницы красотою славны:
Сладострастьем полны,— сулят отраду —
Они с ложа почного великих уводят.*

*Энкиду, ты не ведаешь жизни,—
Покажу Гильгамеша, что рад стенаньям.
15 Взгляни на пего, в лицо погляди ты —
Прекрасен он мужеством, силой мужскою,
Несет сладострастье все его тело,
Больше тебя он имеет мощи,
Покая не знает ни днем, ни ночью!*

20 *Энкиду, укроти твою дерзость:*

*Гильгамеш — его любит Шáмаш,
Ану, Эллил и Эйá его вразумили.
Прежде чем с гор ты сюда явился,
Гильгамеш среди Урука во сне тебя*

видел.

25 *Встал Гильгамеш и сон толкует,*

25a *Вещает он своей матери:*

*«Мать моя, соп я увидел ночью:
Мне явились в нем небесные звезды,
Падал на меня будто камень с неба.
Поднял его — был меня он сильнее,
30 Тряхнул его — стряхнуть не могу я,
Край Урука к нему поднялся,
Против него весь край собрался,
Народ к нему толпою теснится,
Все мужи его окружили,*

35 *Все товарищи мои целовали ему ноги.
Полюбил я его, как к жене прилепился.
И к ногам твоим его принес я,
Ты же его сравнила со мною».*

- 20 Я же его сравняю с тобою —
 Сильный, я сказала, придет сотоварищ,
 спаситель друга,
 Во всей стране рука его могуча,
 Как из камня с небес, крепки его руки!»
 Гильгамеш ей, матери своей, вещает:
 25 «Если Эллил повелел — да возникнет
 советчик,
 Мне мой друг советчиком да будет,
 Я моему другу советчиком да буду!»
 Так свои сны истолковал он».
- 29—30 Рассказала Энкиду Шамхат сны
 Гильгамеша, и стали они любиться.

ТАБЛИЦА II

(В начале таблицы «Ниневийской» версии недостает — если не считать мелких обломков с клинописью — около ста тридцати пяти строк, содержащих эпизод, который в «Старовавилонской» версии — так называемой «Пеннсильванской таблице» — излагается так:)

- II.II. 17 *«...Энкиду, встань, тебя поведу я
 *К храму Эане, жилищу Ану.
 *Где Гильгамеш совершенен в деяньях.
 20—21 *А ты, как себя, его полюбишь!
 22—23 *Встань с земли, с пастушьего ложа!»
 24 *Услышал ее слово, воспринял речи,
 25—26 *Женщины совет запал в его сердце.
 27—28 *Ткань разорвала, одной его одела,
 29—30 *Тканью второю сама оделась,
 31—32 *За руку взяв, повела, как ребенка,
 33—34 *К стану пастушьему, к скотьим загопам.
 35 *Там вокруг них пастухи собрались,
 а Шепчут они, на него взирая:
 б «Муж тот с Гильгамешем сходен
 обличем,

- в Ростом пониже, но костью крепче.
г То, верно, Энкиду, порожденье степи,
д Во всей стране рука его могуча,
е Как из камня с небес, крепки его руки:
II.III.1-2 * Молоко звериное сосал он!»
3 * На хлеб, что перед ним положили,
4-5 * Смутившись, он глядит и смотрит:
6-7 * Не умел Энкиду питаться хлебом,
8-9 * Питью сикеры обучен не был.
10-11 * Блудница уста открыла, вещает Энкиду:
12-13 * «Ешь хлеб, Энкиду,— то свойственно
жизни,
14 * Сикеру пей — суждено то миру!»
15-16 * Досыта хлеба ел Энкиду,
17-18 * Сикеры испил он семь кувшинов.
19 * Взыграла душа его, разгулялась,
20-21 * Его сердце веселилось, лицо спяло.
22-23 * Он ощупал свое волосатое тело,
24-25 * Умастился елеем, уподобился людям,
26-27 * Одеждой оделся, стал похож на мужа.
28-29 * Оружие взял, сражался со львами —
30 * Пастухи покоились ночью.
31-32 * Львов побеждал и волков укрощал он —
33 * Великие пастыри спали:
34-35 * Энкиду — их стража, муж неусыпный,
36-37 * [.]

II. 6 *Весть принесли в Урук огражденный*

Гильгамешу:

(Далее в «Старовавилонской» версии недостает около пяти-шести стихов.)

- IV. 9 * Энкиду с блудницей предавался
веселью,
10-11 * Поднял взор, человека видит,—
12 * Вещает он блуднице:
13 * «Шамхат, прогони человека!
14-15 * Зачем он пришел? Хочу знать его имя!»

- 44 Было в ту ночь для Ишхари постелено
ложе,
45 Но Гильгамешу, как бог, явился соперник:
46 В брачный покой Энкиду дверь заградил
ногою,
47 Гильгамешу войти он не дал.
48 Схватились у двери брачного покоя,
49 Стали биться на улице, на широкой
дороге,—
50 Обрушились сени, стена содрогнулась.
VI. 24—25 * Преклонил Гильгамеш на землю колени,
26—27 * Он смирил свой гнев, унял свое сердце,
28—30 * Когда унялось его сердце, Энкиду вещает
Гильгамешу:
31—32 * «Одного тебя мать родила такого,
33—34 * Буйволица Ограды, Нинсун!
35 * Над мужами главою ты высоко вознесся,
36—37 * Эллиль над людьми судил тебе
царство!»

[« »
]

вещает:

[« »]

Подошел он к дверям, *вразумил меня*
мощью,
 Горько *упрекал он меня за буйство.*
 5 Не имеет Энкиду *ни матери, ни друга,*
 Распущенные волосы *никогда не стриг он,*
 В степи он рожден, *с ним никто не*
сравнится.
 Стоит Энкиду, *его слушает речи,*
 Огорчился, сел и заплакал,
 10 Очн его *наполнились слезами:*
 Без дела сидит, *пропадает сила.*
 Обнялись оба друга, *сели рядом,*
 13 За руки взялись, *как братья родные.*

(Далее содержание может быть восстановлено по III, так называемой «Ильской таблице» «Старовавилонской» версии.)

- III. II. 32—33 * *Гильгамеш наклонил лицо, вещает Энкиду:*
 34—35 * *«Почему твои очи наполнились слезами,*
 36—37 * *Опечалилось сердце, вздыхаешь ты*
горько?»
 38—39 * *Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:*
 40—41 * *«Вопли, друг мой, разрывают мне горло:*
 42—43 * *Без дела сижу, пропадает сила».*
 44—45 * *Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:*
 III. 1—2 * *«Друг мой, далеко есть горы Ливана,*
 3—4 * *Кедровым те горы покрыты лесом,*
 5 * *Живет в том лесу свирепый Хумбаба,—*
 6 * *Давай его вместе убьем мы с тобою,*
 7 * *И все, что есть злого, изгоним из мира!*
 8—9 * *Нарублю я кедра,— поросли им горы,—*
 10—11 * *Вечное имя себе создам я!»*
 12—13 * *Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:*
 14 * *«Ведомо, друг мой, в горах мне было,*
 15 * *Когда бродил со зверьем я вместе:*
 16 * *Рвы там на поприще есть вокруг леса,—*

- 17 * Кто же проникнет в средину леса?
 18 * Хумбаба — ураган его голос,
 19—20 * Уста его — пламя, смерть — дыханье!
 21—22 * Зачем пожелал ты свершать такое?
 23—24 * Неравен бой в жилище Хумбабы!»
 25—26 * Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
 27 * «Хочу я подняться на гору кедра,
 28 * И в лес Хумбабы войти я желаю,

(Недостаёт двух-трех стихов.)

- 33 * Боевой топор я на пояс повешу —
 34—35 * Ты иди сзади, я пойду *перед тобою!*»
 36—37 * Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
 38—39 * «Как же пойдем мы, как в лес мы
 вступим?
 40—41 * Бог Ве'эр, его хранитель,— он могуч,
 неусыпен,
 42 * А Хумбаба — Шамаш наделил его
 силой,
 43 * Адду наделил его отвагой,
 44 * [.]
 II. V. 1 Чтоб кедровый лес оберегал он,
 Ему вверил Эллиль страхи людские.
 Хумбаба — ураган его голос,
 Уста его — пламя, смерть — дыханье!
 4 Люди молвят — тяжек и путь к тому
 лесу —
 4а Кто же проникнет в средину леса?
 5 Чтоб кедровый лес оберегал он,
 5а Ему вверил Эллиль страхи людские,
 И кто входит в тот лес, того слабость
 объемлет».

(Продолжается текст «Иэльской таблицы».)

- III.IV.3—4 * Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
 5 * «Кто, мой друг, вознесся на небо?

- 6 * Только боги с Солнцем пребудут вечно,
7 * А человек — сочтены его годы,
8 * Что б он ни делал, — всё ветер!
9 * Ты и сейчас боишься смерти,
10 * Где ж она, сила твоей отваги?
11-12 * Я пойду перед тобою, а ты кричи мне:
«Иди, не бойся!»
13 * Если паду я — оставлю имя:
14-15 * «Гильгамеш припал бой со свирепым
Хумбабой!»
16 * Вот родился в моем доме ребенок, —
17 * К тебе подбежал: «Скажи мне, всё
ты знаешь:
18 * [.]»
19 * Что совершил мой отец и друг твой?»
20 * Ты ему откроешь мою славную долю!
21 * [.]»
22 * А своими речами ты печалишь мне
сердце!
23-24 * Подниму я руку, нарублю я кедра,
25 * Вечное имя себе создам я!
26 * Друг мой, мастерам я дам повинность:
27 * Оружие пусть отолыют перед нами». —
28 * Повинность мастерам они дали, —
29 * Сели мастера, обсуждают.
30 * Секиры отлили большие, —
31 * Топоры они отлили в три таланта;
32 * Кинжалы отлили большие, —
33 * Лезвия по два таланта,
34 * Тридцать мин выступы по сторонам
у лезвий,
35 * Тридцать мин золота — рукоять
кинжала, —
36 * Гильгамеш и Энкиду несли по десять
талантов.
37 * С ворот Урука спяли семь запоров,
38 * Услыхав о том, народ собрался,

- 39 * Столпился на улпце огражденного Урука.
 40 * Гильгамеш ему явился,
 41—42 * Собрание огражденного Урука перед
 ним уселось.
 43 * Гильгамеш так им молвит:
 44 * «Слушайте, старейшины огражденного
 Урука,
 45 * Слушай, народ огражденного Урука,
 III. V. 1 * Гильгамеша, что сказал: хочу я вступить
 2 * Того, чье имя опалает страны.
 3 * В кедровом лесу его хочу победить я,
 4—5 * Сколь могуч я, отпрыск Урука, мир да
 услышит!
 6 * Подниму я руку, нарублю я кедра,
 7 * Вечное имя себе создам я!»
 8 * Старейшины огражденного Урука
 9 * Гильгамешу отвечают такую речь:
 10 * «Ты юн, Гильгамеш, и следуешь сердцу,
 11 * Сам ты не ведаешь, что совершаешь!
 12 * Мы слыхали,— чудовищен образ
 Хумбабы,—
 13 * Кто отразит его оружие?
 14 * Рвы там на попроще есть вокруг леса,—
 15 * Кто же проникнет в середину леса?
 16 * Хумбаба — ураган его голос,
 17 * Уста его пламя, смерть — дыхание!
 18 * Зачем пожелал ты — свершать такое?
 19 * Неравен бой в жилище Хумбабы!»
 20 * Услыхал Гильгамеш советников слово,
 21 * На друга он, смеясь, оглянулся:
 22 * «Вот что теперь скажу тебе, друг мой,—
 23 * Боюсь я его, страшусь я сильно:
 24 * В кедровый лес пойду я с тобою,
 25—26 * Чтоб там не бояться, убьем Хумбабу!»
 27 * Старейшины Урука вещают Гильгамешу:
 28—29 * [«.
 30 *],

- 31—32 * Пусть *идет* с тобой *богиня*, пусть
хранит тебя бог твой,
33 * Пусть *ведет* тебя дорогой благополучной,
34 * Пусть возвратит тебя к пристани
Урука!»
35 * *Перед Шамашем* встал Гильгамеш
на колени:
36 * «Слово, что сказали старцы, я слышал,—
37 * Я иду, но к Шамашу руки воздел я:
38 * Пыне князь моя да сохранится,
39 * Возврати меня к пристани Урука,
40 * Сень твою прости надо мною!»

(В «Старовавилонской» версии следует несколько разрушенных стихов, из которых можно предположить, что Шамаш дал двусмысленный ответ на гаданье гениев.)

- 46—47 * Когда услышал предсказанье — [. . .
48 *] он сел и заплакал,
III, VI. 1 * По лицу Гильгамеша побежали слезы.
2 * «Иду я путем, где еще не ходил я,
3 * Дорогой, которую весь край мой
не знает.
4 * Если ныне я буду благополучен,
5 * В поход уходя по доброй воле,—
6 * Тебя, о Шамаш, я буду славить,
7 * Твои кумиры посажу на престолы!»
8 * Было положено перед ним снаряженье,
9 * Секиры, кинжалы большие,
10—11 * Лук и колчан — их дали ему в руки.
12—15 * Взял он секиру, набил колчан свой,
14 * На плечо надел он лук аншанский,
15 * Кинжал заткнул он себе за пояс,—
16 * Приготовились они к походу.

(Следуют две неясные строки, затем две строки, соответствующие несохранившейся первой строке III таблицы «Ниневийской» версии.)

- VI. 19 * Старейшины его благословляют,
 20 * На дорогу Гильгамешу дают советы:
 1, 2 «Гильгамеш, на силу ты свою не надейся,
 3 Лицом будь спокоен, ударяй же верно;
 4 Впереди идущий сотоварища спасает:
 5 Кто ведал тропы, сохранил он друга;
 Пускай Энкиду идет пред тобою,—
 Он знает дорогу к кедровому лесу,
 Битвы он видел, бой ему ведом.
 Энкиду, береги сотоварища, храни ты друга,
 10 Через рытвины носи на руках его тело;
 Мы в совете тебе царя поручаем,
 Как вернешься ты — нам царя
 поручишь!»
 13—14 Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он
 Энкиду:
 15 «Давай, мой друг, пойдем в Эгальмах
 Пред очи Нинсун, царицы великой!
 Нинсун мудрая,— все она знает,—
 Путь разумный нашим стопам
 установит!»
 За руки взялись они друг с другом,
 20 Гильгамеш и Энкиду пошли в Эгальмах
 Пред очи Нинсун, царицы великой.
 Вступил Гильгамеш в покой царицын:
 «Я решился, Нинсун, идти походом,
 Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
 25 В бою неведомом буду сражаться,
 Путем неведомым буду ехать.
 Пока я хожу и пазад не вернулся,
 Пока не достигну кедрового леса,
 Пока мной не сражен свирепый Хумбаба
 И все, что есть злого, не изгнал я
 из мира,—
 Облачись в одеянье, достойное тела,

Кадильницы Шамашу ставь пред собою!»
 Эти речи сына ее, Гильгамеша,
 Печально слушала Нинсун, царица.
 II. 1 Вступила Нинсун в свои покои,
 Умыла тело мыльным корнем,
 Облачилась в одеянья, достойные тела,
 Надела ожерелье, достойное груди,
 5 Опоясана лентой, увенчана тиарой,
 Чистой водой окропила землю,
 Взошла по ступеням, поднялась на крышу,
 Поднявшись, для Шамаша свершила
 воскуренье.

Положила мучную жертву и перед
 Шамашем воздела руки:
 10 «Зачем ты мне дал в сыновья Гильгамеша
 10а И вложил ему в грудь беспокойное
 сердце?

Теперь ты коснулся его, и пойдет он
 Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
 В бою неведомом будет сражаться,
 Путем неведомым будет ехать,
 15 Пока он ходит и назад не вернулся,
 Пока не достигнет кедрового леса,
 Пока не сражен им свирепый Хумбаба
 И все, что есть злого, что ты
 ненавидишь, не изгнал он из мира,—
 В день, когда ты ему знаменье явишь,
 20 Пусть, тебя не страшась, тебе Айа-невеста
 напомнит,
 Чтобы ты поручал его стражам ночи
 В час вечерний, когда на покой ты
 уходишь!»

(Далее недостает около девяноста строк.)

IV. 15 Потушила курильницу, завершила
 молитву,
 Позвала Эпкиду и весть сообщила:

- 18—19 «Энкиду могучий, не мною рожденный!
Я тебя объявила посвященным
Гильгамешу
- 20 Вместе с жрицами и девами, обреченными
богу».
- На шею Энкиду талисман надела,
За руки взялись с ним жены бога,
А дочери бога его величали.
«Я — Энкиду! В поход Гильгамеш меня
взял с собою!» —
- 25 «Энкиду в поход Гильгамеш взял
с собою!»
(Недостает двух стихов.)
- 28 «...Пока он ходит и назад не вернулся,
28а Пока не достигнет кедрового леса,—
Месяц ли пройдет — я с ним буду
вместе,
- 30 Год ли пройдет — я с ним буду вместе!»
(Далее недостает свыше ста тридцати строк.)

ТАБЛИЦА IV

(От этой таблицы во всех версиях сохранились только фрагменты, взаимное расположение которых не вполне ясно.)

- [.]
- а Через двадцать поприщ отломили ломтик,
б Через тридцать поприщ на привал
остановились,
в Пятьдесят прошли они за день поприщ,
г Путь шести недель прошли — на третий день
достигли Евфрата.
д Перед Солнцем вырыли колодец,
е [.]
ж Поднялся Гильгамеш на гору, поглядел
на окрестность:

в «Гора, принеси мне сон благоприятный!»
[.]

(Следует четыре непонятных строки: по-видимому,
Энкиду сооружает палатку для Гильгамеша.)

н Гильгамеш подбородком уперся
в колено,—
о Сон напал на него, удел человека.
п Среди ночи сон его прекратился,
р Встал, говорит со своим он другом:
с «Друг мой, ты не звал? Отчего я
проснулся?
т Друг мой, сон я нынче увидел,
у Сон, что я видел,— весь он страшен:
ф Под обрывом горы стоим мы с тобою,
х Гора упала и нас придавила,
ц Мы [.].»
ч Кто в степи рожден — ему ведома
мудрость,
ш Вещает другу Гильгамешу, ему сон толкует:
щ «Друг мой, твой сон прекрасен, сон этот
для нас драгоценен,
э Друг мой, гора, что ты видел,— не
страшна нисколько:
ю Мы схватим Хумбабу, его повалим,
я А труп его бросим на поруганье!
аа Утром от Шамаша мы слово доброе
услышим!»

бб Через двадцать поприщ отломили ломтик,
вв Через тридцать поприщ на привал
остановились,
гг Пятьдесят прошли они за день поприщ,
дд Путь шести недель прошли — на третий
день достигли [.].

ее Перед Солнцем вырыли колодец,
жж [.]
за Поднялся Гильгамеш
на гору, посмотрел на окрестность:
ии «Гора, принеси мне сон благоприятный!»
[.]
пп Среди ночи сон его прекратился,
рр Встал, говорит со своим он другом:
сс «Друг мой, ты не звал? Отчего я
проснулся?
тт Друг мой, второй я сон увидел:
3 * Земля растрескалась, земля
опустела, земля была в смятенье,
4 * Я схватил было тура степного,
5 * От рева его земля раскололась,
5а * От поднятой пыли затмилось небо,
6 * Перед ним я пал на колени;
7 * Но схватил [.],
8 * Руку протянул, с земли меня поднял,
9 * Утолил мой голод, водой напоил
из меха».
10 * «Бог, мой друг, к которому идем мы,
11 * Он не тур, а тот не враждебен вовсе;
12 * Тур в твоём сне — это Шамаш светлый,
13 * Руку нам в беде подаёт он;
14 * Тот, кто водою тебя поил из меха,—
15-16 * Это почтил тебя твой бог, Лугальбанда!
17 * Некое свершим мы дело, какого
в мире не бывало!
а Утром от Шамаша мы слово доброе
услышим!»

г' Над ним мы с тобою победу добудем,
д' На Хумбабу, кого мы ненавидим яро,
е' Мы наступим ногою победоносно!»

(Однако по каким-то причинам героям нет удачи, и Гильгамеш вновь взывает к богу Шамашу.)

V. 38 [...] Перед Шамашем, воином, бегут его слезы:
«Что ты *Нинсун* в Уруке поведал,
40 Вспомни, приди и услышь нас!»
Гильгамеша, отпрыска *огражденного*
Урука,—
42 Уст его речь *услышал Шамаш —*
42a Внезапно с неба *призыв раздался:*
«Поспеси, подступи к нему, чтоб в лес
не ушел он,
Не вошел бы в заросли, *от вас бы*
не скрылся!
45 Он еще не надел свои семь одеяний
ужасных,
46 Одно он надел, а шесть еще *сняты».*
46a А они меж собою схватились,
Словно буйные туры *бодают друг друга:*
Всего раз закричал еще, *полный гнева,*
Страж лесов закричал *из зарослей*
дальних,
50 Хумбаба, как гром, *закричал издалека!*

Гильгамеш уста открыл, ему вещает, Энкиду:
 VI. 1 «Один — лишь один, *ничего он не может,*
 Чужаками мы здесь будем *поодиночке:*
 По круче один не взойдет, а двое —
взберутся,
 [.]
 3 Втрое скрученный канат *не скоро*
порвется,
 Два львенка вместе — *льва сильнее!»*

(Далее недостает около двадцати строк.)

Тень хороша их, полна отрады,
 Поросло там тернием, поросло кустами.
 10 Кедры *растут, растут* олеандры.
 Лес на целое поприще рвы окружают,
 И еще на две трети рвы *скружают*.

(Далее недостает почти шестидесяти стихов. В сохранившихся отрывках говорится о «выхваченных мечях», «отравленном железе», о том, что Хумбаба [?] «надел» свои ужасные одеяния-лучи [?], и о возможном «проклятье Эллиля». Далее идет речь Энкиду.)

II. 18 Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
 «Хумбаба [.],
 20 Один — лишь один, ничего он не может,
 Чужаками мы здесь будем поодиночке,
 По круче один не взойдет, а двое —
 взберутся,
 [.]
 Втрое скрученный канат не скоро
 порвется,
 25 Два львенка вместе — льва сильнее!»

(Далее до конца таблицы V текст «Ниневийской» версии не сохранился; судя по отрывку хеттского перевода эпоса, герои принялись рубить кедры, но были уstraшены появлением Хумбабы; однако Шамаш закричал им с неба, чтобы они не боялись, и послал им на помощь восемь ветров, с помощью которых герои одолели Хумбабу; Хумбаба стал просить пощады, но Энкиду отсоветовал Гильгамешу щадить его. Помимо того, нужно было еще «убить» по отдельности волшебные «лучи-одеяния» Хумбабы. Дальнейшее известно лишь из «Старовавилонской» версии, в так называемом «Фрагменте Бауэра»).

9 * Гильгамеш ему вещает, Энкиду:
 10 * «Когда подойдем мы убить Хумбабу,
 11 * Лучи сиянья в смятенье исчезнут,
 12 * Лучи сиянья исчезнут, свет
 затмится!»
 13 * Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
 14 * «Друг мой, птичку поймай,— не
 уйдут и цыплята!

- 15 * Лучи сиянья потом поплщем,
 16 * Как дыплята в траве, они разбегутся.
 17 * Самого срази,— а прислужников позже».
 18 * Как услышал Гильгамеш сотоварища
 слово,—
- 20 * Боевой топор он поднял рукою,
 21 * Гильгамеш поразил его в затылок,
 22 * Его друг, Энкиду, его в грудь ударил;
 23 * На третьем ударе пал он,
 24 * Замерли его буйные члены,
 25 * Сразили они наземь стража Хумбабу,—
 26 * На два поприща вокруг застонали
 кедрь:
- 27—28 * С ним вместе убил Энкиду лесá
 и кедрь.
- 29 * Сразил Энкиду стража лесá,
 30 * Чье имя читали Ливан и Сарйа,
 31 * Покой объял высокие горы,
 32 * Покой объял лесистые вершины.
 33 * Он сразил защитников кедрá —
 34 * Разбитые лучи Хумбабы.
- 34a * Когда их всех семерых убил он,
 35 * Боевую сеть и кинжал в семь
 талантов,—
- * Груз в восемь талантов,— снял
 с его тела,
 * Жилище Ануннаков тайное открыл он.
- * Гильгамеш деревья рубит,— Энкиду
 пни корчует.
- * Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
 * «Друг мой, Гильгамеш! Мы кедр
 убпли,—
- * Повесь боевой топор на пояс,
 * Возлей перед Шамашем возлиянье,—
 * На берег Евфрата доставим кедрь».

(Далее до конца таблицы от текста сохранились
 только ничтожные фрагменты.)

ТАБЛИЦА VI

- 1 Он умыл свое тело, все оружие блестело,
Со лба на спину волосы он закинул,
С грязным он разлучился, чистым
он облачился.
- Как накинул он плащ и стан подпоясал,
5 Как венчал Гильгамеш себя тиарой,—
На красоту Гильгамеша подняла
очи государыня Иштар:
«Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!
Ты лишь будешь мне мужем, я буду
женою!
- 10 Приготовлю для тебя золотую колесницу,
С золотыми колесами, с янтарными
рогами,
А впрягут в нее бури — могучих мулов.
Войди в наш дом в благоухании кедра!
Как входить ты в дом наш станешь,
15 И порог и престол да целуют твои ноги,
Да преклонят колени государи, цари
и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов
и равнины,
Твои козы тройней, а овцы двойней
да рожают,
Твой выучный осел пусть догонит мула,
20 Твои кони в колеснице да будут горды
в беге,
Под ярмом волы твои да не ведают
равных!»

22—23 Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает
он государыне Иштар:
«Зачем ты хочешь, чтоб я взял тебя
в жены?»

25 *Я дам тебе платьев, елѣя для тела,*
Я дам тебе мяса в пропитанье и в пищу,
Накормлю тебя хлебом, достойным
богини.

Вином напою, достойным царицы,
Твое жилище пышно украшу,
30 *Твои амбары зерном засыплю,*
Твои кумиры одену в одежды,—
Но в жены себе тебя не возьму я!
Ты — жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра
и бури,

35 *Дворец, обвалившийся на голову герою,*
Слон, растоптавший свою попону,
Смола, которой обварен носильщик,
Мех, из которого облит носильщик,
Плита, не сдержавшая каменную стену,
40 *Таран, предавший жителей во вражью*
землю,

Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!

45 [.]
Супругу юности твоей, Думузи,
Из года в год ты судила рыданья.
Птичку-пастушка еще ты любила —
Ты его ударила, крылья сломала;
50 *Он живет среди лесов и кричит:*
«Мои крылья!»
И льва ты любила, совершенного силой,—

- Семь и семь ему ты вырыла ловушек.
 И коня ты любила, славного в битве,—
 Кнут, узду и плеть ты ему судила,
 55 Семь поприщ скакать ты ему судила,
 Мутное питье ты ему судила,
 Его матери, Силі́ли, ты судила рыданья.
 И еще ты любила пастуха-козопаса,
 Что тебе постоянно носил зольные
 хлебцы,
 60 Каждый день сосунков тебе резал:
 Ты его ударила, превр^атила в волка,—
 Гоняют его свои же подпаски,
 И собаки его за ляжки кусают.
 Ишулла́ну, садовника отца, ты любила,
 65 Что тебе постоянно носил ф^иников
 гроздьа,
 Каждый день тебе стол украшая,—
 Подняла ты очи, к нему подошла ты:
 «О мой Ишуллапу, твоей зрелости вкусим,
 И, рукою обнажась, коснись нашего
 лона!»
 70 Ишуллану тебе отвечает:
 «Чего ты от меня пожелала?
 Чего мать не пекла моя, того не едал я,—
 Как же буду есть хлеб прегрешенья
 и скверны?
 Будет ли рогожа мне от стужи
 укрытьем?»
 75 Ты же, услышав эти речи,
 Ты его ударила, в *наука* превратила,
 Поселила его среди *тяжкой работы*,—
 Из *паутины* не вылезть, не спуститься
 на пол.
 И со мной, полюбив, ты так же
 поступишь!»

- 80 Как услышала Иштар эти речи,
Иштар разъярилась, поднялась на небо,
Поднявшись, Иштар пред отцом своим,
Ану, плачет,
Пред Ангу, ее матерью, бегут ее слезы:
«Отец мой, Гильгамеш меня посрамляет,
85 Гильгамеш перечислил мои прегрешенья,
Все мои прегрешенья и все мои
скверны».
- 87–88 Ану уста открыл и молвит, вещает ей,
государыне Иштар:
«Разве не ты оскорбила царя Гильгамеша,
90 Что Гильгамеш перечислил твои
прегрешенья,
Все твои прегрешенья и все твои
скверны?»
- 92–93 Иштар уста открыла и молвит, вещает
она отцу своему, Ану:
«Отец, создай Быка мне, чтоб убил
Гильгамеша в его жилище,
95 *За обиду Гильгамеш полатиться должен!*
Если же ты Быка не дашь мне —
Поражу я *Гильгамеша* в его жилище,
Проложу я *путь* в глубину преисподней,
Подниму я мертвых, чтоб живых
пожирали,—
100 Станет меньше тогда живых, чем
мертвых!»
- 101–102 Ану уста открыл и молвит, вещает ей,
государыне Иштар:
«Если от меня ты Быка желаешь,
В краю Урука будут семь лет мякнины.
105 Сена для скота должна собрать ты,
• Для степного зверья должна травы
взрастить ты».
- 107–108 Иштар уста открыла и молвит, вещает
она отцу своему, Ану:

110 «Для скота я сена в Уруке скопила,
 Для степного зверья травы взрастила».

(Далее недостает трех-четырех стихов, где говори-
лось о небесном Быке.)

117 Как услышал Ану эти речи,
118 Ее он уважил, Быка он создал,
118a [.]

 В Урук с небес погнала его Иштар.

120 Когда достиг он улиц Урука,
 [.]

Спустился к Евфрату, в семь глотков его
 выпил — река иссякла.

 От дыханья Быка разверзлась яма,
 Сто мужей Урука в нее свалились.
125 От второго дыханья разверзлась яма,
 Двести мужей Урука в нее свалились.
 При третьем дыханье стал плевать

 на Энкиду;

 Прыгнув, Энкиду за рог Быка ухватился,
 Бык в лицо ему брызнул слюною,
130 Всей толщей хвоста его ударил.

131–132 Энкиду уста открыл и молвит, вещает
 он Гильгамешу:

 «Друг мой, гордимся мы нашей отвагой,
 Что же мы ответим на эту обиду?»

135 «Друг мой, видал я Быка свирепость,
 Но силы его для нас не опасны.

 Вырву ему сердце, положу перед
 Шамашем,— я и ты—Быка убьем мы,
 Встану я над его трупом в знак победы,
 Наполню рога елеем — подарю

 Лугальбанде!

140 За толщу хвоста его ухвати ты,

 А я между рогами, меж затылком
 и шесей, поражу его кинжалом,

Они руки свои омыли в Евфрате,
170—171 Обнялись, отправились, едут улпцей
Урука,
Толпы Урука на них взирают.
173—174 Гильгамеш вещает слово простолюдинкам
Урука:

Гильгамеш во дворце устроил веселье,
Заснули герои, лежат на ложе ночи,
Заснул Энкиду — и сон увидел,
185 Поднялся Энкиду — и сон толкует:
Вещает своему он другу:

I. 1 «Друг мой, о чем совещаются великие
боги?

2

3 ** *Слушай* мой соп, что я видел ночью:

4—5 ** Ану, Эллия и Шамаш меж собой
говорили.

5а ** И Ану Эллию вещает:

6 ** «Зачем они сразили Быка и Хумбабу?»

- [illegible]

(Возможно, сюда же относится отрывок «Периферийной» версии на аккадском языке, найденный в Мегиддо в Палестине.)

- 2'-3' ** Энкиду *прикоснулся к его*
руке, говорит Гильгамешу:
4' ** «*Не рубил я кедра, не убивал я*
Хумбабу.
5' ** [.]
6' ** [.]
7' ** *В кедровом лесу, где обитают боги,*
8' ** *Не убил ни одного я кедра!*
8а' ** *Гильгамеш от голоса его пробудился,*
9' ** *И герою так он вещает:*
10' ** «*Благ этот сон и благоприятен,*

Связал бы плот — и пустил бы по водам!

(Далее четыре непонятных стиха.)

II. г Ану и Иштар *мне того не простили!*
д Ныне же, дверь,— зачем я тебя сделал?
е Сам *повубил себя* *благочестивым даром!*
ж Пусть бы будущий царь тебя оправил,
жж Пусть бы бог *изготовил* твои *дверные*
створки,
и Стер бы мое имя, свое написал бы,
ии Сорвал бы мою дверь, а свою поставил!»
к Его слово услышав, сразу жарко
заплакал,
л Услыхал Гильгамеш слово друга,
Энкиду,— побежали его слезы.
м Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает
Энкиду:
н «Тебе бог даровал глубокий разум, *мудрые*
речи —
о Человек ты разумный — а *мыслишь* так
странно!
п Зачем, мой друг, ты *мыслишь* так
странно?
р Драгоценен твой сон, хоть много
в нем страха:
рр Как мушинные крылья, еще трепещут
твои губы!
с Много в нем страха, но сон этот дорог:
т *Для живого — тосковать —* его доля,
у Сон тоску оставляет для живого!
ф А теперь помолюсь я богам великим,—
х Милость взыскаю, обращусь к твоему
богу:
хх Пусть, отец богов, *будет милостив* Ану,
ц Даже Эллиль да сжалится, *смилуется*
Шамаш,—
ч Златом без счета *их* украшу кумиры!»

ч-ш *Услыхал его Шамаш, воззвал к нему с неба:*
 ш *«Не трать, о царь, на кумпры злата,—*
 щ *Слово, что сказано, бог не изменит,*
 ю *Жребий, что брошен, не вернет,*
 не отменит,—
 я *Судьба людская проходит,— ничто*
 не останется в мире!»
 аа На велепие Шамаша поднял голову Энкиду,
 бб *Перед Шамашем бегут его слезы:*
 III. 4 *«Я молю тебя, Шамаш, из-за судьбы моей*
 враждебной —
 4а *Об охотнике, ловце-человеке,—*
 5 *Он не дал достичь мне, чего друг мой*
 достигнул,
 Пусть охотник не достигнет, чего друзья
 его достигли!
 Пусть будут руки его слабы, прибыток
 скуден,
 8 *Пусть его пред тобою уменьшится доля,*
 8а *Пусть зверь в ловушку нейдет, а в щели*
 уходит!
 9 *Пусть охотник не исполнит желания*
 сердца!
 9а *На Шамхат во гнев навел он проклятье:*
 10 *«Давай, блудница, тебе долю назпачу,*
 Что не кончится на веки вечные в мире;
 Проклянута великим проклятьем,
 Чтобы скоро то проклятье тебя бы
 постигло;
 14 *Пусть ты не устроишь себе дома*
 на радость,
 14а *Пусть ты не полюбишь нагуляпой дочки,*
 15 *Пусть не введешь на посиделки девичьи,*
 Пусть заливают цивом твою прекрасную
 лоно,
 Пусть пьяный заблюет твою платье
 в праздник,

Пусть он отберет твои красивые бусы,
 Пусть гончар вдогонку тебе глину
 швыряет,
 20 Пусть из светлой доли ничего тебе
 не будет,
 21 Чистое серебро, гордость людей
 и здоровье,
 21а Пусть у тебя не водятся в доме,
 Пусть будут брать наслаждение от тебя
 у порогов,
 Перекрестки дорог тебе будут жилищем,
 Пустыри пускай тебе будут ночевкой,
 25 Тень стены обиталищем будет,
 Отдыха пусть твои ноги не знают,
 По щекам пусть бьют калека и пьяный,
 30 Пусть кричит на тебя жена верного
 мужа,
 Пусть не чинит твою кровлю строитель,
 В щелях степ пусть поселятся совы
 пустыни,
 Пусть к тебе на пир не сходятся гости,
 [.]
 35 [.]
 Пусть проход в твоё лоно закроется
 гноем,
 Пусть дар будет нищ за раскрытое
 лоно,—
 Ибо чистому мне притворилась ты
 супругой,
 И над чистым мною ты обман
 совершила!»

40 Шамаш услышал уст его слово,—
 Внезапно с неба призыв раздался:
 «Зачем, Энкиду, блудницу Шамхат
 ты проклял,

В утробу Энкиду боль проникла,
На ложе ночи, где лежал он одиноко.
Все свои скорби он поведал другу:
«Слушай, друг мой! Сон я видел ночью —
15 Вопияло небо, земля отвечала,
Только я стою между ними
Да один человек — лицо его мрачно,
Птице бури он лицом подобен,
Его крылья — орлиные крылья, его когти —
орлиные когти,

20 За волосы он схватил, меня одолел он,
Я его ударил — как скакалка он скачет,
Он меня ударил — исцелил мою рану,
Но, как тур, на меня паступил он,
Сжал, как тисками, все мое тело.

25 «Друг мой, спаси меня!» Не мог
спассти ты,
Ты убоялся, не мог сражаться,
Ты лишь [.]
.]

31 Он ко мне прикоснулся, превратил
меня в птицу,
Крылья, как птичьи, надел мого на плечи:
Взглянул и увел меня в дом мрака,
жилище Иркалы,
В дом, откуда вошедший никогда
не выходит,

35 В путь, по которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища — прах и еда их — глина,
А одеты, как птицы, — одеждою крыльев,

39 И света не видят, но во тьме обитают,

39а А засовы и двери покрыты пылью!

40 В Доме праха, куда вступил я,
Поглядел я -- венцы смиренны:
Я послушал, — венценосцы, что в прежние
дни владели миром,

Ану и Эллилю подносят жареное мясо,
Ставят хлеб печеный, холодную
из меха возливают воду.

45 В Доме праха, куда вступил я,
46—47 Живут жрец и служка, живут
волхв и одержимый,
Живут священники богов великих,
Живет Этана, живет Сумукаш,
50 Живет Эрешкигаль, земли царица;
Белет-цери, дева — писец земли, перед
ней на коленях,
Таблицу судеб держит, пред нею
читает,—

Подняла лицо, меня увидела:
«Смерть уже взяла того человека!»

(Далее недостает около пятидесяти стихов; Энкиду видел еще сон; рассказ о нем кончается словами:)

VI. 1 «...Мы с тобою вместе все труды
Делили,—
Помни меня, друг мой, не забудь мои
деянья!»

**Друг его увидел сон необъяснённый,
Когда сон он увидел, его иссякла сила.**

6 Лежит Энкиду на ложе,
 Первый день, второй день, что лежит
 Энкиду на ложе,
 Пятый, шестой и седьмой, восьмой, девятый
 и десятый,—

10 Стал недуг тяжелей у Энкиду;
Одиннадцатый и двенадцатый дни
миновались —

На ложе своем приподнялся Энкиду,
Кликнул Гильгамеша, ему вещает:
«Друг мой *отныне* меня возненавидел,—
Когда в Уруке *мы с ним говорили,*
15 Я боялся сраженья, *а он был мне*
в помощь;

Я и ты — не равно ли мы смертны?»

ТАБЛИЦА VIII

- 164

Да плачет земледелец доброго града, твое
 славивший имя,
 25' Да плачет тот, кто, как древними
 людьми, гордился тобою,
 Да плачет тот, кто накормил тебя хлебом,
 Да плачет рабыня, что умастила твои
 поги,
 Да плачет раб, кто вина к устам твоим
 подал,
 30' Да плачет блудница, тебя умастившая
 добрым елеем,
 Да плачет в брачный покой вступивший,
 Обретший супругу твоим добрым советом,
 Братья да плачут по тебе, как сестры,
 В скорби да рвут власы над тобою!
 Словно мать и отец в его дальних
 кочевьях,
 35' Я об Энкиду буду плакать:
 36' Внимайте же мне, мужи, внимайте,
 II. 1 Внимайте, старейшины огражденного
 Урука!
 Я об Энкиду, моем друге, плачу,
 Словно плакальщица, горько рыдаю:
 Мощный топор мой, сильный оплот мой,
 5 Верный кинжал мой, надежный щит мой,
 Праздничный плащ мой, пышный убор
 мой,—
 Демон злой у меня его отнял!
 Младший мой брат, гонитель онагров
 в степи, паптер на просторах!
 Энкиду, младший мой брат, гонитель
 онагров в степи, павтер на просторах!
 10 С кем мы, встретившись
 вместе, поднимались в горы,
 Вместе схвативши, Быка убили,—
 Что за сон теперь овладел тобою?
 Стал ты темен и меня не слышишь!»

- А тот головы поднять не может.
15 Тронул он сердце — оно не бьется.
Закрыл он другу лицо, как невесте,
Сам, как орел, над ним кружит он,
Точно львица, чьи львята — в ловушке,
Мечется грозно взад и вперед он.
20 Словно кудель, раздирает власы он,
Словно скверну, срывает одежду.
-

- Едва занялось сияние утра,
22' Гильгамеш по стране созывает кличем
Ваятелей, медников, кузнецов, камнерезов.
«Друг мой, сделаю кумир твой,
25' Какого никто не делал другу:
Друга рост и облик в нем будет явлен,—
Подножье из камня, власы — из лазури,
Лицо — из алебастра, из золота — тело.

(Далее недостает около двадцати стихов.)

- II. 50+x «...Теперь же я, и друг и брат твой,
Тебя уложил на великом ложе,
III. 1 На ложе почетном тебя уложил я,
Поселил тебя слева, в месте покоя,
Государь земли облобызали твои ноги,
Велел оплакать тебя народу Урука,
5 Веселым людям скорбный обряд
поручил я,
А сам после друга рубище надел я,
Львиной шкурой облачился, бегу
в пустыню!»
-

- 8 Едва занялось сияние утра,

(Далее недостает более сотни стихов.)

- V. 45 Едва занялось сияние утра,
45a Гильгамеш изготовил из глины фигурку,

Вынес стол большой, деревянный,
Сосуд из сердолика наполнил медом,
Сосуд из лазури наполнил маслом,
Стол украсил и для Шамаша вынес.

(До конца таблицы недостает около пятидесяти стихов; содержанием их было гадание Гильгамеша и ответ богов. Вероятно, он был сходен по содержанию с тем, который содержится в «Старовавилонской» версии, но не в этом месте, а в той таблице, которая соответствовала позднейшей десятой,— в так называемой «Таблице Мейснера». Ниже приводится текст из нее; первые строки представляют собой домысел переводчика.)

Эллиль услышал уст его слово —
Внезапно с неба призыв раздался:
«Издrevле, Гильгамеш, назначено людям:
Земледелец пашет землю, урожай
собирает,

Табл. X. 2'

Пастух и охотник со зверьем обитает,
* Надевает их шкуру, ест их мясо.

* Ты же хочешь, Гильгамеш, чего
не бывало,

* С тех пор как мой ветер гонит воды».

5' * Опечалился Шамаш, к нему явился,

* Вещает он Гильгамешу:

* «Гильгамеш, куда ты стремишься?

* Жизни, что ищешь, не найдешь ты!»

* Гильгамеш ему вещает, Шамашу-герою:

10' * «После того как бродил по свету,

* Разве довольно в земле покоя?

* Видно, проспал я все эти годы!

* Пусть же солпечным светом насытятся
очи:

* Пуста темнота, как нужно света!

* Можно ль мертвому видеть сияние

солнца?»

(От этого места в «Старовавилонской» версии до конца таблицы еще около двадцати стихов.)

ТАБЛИЦА IX

- I. 1 Гильгамеш об Энкиду, своем друге,
Горько плачет и бежит в пустыню:
«И я не так ли умру, как Энкиду?
Тоска в утробу мою проникла,
5 Смерти страшусь и бегу в пустыню.
Под власть Утнапíшти, сына Убар-Тúту,
Путь я предпринял, иду поспешно.
Перевалов горных достигнув ночью,
Львов я видал, и бывало мне страшно,—
10 Главу подымая, молюсь я Сину,
И ко всем богам идут мои молитвы:
Как прежде бывало, меня сохраните!»
Ночью он лег,— от сна пробудившись,
Видит, львы резвятся, радуясь жизни.
15 Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,—
Словно копье, упал между ними,
Ударял, повергал, убивал и рубил он.

(Далее недостает около тридцати стихов.)

- II. 1 Он слышал о горах, чье имя — Мáшу,
Как только к этим горам подошел он,
Что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху металла небес достигают,
5 Внизу — преисподней их грудь
достигает,—
Люди-скорпионы стерегут их ворота:
Грозен их вид, их взоры — гибель,
Их мерцающий блеск повергает горы —
При восходе и закате Солнца они охраняют
Солнце,—
10 Как только их Гильгамеш увидел —
Ужас и страх его лицо помрачили.
С духом собрался, направился к ним он;
Человек-скорпион жене своей крикнул:

«Тот, кто подходит к нам,— плоть богов —
его тело!»

15 Человеку-скорпиону жена отвечает:
«На две трети он бог, на одну —
человек он!»

Человек-скорпион Гильгамешу крикнул,
Потомку богов вещает слово:

«Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,

23—24 Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»

25 Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:

«Младший мой брат, гонитель онагров
в степи, пантер на просторах,
Энкиду, младший мой брат, гонитель
онагров горных, пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, подымались
в горы,

Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,—
Его постигла судьба человека!
Шесть дней миновало, семь ночей

миновало,

Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне

жизни:

Мысль о герое не дает мне покоя!
Дальней дорогой бегу в пустыне:
Мысль об Энкиду, героя, не дает мне

покоя —

Дальним путем скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я, как успокоюсь?

- Друг мой любимый стал землею!
 Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
 Так же, как он, и я не лягу ль,
 Чтоб не встать во веки веков?
 Теперь же, скорпион, тебя я встретил,—
 Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!
 [.]
 К Утнапíшти, отцу моему, я иду
 поспешно,
 К тому, кто, выжив, в собрание богов был
 принят и жизнь обрел в нем:
 5 Я спрошу у него о жизни и смерти!»
 6—7 Человек-скорпион уста открыл и молвит,
 вещает он Гильгамешу:
 «Никогда, Гильгамеш, не бывало дороги,
 Не ходил никто еще ходом горным:
 10 На двенадцать поприщ простирается
 внутри он:
 Темнота густа, не видно света —
 При восходе Солнца закрывают ворота,
 При заходе Солнца открывают ворота,
 При заходе Солнца опять закрывают
 ворота.
 15 Выводят оттуда только Шамаша боги,
 Опалает живущих он сияньем,—
 Ты же — как ты сможешь пройти тем
 ходом?
 Ты войдешь и больше оттуда
 не выйдешь!»
 (Далее недостает более пятидесяти стихов.)
 Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
 «[.]
 IV. 33 В тоске моей плоти, в печали сердца,
 И в жар и в стужу, в темноте и во мраке,
 35 Во вздохах и плаче,— вперед пойду я!
 Теперь открой мне ворота в горы!»

37-38 Человек-скорпион уста открыл и молвит,
вещает он Гильгамешу:

40 «Иди, Гильгамеш, *путьем своим трудным,*
Гóры Мáшу ты да минуешь,
Леса и горы да пройдешь отважно,
Да вернешься обратно благополучно!
Ворота гор для тебя открыты».

Гильгамеш, когда услышал это,
Человеку-скорпиону был послушен,
По дороге Шамаша стопы он направил,
Первое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад вельзя ему видеть.

Второе поприще уже прошел он —
1 Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад вельзя ему видеть.
Третье поприще пройдя, он вспять
обратился.

(В следующих недостающих восемнадцати стихах, вероятно, объяснялось, почему Гильгамеш решил снова предпринять путь сквозь подземелье на краю света.)

С духом собрался, *вперед* зашагал он.
Четвертое поприще *уже* прошел он —
Темнота густа, не видно света,
25 *Ни вперед, ни назад* нельзя ему видеть.
Пятое поприще *уже* прошел он —
Темнота густа, не видно света,
 Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Шестое поприще *уже* прошел он —
36 Темнота густа, не видно света,
 Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,
Седьмое поприще пройдя — он
 прислушался к мраку:
Темнота густа, не видно света,
 Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
35 Восьмое поприще пройдя,— *в темноту*
 он крикнул:

- Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
 На девятом поприще холодок
он почуял,—
Дыхание ветра его лица коснулось,—
 40 Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,
 42—43 На десятом поприще стал выход
близок,—
Но как десять поприщ поприще это.
 45 На одиннадцатом поприще пред
рассветом брезжит,
На двенадцатом поприще свет появился,
 Пospешил он, рощу из каменьеv увидев:
 Сердолик плоды приносит,
 Гроздьями увешан, на вид приятен.
 50 Лазурит растет листвою —
 Плодоносит тоже, на вид забавен.
- (Далее недостает тридцать четыре стиха. Сохранились отрывки дальнейшего описания волшебного сада.)*
- VI. 35 Гильгамеш, проходя по саду каменьеv,
 Очи поднял на это чудо.

ТАБЛИЦА X

- I. 1 Сидури —хозяйка богов, что живет
на обрыве у моря,
 Живет она и брагой их угощает:
 Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу,—
 Покрывалом покрыта, незрима людям.
 5 Гильгамеш приближается к ее жилищу,
 Шкурой одетый, покрытый прахом,
 Плоть богов таится в его теле,
 Тоска в утробе его обитает,
 Идущему дальним путем он лицом
подобен.

и Почему твои щеки впали, голова поникла,
 к Печально сердце, лицо увяло,
 л Тоска в утробе твоей обитает,
 м Идущему дальним путем ты лицом
 подобен,
 н Жара и стужа лицо опалили,
 о И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

*«Как не впасть моим щекам, голове
 не поникнуть,
 Не быть сердцу печальным, лицу
 не увянуть,
 Тоске в утробу мою не проникнуть,
 Идущему дальним путем мне не быть
 подобным,*

*Жаре и стуже не спалить чело мне?
 Младший мой брат, гонитель онагров
 в степи, пантер на просторах,
 Энкиду, младший мой брат, гонитель
 онагров в степи, пантер на просторах,
 С кем мы, встретившись*

*вместе, подымались в горы,
 Вместе схвативши, Быка убили,
 В кедровом лесу погубили Хумбабу,*
 II. 1 Друг мой, которого так любил я,
 II. 1a С которым мы все труды делили,
 2 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
 2a С когорым мы все труды делили,—
 Его постигла судьба человека!
 Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,
 5 Не предавая его могиле,—
 II. 7 * Не встанет ли друг мой в ответ
 на мой голос?
 II. 6 Пока в его нос не проникли черви!
 Устрашился я смерти, не найти мне
 жизни!

- II. 11 * Словно разбойник, брожу в пустыне:
 II. 8a Слово героя не дает мне покоя —
 9 Дальней дорогой бегу в пустыне:
 9a Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя —
 10 Дальним путем скитаюсь в пустыне:
 11 Как же смолчу я, как успокоюсь?
 12 Друг мой любимый стал землею!
 12a Энкиду, друг мой любимый, стал
 землею!
 Так же, как он, и я не лягу ль,
 14 Чтоб не встать во веки веков?
 (X)II. 12' * Теперь же, хозяйка, тебя я встретил,—
 * Смерти, что страшусь я, пусть
 не увижу!»
 * Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
 (X)III. 1 * «Гильгамеш! Куда ты стремишься?
 * Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
 * Боги, когда создавали человека,—
 * Смерть они определили человеку,
 5 * Жизнь в своих руках удержали.
 * Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
 * Днем и ночью да будешь ты весел,
 * Праздник справляй ежедневно,
 * Днем и ночью играй и пляши ты!
 10 * Светлы да будут твои одежды,
 * Волосы чисты, водой омойся,
 * Гляди, как дитя твою руку держит,
 * Своими объятьями радуй подругу —
 14 * Только в этом дело человека!»

- X.II. 15 Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
 «Теперь, хозяйка,— где путь
 к Утнапишти?
 17 Каков его признак,— дай его мне ты,
 17a Дай же ты мне пути того признак:
 Если возможно — переправлюсь морем,

По водам Уршанаби плыл на лодке,
Лодку к берегу он направил.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику

Уршанаби:

VI. 8 * «Я — Гильгамеш, таково мое имя,
* Что пришел из Урука, дома Ану,
10 * Что бродил по горам путем далеким
с восхода Солнца».

III. 1 Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:

«Почему твои щеки впали, голова
поникла,

Печально сердце, лицо увяло,

Тоска в утробе твоей обитает,

5 Идущему дальним путем ты лицом
подобен,

Жара и стужа лицо опалили,

И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ему вещает, корабельщику

Уршанаби:

«Как не впасть моим щекам, голове
не поникнуть,

10 Не быть сердцу печальным, лицу
не увянуть,

Тоске в утробу мою не проникнуть,

Идущему дальним путем мне не быть
подобным,

Жаре и стуже не спалить чело мне,

Не искать мне марева, не бежать
по пустыне?

15 Младший мой брат, гонитель онагров
в степи, пантер на просторах,

15a Энкиду, младший мой брат, гонитель
онагров в степи, пантер на просторах,

С кем мы, встретившись

вместе, подымались в горы,

Вместе схвативши, Быка убили,

На перевалах горных львов убивали,

- В кедровом лесу погубили Хумбабу.
 20 Друг мой, которого так любил я,
 20a С которым мы все труды делили,
 21 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
 21a С которым мы все труды делили,—
 Его постигла судьба человека!
 Шесть дней миновало, семь ночей
 миновало,
 Пока в его нос не проникли черви.
 25 Устрашился я смерти, не найти мне
 жизни,
 Слово героя не дает мне покоя —
 27 Дальней дорогой бегу в пустыне!
 27a Слово Энкиду, героя, не дает мне
 покоя —
 Дальним путем скитаюсь в пустыне:
 Как же смолчу я, как успокоюсь?
 30 Друг мой любимый стал землею,
 30a Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
 31 Так жо, как он, и я не лягу ль,
 31a Чтоб не встать во веки веков?»
 (Ответ Уршанаби пропущен, может быть, по небрежности писца.)
 32 Гильгамеш ему вещает, корабельщику
 Уршанаби:
 «Теперь, Уршанаби,— где путь
 к Утнапишти?
 34 Каков его признак — дай его мне ты!
 34a Дай же ты мне пути того признак:
 35 Если возможно — переправлюсь морем,
 35a Если нельзя — побегу пустыней!»
 Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
 IV. 7' * «Идолы те, Гильгамеш, мне
 оберегом были,
 8' * Чтобы я не прикоснулся к водам
 смерти;
 9' * В ярости твоей ты идолы разрушил,—

- 10' * *Без тех идолов тебя переправить трудно,*
 Возьми, Гильгамеш, топор в свою руку,
 III. 41 Углубися в лес, наруби шестов там,
 41a Сто двадцать шестов по пятнадцати
 сажень.
 Осмоли, сделай лопасти и мне
 припеси их».
- Гильгамеш, услышав эти речи,
 44 Боевой топор он поднял рукою,
 44a Выхватил из-за пояса меч свой,
 45 Углубился в лес, нарубил шестов там,
 45a Сто двадцать шестов по пятнадцати
 сажень,—
 Осмолил, сделал лопасти, к нему
 принес их.
- Гильгамеш и Уршанаби шагнули в лодку,
 Столкнули лодку на волны и на ней
 поплыли.
- Путь шести недель за три дня совершили.
 50 И вступил Уршанаби в воды смерти.
- IV. 1 Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
 «Остановись, Гильгамеш, и шест
 возьми ты,
 Воды смерти рукою не тронь, берегися!
 Второй, третий и четвертый, Гильгамеш,
 возьми ты,
 5 Пятый, шестой и седьмой, Гильгамеш,
 возьми ты,
 Восьмой, девятый и десятый, Гильгамеш,
 возьми ты,
 Одиннадцатый и двенадцатый, Гильгамеш,
 возьми ты».
- На сто двадцатом кончились шесты
 у Гильгамеша,
 И развязал он препоясанье чресел,
 10 Скинул Гильгамеш одежду, ее
 развернул он,

Как парус, ее руками поднял.
 Утнапишти издали их увидел,
 Помыслив, сердцу своему вещает,
 Сам с собою совет он держит:
 15 «Почему это *идолы* на ладье разбиты
 И плывет *на ней* не ее хозяин?
 17 Тот, кто подходит,— не мой человек он,
 17a И справа *гляжу я*, и слева *гляжу я*,
 Я гляжу на него — и *узнать* не могу я,
 Я гляжу на него — и *понять* не могу я,
 20 Я гляжу на него — и *не ведаю, кто он*.
 [.]»

(Далее недостает около двадцати стихов.)

IV. 42 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
 «Почему твои щеки впали, голова поникла,
 Печально сердце, лицо увяло,
 45 Тоска в угробе твоей обитает,
 Идущему дальним путем ты лицом
 подобен,
 Жара и стужа чело опалили,
 И марева нищешь, бежишь по пустыне?»
 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 50 «Как не впасть моим щекам, голове
 не пошкунуть,
 V. 1 Не быть сердцу печальным, лицу
 не увянуть,
 Тоске в утробу мою не проникнуть,
 Идущему дальним путем мне не быть
 подобным,
 Жаре и стуже не спалить чело мне,
 Не искать мне марева, не бежать
 по пустыне?
 5 Младший мой брат, гонитель онагров
 в степи, пантер на просторах,
 Энкиду, младший мой брат, гонитель
 онагров в степи, пантер на просторах,

С кем мы, встретившись
 вместе, подымались в горы,
 Вместе схвативши, Быка убили,
 10 В кедровом лесу погубили Хумбабу,
 11 На перевалах горных львов убивали,
 12 Друг мой, которого так любил я,
 12a С которым мы все труды делили,
 13 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
 13a С которым мы все труды делили,—
 14 Его постигла судьба человека!
 14a Дни и ночи пад ним я плакал,
 15 Не предавая его могиле,
 16 Пока в его нос не проникли черви.
 17 Устрашился я смерти и бегу
 в пустыне —
 18 Слово героя не дает мне покоя,
 18a Дальней дорогой брожу в пустыне —
 19 Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя!
 20 Как же смолчу я, как успокоюсь?
 21 Друг мой любимый стал землею,
 21a Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
 22 Так же, как он, и я не лягу ль,
 22a Чтоб не встать во веки веков?»
 23 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 24 «Я же, чтоб дойти до дальнего
 Утнапишти,
 24a Чтоб увидеть того, о ком ходит преданье,
 25 Я скитался долго, обошел все страны,
 Я взбирался на трудные горы,
 Через все моря я переправлялся,
 Сладким сном не утолял свои очи,
 29 Мучил себя непрерывным бдением,
 29a Плоть свою я наполнил тоскою,
 30 Не дойдя до хозяйки богов, сносил
 я одежду,
 31 Убивал я медведей, гиен, львов, барсов
 и тигров,

31a Оленей и серн, скот и тварь степную,
32 Ел их мясо, их шкурой ублажал свое
тело;

33 При виде меня хозяйка заперла двери,

33a Смолой и киром обмазал шесты я,

34 Когда плыл на ладье, не тронул воды я,—

35 Да найду я жизнь, которую ищу я!»

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:

«Почему, Гильгамеш, ты исполнен тоскою?

Потому ль, что плоть богов и людей

в твоём теле,

Потому ль, что отец и мать тебя создали

смертным?

40 Ты узнал ли,— когда-то для

смертного Гильгамеша

Было ль в собрание богов поставлено

кресло?

42 Даны ему, смертному, пределы:

42a Люди — как пахтанье, боги — как масло,

Человеки и боги — как мякипа

и пшеница!

Поспешил ты шкурою, Гильгамеш,

облечься,

45 И, что царскую перевязь, её ты

носишь,—

Потому что — нет у меня для тебя ответа,

Слова совета нет для тебя никакого!

Обрати лицо свое, Гильгамеш, к твоим

людям:

Почему их правитель рубище носит?

50 [.]

(Далее недостаёт около двадцати пяти стихов.)

VI. 25 Ярая смерть не щадит человека:

26 Разве навеки мы строим дома?

26a Разве навеки ставим печати?

Разве навеки делятся братья?

Разве навеки ненависть в людях?
 Разве навеки река несет полые воды?
 30 Стрекозой навсегда ль обернется
 личинка?
 Взора, что вынес бы взоры Солнца,
 С давних времен еще не бывало:
 Пленный и мертвый друг с другом
 схожи —
 Не смерти ли образ они являют?
 35 Человек ли владыка? Когда Эллиль
 благословит их,
 То собираются Ануннаки, великие боги,
 Мамет, создавшая судьбы, судьбу с ними
 вместе судит:
 Они смерть и жизнь определили,
 39 Не поведали смертного часа,
 39a А поведали: жить живому!»

Т А Б Л И Ц А Х I

1 Гильгамеш ему вещает, дальнему
 Утнапишти:
 2 «Гляжу на тебя я, Утнапишти,
 3 Не чуден ты ростом — таков, как и я, ты,
 4 И сам ты не чуден — таков, как и я, ты.
 5 Не страшно мне с тобою сразиться;
 6 Отдыхая, и ты на спину ложишься —
 7 Скажи, как ты, выжив, в собрание богов
 был принят и жизнь обрел в нем?»

8 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
 9 «Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
 10 И тайну богов тебе расскажу я.
 11 Шуриппак, город, который ты знаешь,

12 Что лежит на бреге Евфрата,—
 13 Этот город древен, близки к нему боги,
 14 Богов великих потоп устроить склонило
 их сердце.
 15—16 Совещались отец их Ану, Эллиль, герой,
 их советник,
 17—18 Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
 19 Светлоокий Эйа с ними вместе клялся,
 20 Но хижине он их слово поведал:
 21 «Хижина, хижина! Стенка, стенка!
 22 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
 23 Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
 24 Снеси жилище, построй корабль,
 25 Покинь изобилье, заботься о жизни,
 26 Богатство презри, спасай свою душу!
 27 На свой корабль погрузи все живое.
 28 Тот корабль, который ты построишь,
 29 Очертаньем да будет четырехуголен,
 30 Равны да будут ширина с длиною,
 31 Как Океан, покрой его кровлей!»
 32 Я понял и вещаю Эйе, владыке:
 33 «То слово, владыка, что ты мне молвил,
 34 Почтить я должен, все так и исполню.
 35 Что ж ответить мне граду — народу
 и старцам?»
 36 Эйа уста открыл и молвит,
 37 Мне, рабу своему, он вещает:
 38 «А ты такую им речь промолви:
 39 «Я знаю, Эллиль меня ненавидит,—
 40 Не буду я больше жить в вашем граде,
 41 От почвы Эллиля стопы отвращу я.
 42 Спущусь к Океану, к владыке Эйе!
 43 А над вами дождь прольет он обильно,
 44 Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
 45 На земле будет всюду богатая жатва,
 46 Утром хлынет ливень, а ночью
 47 Хлебный дождь вы узрите воочью».

48 Едва занялось сияние утра,
49 По зову моему весь край собрался,
50 [.] [.]
51 [.] [.]
52 Всех мужей я призвал на повинность —
53 Дома сносили, разрушали ограду.
54 Ребенок смолу таскает,
55 Сильный в корзинах снаряжение носит.
56 В пятеро суток заложил я кузов:
57 Треть десятины площадь, борт сто
двадцать локтей высотой,
58 По сто двадцать локтей края его верха.
59 Заложил я обводы, чертеж начертил я:
60 Шесть в корабле положил я палуб,
61 На семь частей его разделивши ими,
62 Его дно разделил на девять отсеков,
63 Забил в него колки водяные,
64 Выбрал я руль, уложил снаряжение.
65 Три меры кира в печи расплавил;
66 Три меры смолы туда налил я,
67 Три меры носильщпки натаскали елея:
68 Кроме меры елса, что пошла
на промазку,
69 Две меры елея спрятал кормчий.
70 Для жителей града быков колел я,
71 Резал овец я ежедневно,
72 Соком ягод, маслом, сикерой, вином
и красным и белым
73 Народ поил, как водой речною,
74 И они пировали, как в день новогодний.
75 Открыл я благовонья, умастил свои руки.
76 Был готов корабль в час захода Солнца.
77 Сдвигать его стали — он был тяжелым,
78 Подпирали кольями сверху и снизу,
79 Погрузился он в воду на две трети.

80 Нагрузил его всем, что имел я,
81 Нагрузил его всем, что имел серебра я,
82 Нагрузил его всем, что имел я злата,
83 Нагрузил его всем, что имел живой
я твари,
84 Поднял на корабль всю семью и род мой,
85 Скот степной и зверье, всех мастеров
я поднял.
86 Время назначил мне Шамаш:
87 «Утром хлынет ливень, а ночью
87a Хлебный дождь ты узришь воочью,—
88 Войди на корабль, засмоли его двери».
89 Настало пазначенное время:
90 Утром хлынул ливень, а ночью
90a Хлебный дождь я увидел воочью.
91 Я взглянул на лицо погоды —
92 Страшно глядеть на погоду было.
93 Я вошел на корабль, засмолил
его двери —
94 За смоление судна корабельщику
Пузур-Амúрри
95 Чертог я отдал и его богатства.

96 Едва занялось сияние утра,
97 С основанья небес встала черная туча.
98 Адду гремит в ее середине,
99 Шúллат и Хáниш идут перед нею,
100 Идут гонцы горой и равниной,
101 Эрагаль вырывает жерди плотины,
102 Идет Нинúрта, гать прорывает,
103 Зажгли маяки Анувнаки,
104 Их сияньем они тревожат землю.
105 Из-за Адду цепенеет небо,
106 Что было светлым, во тьму обратилось,
107 Вся земля, как горшок, раскололась.
108 Первый день бушует Южный ветер,
109 Быстро налетел, затопляя горы,

- 110 Словно войною, настигая *землю*.
 111 Не видит один другого,
 112 И с небес не видать людей.
 113 Боги потопа уstraшились,
 114 Поднялись, удалились на небо Ану,
 115 Прижались, как псы, растянулись
 снаружи.
 116 Иштар кричит, как в муках родов,
 117 Госпожа богов, чей прекрасен голос:
 118 «Пусть бы тот день обратился в глину,
 119 Раз в совете богов я решила злое,
 120 Как в совете богов я решила злое,
 121 На гибель людей моих войну объявила?
 122 Для того ли рожаю я сама человеков,
 123 Чтоб, как рыбий народ, наполняли
 море!»
 124 Ануннакийские боги с нею плачут,
 125 Боги смирились, пребывают в плаче,
 126 Теснятся друг к другу, пересохли
 их губы.
 127—128 Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
 128 Потопом буря покрывает землю.
 129 При наступлении дня седьмого
 129a Буря с потопом войну прекратили,
 130 Те, что сражались, подобно войску.
 131 Успокоилось море, утих ураган — потоп
 прекратился.
 135 Я открыл отдушину — свет упал
 на лицо мне,
 132 Я взглянул на море — тишь настала,
 133 И все человечество стало глиной!
 134 Плоской, как крыша, сделалась равнина.
 136 Я пал на колени, сел и плачу,
 137 По лицу моему побежали слезы.
 138 Стал высматривать берег в открытом
 море —
 139 В двенадцати поприщах поднялся остров.

140 У горы Ницир корабль остановился.
141 Гора Ницир корабль удержала, не дает
качаться.
142 Один день, два дня гора Ницир держит
корабль, не дает качаться.
143 Три дня, четыре дня гора Ницир держит
корабль, не дает качаться.
144 Пять и шесть гора Ницир держит
корабль, не дает качаться.

145 При наступлении дня седьмого
146 Вынес голубя и отпустил я;
147 Отправившись, голубь назад вернулся:
148 Места не нашел, прилетел обратно.
149 Вынес ласточку и отпустил я;
150 Отправившись, ласточка назад вернулась:
151 Места не нашла, прилетела обратно.
152 Вынес ворона и отпустил я;
153 Ворон же, отправившись, спад воды
увидел,
154 Не вернулся: каркает, ест и гадит.
155 Я вышел, на четыре стороны принес я
жертву,
156 На башне горы совершил воскуренье:
157 Семь и семь поставил курильниц,
158 В их чашки наломал я мирта, тростника
и кедра.
159 Боги почуяли запах,
160 Боги почуяли добрый запах,
161 Боги, как мухи, собрались к приносящему
жертву.
162 Как только прибыла богиня-мать,
163 Забрала она мушиное ожерелье,
163а Что Ану изготовил себе на радость:
164 «О боги! У меня на шее будет лазурный
камень —

- 164a Как его воистину я не забуду,
 165 Так эти дни я воистину помню,
 165a Во веки веков я их не забуду!
 166 К жертве все боги пусть подходят,
 167 Эллиль к этой жертве пусть не подходит,
 168 Ибо он, не размыслив, потоп устроил
 169 И моих человеков обрек истребленью!
 170 Эллиль, как только туда он прибыл,
 171 Увидев корабль, разъярился Эллиль,
 172 Исполнился гневом па богов Игигов:
 173 «Какая это душа спаслася?
 173a Ни один человек не должен был
 сыжить!»
 174 Нипурта уста открыл и молвит,
 174a Ему вещает, Эллилю, герою:
 175 «Кто, как не Эйна, замыслы строит,
 176 И Эйна ведаст всякое дело!»
 177 Эйна уста открыл и молвит,
 177a Ему вещает, Эллилю, герою:
 178 «Ты — герой, мудрец меж богами!
 179 Как же, как, не размыслив, потоп
 ты устроил?»
 180 На согрешившего грех возложи ты,—
 180a На виноватого вину возложи ты,—
 181 Удержись, да не будет погублен, утерпи,
 да не будет повержен!
 182 Чем бы потоп тебе делать,
 182a Лучше лев бы явился, людей поубавил!
 183 Чем бы потоп тебе делать,
 183a Лучше волк бы явился, людей поубавил!
 184 Чем бы потоп тебе делать,
 184a Лучше голод настал бы, разорил бы
 землю!
 185 Чем бы потоп тебе делать,
 185a Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
 186 Я ж не выдал тайны богов великих —

- 187 Многоумудрому сон я послал, и тайну богов
постиг он.
- 188 А теперь ему совет посоветуй!»
- 189 Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
190 Взял меня за руку, вывел наружу,
191 На колени поставил жену мою рядом,
192 К нашим лбам прикоснулся, встал между
нами, благословлял нас:
- 193 «Доселе Утнапишти был человеком,
194 Отныне ж Утнапишти пам, богам,
подобен,
195 Пусть живет Утнапишти при устье рек,
в отдаленье!»
- 196 Увели меня вдаль, при устье рек
поселили.
- 197 Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
198 Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
199 Вот шесть дней и семь ночей
не поспи-ка!»
- 200 Только он сел, раскинув ноги,—
201 Сондохнул на него, как мгла пустыни.
202 Утнапишти ей вещает, своей подруге:
203 «Посмотри на героя, что хочет жизни!
204 Сондохнул на него, как мгла пустыни».
- 205 Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
206 «Прикоснись к нему, человек да
проснется!
- 207 Тем же путем да вернется спокойно,
208 Через те же ворота да вернется
в свою землю!»
- 209 Утнапишти ей вещает, своей подруге:
210 «Лжив человек! Тебя он обманет:
211 Вот, пеки ему хлебá, клади у изголовья,
212 И дни, что он спит, на стене
помечай-ка».
- 213 Пекла она хлебá, клала у изголовья,
214 И дни, что он спит, на стене отмечала.

238 Погубили шкуры красоту его членов.
239 Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
240 Пусть свое платье он добела моет,
241 Пусть сбросит шкуры — унесет их море.
241a Прекрасным пусть станет его тело,
242 Новой повязкой главу пусть повяжет,
243 Облачение наденет, наготу прикроет.
244 Пока идти он в свой город будет,
245 Пока не дойдет по своей дороге,
246 Облачение не сносится, все будет
новым!»
247 Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
248 Добела вымыл он свое платье,
249 Сбросил шкуры — унесло их море,
250 Прекрасным стало его тело,
251 Новой повязкой главу повязал он,
252 Облачение надел, наготу прикрыл он.
253 Пока идти он в свой город будет,
254 Пока не дойдет по своей дороге,
255 Облачение не сносится, все будет новым.
256 Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
257 Столкнули лодку на волпы и на ней
поплыли.

258 Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
259 «Гильгамеш ходил, уставал и трудился,—
260 Что ж ты дашь ему, в свою страну
да вернется?»
261 А Гильгамеш багор уже поднял,
262 Лодку к берегу он направил.
263 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
264 «Гильгамеш, ты ходил, уставал
и трудился,—
265 Что ж мне дать тебе, в свою страну
да вернешься?
266 Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,

267 *И тайну цветка* тебе расскажу я:
268 Этот цветок — как тёрн на дне моря,
269 Шипы его, как у розы, твою руку
уколют.
270 Если этот цветок твоя рука достанет.—
270a *Ты к юности опять возвратишься*.
271 Когда Гильгамеш услышал это,
271a Открыл он крышку колодца,
272 Привязал к ногам тяжелые камни,
273 Утянули они его в глубь Океана.
274 Он схватил цветок, уколол свою руку;
275 От ног отрезал тяжелые камни,
276 Вынесло море его на берег.

277 Гильгамеш ему вещает, корабельщику
Уршанаби:
278 «Уршанаби, цветок тот — цветок
знаменитый,
279 Ибо им человек достигает жизни.
280 Принесу его я в Урук огражденный,
280a Накормлю *народ мой*, цветок испытаю:
281 Если старый от него человек молодеет,
282 Я поем от него — возвратится моя
юность».
283 Через двадцать поприщ отломили ломтик,
284 Через тридцать поприщ на привал
остановились.
285 Увидел Гильгамеш водоем, чьи холодны
воды,
286 Опустился в него, окунулся в воду.
287 Змея цветочный учуяла запах,
288 Из норы поднялась, цветок утащила,
289 Назад возвращаясь, сбросила кожу.
290 Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
291 По щекам его побежали слезы;
292 Обращается к кормчему Уршанаби:

- 293 «Для кого же, Урпапаби, трудились
руки?
294 Для кого же кровью истекает сердце?
295 Себе самому не принес я блага,
296 Доставил благо льву земляному!
297 За двадцать поприщ теперь уж качает
цветок пучина,
298 Открывая колодец, потерял я орудья,—
299 Нечто нашел я, что мне знаменьем
стало: да отступлю я!
300 И на берегу я ладью оставил!»
300a Через двадцать поприщ отломили ломтик,
301 Через тридцать поприщ на привал
остановились,
301a И прибыли они в Урук огражденный.
-

- 302 Гильгамеш ему вещает, корабельщику
Уршанаби:
303 «Поднимись, Уршанаби, пройди по
стенам Урука,
304 Обозри основанье, кирпичи ощупай —
304a Его кирпичи не обожжены ли
305 И заложены стены не семью ль
мудрецами?
[.]»

ТАБЛИЦА XI. «О все выдавшем» — книга Гильгамеша. Согласно древнему подлиннику списано и сверено.

(Позже была прибавлена таблица XII, являющаяся переводом шумерской былины и сюжетно не связанная с остальными.)

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЖИЗНЬ

«ЭЙА ИР'ЕМУМА ЛЮБИТ...»

ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

1-2 Эйа Ир'емуа любит,

3 Ир'емум, сын Иштар, *обитает* в ее

святые:

4-6 К капле мастикова древа оп шлет вас, две
прекрасные девы,

7—8 И в ответ они к саду спустились,

9-11 Спустившись в сад, обломили каплю мастика—

12 Отдали мне во власть ее недоступные губы,

13—14 Мне во власть ее сверкающие очи,

15-16 **Мне во власть, наготу ее злую;**

17-18 Я запрыгнул в сад, озаренный Луною,

19–20 Тополёвую ветку обломил я в час заветный:

21-22 Обернись ко мне, дева, говори со мною,

22 Как пастух оборачивается к стаду,

23 Как коза к козленку, овца к ягненку,

24 Как ослица к своему осленку;

25 Скажешь ты: «Его руки — мой подарок,

26-27 *Умщенье и страсть — его губы,*

28 Кружка *е*лея в его длани,

29 На плече его — кружка кедрового сока!»

30 Да смутит тебя, дева, Ир'емум

31 И повергнет он тебя в безумье:

32 В моей власти твои желанные губы,

33-34 Я за́клял теб́я Иштар и Ишх́арой!

35-37 «Пока шея с шеей вы с ним не сплететесь,

38 Да но знаешь ты, дева, покоя!»

«ОСТАВЬ ПОПРЕКИ!..»
ДИАЛОГ ДВУХ ВЛЮБЛЕННЫХ

I

- «Оставь попреки!
Не много ль споров?
Слово есть слово!
Я не меняю
5 Моих решений!
Покорный жепщине
Пожинает бурю!
Кто не грозен,
Тот не мужчина!»
«Удержись, моя правда,
10 Пред царицею Ёштар!
Победи, моя верность,
Посрами клеветницу!
Кротко и ласково
Служить любимому —
15 Так Нанайя повелела навеки!
Где разлучипца?»
«Я-то помню их лучше,
Твои прежние козни!
Уходи поздорову!
20 Расскажи-ка наперспиде,
Как мы любим друг друга!
«Я же льну к тебе ежедневно!
Я добьюсь мира любви пашей!
Я молюсь и молюсь Нанайе!
25 Я приму, господин мой, твою дружбу навеки,
Как подарок!»
«Ты в осаде!
И вина — твоя, все так и скажут!
Я свяжу твою [богиню]-защитницу!

Я прерву ее волхвования!
30 Прекрати поношенья,
Постигни правду!»
[.]

II

[.]
«Тебя не любящей — бессонные бдения!
Царица Иштар!
Как и мне — ей бессонницы!
Всю-то ночь в полудреме
Беспокойно метаться!»
10 «Я ненавижу ту, что не молиг!
Я не желаю ее соблазнов!
[.]
15 Я заткну рты кумушкам!
Я не послушаю советчиков!
[.]
И что за допросы?
[.]»
«Я обниму его, я его зацелую,
Я гляжу на него и не могу наглядеться!
25 Я добьюсь победы
Над клеветницами,
Я мирно вернусь к желанному,
Когда ночь любви
Завоюю нашей [.]
[.]»

III

«[.]
Как они твердят тебе постоянно:
Не одна у меня ты, есть и другие!
Да, любовь я забрал, и она не вернется!
Я отвернулся от твоего тела!

- 10 На тысячи верст удалил чресла!»
«Я ищу твоего вождения!
Господин мой, я жду любви!
[.]
- 15 Я говорю с тобой *денно и ночью!*»
«Возвращаюсь и возвращаюсь!
Третий раз тебе повторяю:
Не надейся, что я *изменю решенье!*
Постой у окошка,
Полови мои ласки!»
- 20 «Как глаза мои утомились,
Как я устала, его высматривая!
Все мне кажется — вот идет он мимо...
Кончился день — где мой *милый?*
[.]

IV

- [.]
- 5 Посижу, подожду, не заглянет ли он по дороге?»
«Клянусь я Нанайей
И царем Хаммурапи,
Что сказал я правду —
Твои ласки докучливы,
Маёта без радости!»
- 10 «И все из-за верности моей любимому!
Завистницы мои!
Их не счесть! Они что звезды в небе!
Да сгинут они! Да рассеет их ветер!
Пусть нынче болтают!
- 15 Я одна останусь
Внимать устам господина!»
«Ты единственная! Не отвратен
Лик твой, он прежний!
Как стоял я рядом,
- 20 А ты *плечи* клонила [...]»
Твое имя — покорная.

Твое имя — мудрейшая [...],
Да падут на другую
Наши беды пред Иштар!»

«В ВОДАХ ПОТОКА...»
ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ РОЖЕНИЦЫ

В водах потока
Сложились кости,
В плоти и ткани
Сложился зародыш.
5 В водах пучины глубокой,
Жестокой,
В водовороте бездны далекой,
Там, где связаны руки младенца,
Где око солнца
10 Не засияет,
Там узрел его Асаллухи, сын Энки.
Разорвал он узы,
Что его держали,
Проложил он троны,
15 Пути подготовил,
Проложены тропы,
Пути открыты,
Тебе спутницей *богиня-матерь,*
Жизнь сотворившая,
20 Нас сотворившая
На долю рабью.
Она говорит тебе: «Распрямляйся!»
Сняты заслоны,
Распахнуты двери.
25 *Да* разобьет Асаллухи *преграды!*
Самым желанным
На свет явился!

Закливание для роженицы.

«ТЕЛИЦА ТЯЖЕЛАЯ...»

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ РОЖЕНИЦЫ

- 1 Телица тяжелая, телица рождает.
В загоне Шамаша,
В ограде Шаккана.
Увидел Шамаш ее — заплакал,
5 Увидел Пресветлый — заструились
Слезы.
По ком это Шамаш заплакал,
У Пресветлого — заструились слезы?
«По телице моей — не раскрыться ей,
10 По теляткам моим — не родиться им.
В тяжести она, да лоно узко [....]»

(Разбито три строки, сохранились лишь отдельные слова.)

- 15 И покинет младенец утробу!
Если мальчик это — *то наш наследник,*
Если девочка — *желанная гостья!*
Пусть опустят дитя на землю.

Заклятие Энуру.

- 20 Заклинание для роженицы.

«ЖИТЕЛЬ ПОТЕМОК ПРОЧЬ ИЗ ПОТЕМОК...»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ-ЗАГОВОР ИЗ АШШУРА

- 1 Житель потемок прочь из потемок
Ушел поглядеть на солнечный свет.
Что ж дитя осерчало, так, что мать его плачет,
В небесах у богини струятся слезы?
5 Это кто же такой,— тот, кто на земле заводит
рев?
Если это — собака, пусть отломят ей ломтик,
Если это — птица, пусть ей выбросят крошек,

- Если ж это — строптивец, дитя людское,
Пусть споют ему заговор Ану и Анту,
10 Чтоб отец его спал, свой сон довершая,
Чтобы мать-рукодельница довершила урок свой.
Не мой это заговор,— заговор Эйи
и Асаллухи, заговор Даму и Гулы,
Заговор Нинакукúттум, госпожи *чародейства*:
15 Они мне сказали, а я повторяю.
-

Заговор, чтобы успокоить младенца.

Обряд таков: ты положишь в головах у младенца хлеб, трижды прочтешь этот заговор, проведешь от головы до ног и бросишь этот хлеб собаке: оный младенец утихнет.

Таблетка Кицир-Набу́, заклинателя.

«КОГДА АНУ СОТВОРИЛ НЕБО...»

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗУБНОЙ БОЛИ

- 1 Когда Ану сотворил небо,
Небеса сотворили землю,
Земля сотворила реки,
Реки сотворили протоки,
5 Протоки сотворили болота,
Болота червя сотворили.
Отправился червь к Шамашу, плача,
Пред богом Эйа текут его слезы.
«Что ты выделишь мне в пропитанье?»
10 «Что ты выделишь мне для сосанья?»
«Спелые фиги
И сок абрикоса».
«На что мне фиги
И сок абрикоса?»

- 15 Среди зубов позволь поселиться,
Сделай челюсть моим жилищем.
Кровь из зуба сосать я буду,
18—19 Буду глотать я корни зуба».
20 «Зацепи острие, ухвати за корень!
Сам себе, червь, избрал ты такое!
Да сразит тебя Эйа
Рукою могучей!»
-

Заклинание против зубной боли.

Сделай так: растолки траву шалфей [?] и смешай ее с маслом. Трижды скажи заклинание и положи на зуб.

Копия таблички против зубной боли со старой обожженной таблички, принадлежавшей Мардукнадинаххс, написал Набунадинибри, сын Кудурану.

«РАБ, ПОВИНУЙСЯ МНЕ!..»
РАЗГОВОР ГОСПОДИНА С РАБОМ

I

- 1 *«Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»*
«Поскорей приведи колесницу, ее запряги, во дворец
я поеду!»
«Поезжай, господин мой, поезжай. Благоволение царя
с тобою будет.
Если ты в чем и провинился, он окажет тебе
милость».
- «Нет, раб, не поеду я во дворец!»*
«Не езди, господин мой, не езди.
Царь в дальний поход тебя отправит,
Пошлет неведомою дорогой,
Днем и ночью страдать он тебя заставит».

II

- 10 *«Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»*
«Принеси-ка воды мне для рук, полсей мною ее,
обедать я буду!»
«Обедай, господин мой, обедай. Частая еда облегчает
сердце,
Обед человека — обед его бога, к вымытым рукам
благодарен Шамаш».
- «Нет, раб, не буду я обедать!»*
«Не обедай, господин мой, не обедай.
Еда и голод, питье и жажда — всегда с человеком».

III

- 17 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
«Приведи-ка мне колесницу, ее запряги, я на волю
поеду».
«Поезжай, господин мой, поезжай. Вольный бродяга
всегда набьет желудок,
Бродячий пес косточку отыщет,
Перелетная *птица* гнездо устроит,
Бегучий онагр пищу найдет и в *пустыне*».
«Нет, раб, не *поеду* я на волю!»
«Не езд, господин мой, не езд.
У вольного бродяги неверная доля,
У бродячего пса обломаются *зубы*.
У перелетной птицы дом ее в степе *замуруют*,
У бегучего онагра степь — его *ложе*».

IV

- 29 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
30 «Создам-ка я семью, заведу детишек!»
31 «Заведи, господин мой, заведи, создай семью [...],
Кто завел детей — обеспечил себе заупокойные
жертвы».
«Нет, раб, не создам я семью, не заведу детишек!»
«Не создавай, господин мой, не заводи».
32 Семья — что сломанная дверь, петля ей пня,
33 Из детей лишь треть здоровых, две трети — убогих».
37 «Так создать мне семью?» — «Не создавай семьи!
38 Создавший свою семью отчий дом расточает».

v

- 55 «Своему врагу окажу я покорность,
В суде промолчу перед своим супостатом!»

- 36 «Верно, окажи покорность, господин мой, окажи покорность,
26 Промолчи, господин мой, промолчи *перед*
супостатом.
36 «Нет, раб, я не покорюсь и не промолчу!»
46 «Не молчи, господин мой, не покоряйся.
56 Если даже ты и рта не откроешь вовсе,
66 Враги твои будут к тебе беспощадны и жестоки».

VI

- 39 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
«Учиню-ка я злодейство!» — «Учини, господин мой,
учини.
Коль не учинишь ты злодейства, где возьмешь ты
одежду,
Кто поможет тебе наполнить брюхо?»
«Нет, раб, не учиню я злодейства!»
«Кто учиняет злодейство, того убьют или живьем
сдерут с него кожу,
Либо его ослепят, либо схватят и бросят в темницу».

VII

- 46 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
«Женщину я полюблю!» — «Полюби, господин мой,
полюби!
Кто любит женщину, забывает печали и скорби». «Нет, раб, не полюблю я женщину!»
«Не люби, господин мой, не люби.
Женщина — яма, западня, ловушка,
Женщина — острый железный нож, взрезающий
горло мужчины».

- 53 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
«Поскорее неси мне воду для рук, ее полей мне,
Совершу я жертву своему богу!» — «Соверши,
господин мой, соверши.
Кто свершает жертвы своему богу, у того хорошо
на сердце,
Один заем за другим дает он».
«Нет, раб, не свершу я жертвы!»
«Не свершай, господин мой, не свершай.
Приучишь ли ты своего бога ходить за тобой как
собака,
Раз он требует от тебя то обрядов, то послушанья,
то еще чего-то!»

IX

- 62 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
«Давать в рост я буду!» — «Верно, давай, господин мой, давай.
Кто дает в рост, сохраняет свое, доход же огромен». «Нет, раб, давать в рост я не буду!»
«Не давай, господин мой, не давай.
Давать в долг — что любить женщину, получать назад — что порождать детей *непугевых*.
Люди твоё же зерно съедят, а тебя изругают, И тебя же лишат на твоё зерно дохода».

X

- 70 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
«Свершу-ка я доброе дело для своей страны!» —
«Верно, сверши, господин мой, сверши.
Кто делает добро своей стране,
Деянья того — у Мардука в перстне».
«Нет, раб, не свершу я доброго дела для страны!»

«Не свершай, господин мой, не свершай.
Поднимись и пройди по развалинам древним,
Взгляни на черепа простолюдинов и знатных:
Кто из них был злодей, кто был благодетель?»

XI

- 79 «Раб, повинуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»
«Если так, то что ж тогда благо?»
«Шею мою и шею твою сломать бы,
В реку бы броситься — вот что благо!
Кто столь высок, чтоб достать до неба?
Кто столь широк, чтоб объять всю землю?»
«Нет, раб, я тебя убью, отправлю первым!»
«А господин мой хоть на три дня
меня переживет ли?»

«НИППУРЕЦ, МУЖ СМИРЕННЫЙ И БЕДНЫЙ...»

СКАЗКА О НИППУРСКОМ БЕДНЯКЕ

- 1 Ниппурец, муж смиренный и бедный,
По имени Гимиль-Нипурта, человек убогий,
Жил в своем городе Ниппуре плохо:
Не имел серебра, украшенья человеков,
Золота не имел, украшенья мужей,
Закром его хлеба чистого жаждал;
От тоски по лепешке его печень горела,
От тоски по мясу и доброму пиву лицо подурнело,
Каждый день без пищи голодный ложился.
- 10 Одежду носил, не имевшую смен.
Совещается он со своим опечаленным сердцем:
«Сниму-ка бессменную мою одежду,
На базаре в Ниппуре куплю барана».
Снял он одежду свою, не имевшую смен,

- На базаре в Ниппуре трехлетнюю козу покупает.
Совещается он со своим опечаленным сердцем:
«Ну, зарежу козу я в моем загоне,
Но пира не будет,— где взять пива?
Услышат соседи мои — обозлятся,
20 Свояки и родичи поссорятся со мною.
К дому градоправителя пойду, козу отведу-ка,
Приятный и добрый привет измыслю».
Гимиль-Нинурта козу взял за шею,
К воротам правителя Ниппура он устремился.
Тукульти-Эллилю, стражу дверей, слово молвит:
«Скажи: «Войти я хочу, градоправителя видеть».
Привратник хозяину слово молвит:
«Господин мой, ниппурец у двери твоей ожидает
И привел козу тебе в *подарок*».
30 Разгневался градоправитель на привратника
Тукульти-Эллиля:
«Ниппурца схвати, введи в ворота!»
Привратник [.]
С ликующим сердцем предстал пред
градоправителем Гимиль-Нинурта.
Левой рукой козу взял за шею,
Градоправителя приветствовал правой:
«Да благословит градоправителя Эллиль и Ниппур!
Пусть даруют ему процветанье великое Адад
и Нуску!»
Градоправитель ниппурцу слово молвил:
40 «В чем твой проступок, что принес подношение?»
Гимиль-Нинурта правителю Ниппура дело свое
поведал:
«Каждый день я без пищи голодный ложился;
Снял я мою бессменную одежду,—
На базаре в Ниппуре трехлетнюю козу купил я.
Так я сказал моему омраченному сердцу:
«Ну, зарежу козу я в моем загоне,
Но пира не будет,— где взять пива?
Услышат соседи мои — обозлятся,

- Свояки и родичи поссорятся со мною.
- 50 К дому градоправителя пойду, козу отведу-ка». Так я сказал в моем сердце:
«[.] мясника кричит ночью.
[.] воистину схвачены [.]
[.] стол [.]
[.] спросят».
- Градоправитель [.] воскликнул
[.]
«Дай ему, ниппурцу, костей-сухожилий,
Напой из рога разбавленным пивом.
- 60 Гони его! Выведи за ворота!»
Дал он ниппурцу костей-сухожилий,
Напоил из рога разбавленным пивом,
Прогнал он его, за ворота вывел.
Гимиль-Нинурта, за ворота выйдя,
Привратнику, стражу дверей, слово молвит:
«Так скажи твоему богомерзкому господину:
«Одно наложил на меня ты бремя,
За одно — возьму тебе трижды».
- Градоправитель услышал — весь день смеялся.
- 70 Во дворец государя отправился Гимиль-Нинурта —
По приказу царя вельможа и чиновник вершат суд
правый.
- Гимиль-Нинурта, представ перед государем,
Низко склонился, целовал перед ним землю;
Царя вселенной приветствовал двумя руками:
«Властелин, жизнь людей! Царь, возвеличивший
Ламассу!
- По слову твоему пусть дадут мне колесницу,
В один день, как задумаю, — пусть желанья достигну.
За день плата — червонного золота мина».
- Не спросил его государь: «Что у тебя за желанье,
- 80 Коль хочешь весь день разъезжать в колеснице?»
Дали ему колесницу новую, украшенье великих,
Опоясали поясом, украшеньем вельможи,
Поехал он в колеснице новой, красе великих,

Отправился к Эдуранки.

Двух птиц изловил Гимиль-Нинурта,
В ларец посадил, запечатал печатью.

К воротам правителя Ниппура он устремился.

Градоправитель к нему вышел наружу:

«Кто ты, господин мой, правящий колесницей?»

90 «Царь, твой владыка, послал меня в Ниппур,
Золото везу в Экур, храм Эллиля».

Для угощенья его градоправитель зарезал барана.

Сказал ему градоправитель: «Я, увы, утомился!»

Всю первую стражу беседовал с градоправителем

Гимиль-Нинурта;

Сном был объят от усталости градоправитель.

Ночью поднялся, как вор, Гимиль-Нинурта,

Ларец открыл, улетели птицы в небо.

Градоправитель от сна проснулся:

«Ларец открыт, а золото пропало!»

100 Гимиль-Нинурта разодрал в гнев сердца одежду,
На градоправителя он налетел, отплатил за обиду:
Его тело избил с головы до пяток.

Причинил страданья.

Градоправитель у ног его выл от страха:

«Ниппура не губи, господин мой!

Кровь неприкосновенного — мерзость Эллилю;

Но пятна твои руки!»

Две мины червонного золота в дар ему дал он,

Вместо одежды, что тот разодрал, дал он ему

другую.

Гимиль-Нинурта, за ворота выйдя,

110 Тукульти-Эллилю, стражу дверей, слово молвит:

«Так скажи твоему богомерзкому господину:

«Одно наложил на меня ты бремя;

Раз возместил тебе, осталось два раза».

Градоправитель услышал — весь день смеялся.

Гимиль-Нинурта пришел к брадобрею,

Все волосы сбрил [.]

Наполнил углями курильницу [.]

- К воротам правителя Ниппура он устремился.
Привратнику, стражу дверей, слово молвит:
- 120 «Скажи: «Войти я хочу и градоправителя видеть».
«Кто ты, что *градоправителя* видеть желаешь?»
«Лекарь, уроженец Иссина, проникающий *тайны*,
Место болезни и *всякой скорби*».
Представ перед градоправителем, Гимиль-Нинурта
Синяки показал там, где был его тело.
Градоправитель сказал подчиненным: «Лекарь
искусен».
- «Господин мой, свершается во тьме мое лечение;
Для познания тайны темна дорога».
Он отвел его в дом, в потаенное место,
- 130 Где тому друг и близкий помочь не могли бы.
Курильницу прямо в огонь он бросил;
Вбил пять колышков в твердую землю,
Привязал его голову, руки и ноги,
С головы и до пяток его тело избил, причинил
страданья.
- Гимиль-Нинурта, за ворота выйдя,
Тукульти-Эллилю, стражу ворот, слово молвит:
«Так скажи твоему богомерзкому господину:
«Одно наложил на меня ты бремя;
Второй раз возместил тебе, один остался».
- 140 Гимиль-Нинурта был озабочен [.]
Он изучает всех черноголовых [.]
Он пустил одного человека [.]
Дал в подарок ему [.]
«Ступай к воротам градоправителя, крик
подними ты,
Пусть на крик твой сбежится несметная челядь».
Пред воротами градоправителя нанятый мчится:
«Я — тот, что с козую!»
Гимиль-Нинурта, как пес, под мостом притаился.
Градоправитель на крик человека вышел,
Вывел [всех] обитателей дома, мужчин и женщин.
- 150 Выскочили они, человека ищут.

Пока все они человека ищут,
Градоправитель один по полю гуляет.
Из-под моста прыгнул, схватил градоправителя
Гимиль-Нинурта,
На градоправителя он налетел, отплатил за обиду:
Его тело избил с головы до пяток, причинил
страданья.

«Одно наложил на меня ты бремя,—
Возместил я тебе трижды».

Оставил его он, в степь удалился.

160 Градоправитель едва живой вернулся в город.

Согласно древнему подлиннику списано и сверено.
Писал Набу-рихту-уцур, ученик, воспитанник школы
Набу-ахи-иддина, начальника, для чтения
Курди-Нергала.

Похитившего писание пусть бог Эйа похитит;
по велению Набу, обитающего в Эзиде,
да не будет у него отпрысков и потомков.
В месяц аддару, 21-го числа, эпоним Ханани,
правитель Тель-Барсиба.
Писание мое не уноси, библиотеку не растаскивай,
[это] — мерзость для Эйи, царя Апсу.

«ДЛЯ ЧЕГО, СЛОВНО БАРКА...»

ПЛАЧ-ЗАКЛИНАНИЕ

- 1 Для чего, словно барка на реке, ты простерта,
Твои [...] сломали, унесли твои [.....]
И черны твои щеки, перешедшая Тигр?
«Как не быть мне простертой, с унесенными [.....]?»
- 5 В день, как плод понесла я, до веселья ли было,
До веселья ли мне, до веселья ли другу?
В день, когда я болела, мои щеки погасли,

В день, когда я рожала, мои очи запали,
Обнажился мой грех, и звала я Белили:
10 «Ты, о мать родильниц, помоги мне в позоре!»
Услыхала Белили и ко мне обратилась
Так: «О ты, для чего же ты меня призываешь?
[.] подает он свой голос,
[.] позову мое чадо,
15 [.] на вечные годы,
И сойдут *мои ноги* в страну причитаний».
И идет она к Тигру, и заводит свой плач:
«В миновавшие дни с моим милым была я,
С тем тогда я жила, кто был моим другом».
20 Нынче ж смерть в моей спальне, застонала я стоном:
«Прочь из моего дома увели, увели меня,
Прочь от моего друга отвели, отвели меня,
И стоят мои ноги в Стране без Возврата».

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БОГ

«МУЖ СО СТЕНАНЬЕМ...»

СТАРОВАВИЛОНСКАЯ ЦОЭМА О НЕВИННОМ СТРАДАЛЬЦЕ

Муж со стенаньем своему богу плачется,
Молится постоянно, просит его неотступно.
Разум его пылает, мучительно наказанье,
И от страданий дух мутится;
Ослаб он, пал на колени, попик, склонился.
Многи его наказанья,— вот он приблизился, плача,
Кричит, как осленок, от ослов отделенный,
К богу свой вопль возносит;
Как у быка — его рот, как у плакальщиц —
завыванья.

- 10 Его господину плач несут его губы.
Наказания, что претерпел, господину он поверяет,
О страданиях, что выстрадал, муж сообщает:
«В душе моей, господин,— так рассуждал я,—
[.....] сердца, прегрешенья, что сделал,— не знаю.
[.....] мерзость перед тобою.
Лютую скверну я встречаю.
Не *поносил я брата пред братом*,
Друга пред другом его не хулил я.
[.....]

(42 стиха, составляющие продолжение молитвы-жалобы, сохранились очень плохо.)

[.....]

Приблизился бог к нему — и сердце его

просветлело;

- 70 Он обещает ему восстановить здоровье:
«Вел ты себя как муж; сердце твое зла не творило!
Кончились годы, исполнились дни наказанья!
Если б никто не судил тебе жизни,
Как дошел бы, как вынес болезнь всю тяжкую эту?

- Беду безысходную ты видел,
Дошел до конца, нес тяжкое бремя;
Была закрыта дорога,— теперь для тебя открыта:
Выровнена стезя и установлена милость!
В будущем не забывай твоего бога,—
80 Создателю твоему каким добром отплатишь?
Я — твой бог, твой создатель, твоя защита!
Тебя бережет мой страж, и силен мой
гений-хранитель!
[.]
Смотрю на тебя и долгую жизнь дарую.
И ты не бледней, возьми умащенья,
Голодного накорми, жаждущего напои водою;
И кто сидел, чьи глаза горели,
Пусть на еду твою поглядит, пусть проглотит,
возьмет, пусть возликует.
Открыты тебе врата мира и жизни;
90 Обернись и вступи в них, выйди! Да будешь
благополучен!»

«ВЛАДЫКУ МУДРОСТИ ХОЧУ ВОССЛАВИТЬ...»
ИЗ СРЕДНЕВАВИЛОНСКОЙ ПОЭМЫ
О НЕВИННОМ СТРАДАЛЬЦЕ

Т А Б Л И Ц А II

- 1 Только жить я начал — прошло мое время!
Куда ни гляну,— злое да злое!
Растут невзгоды, а истины нету!
Воззвал я к богу — лик отвернул он,
5 Взмолился богине — главы не склонила,
Жрец-прорицатель не сказал о грядущем.
Вещун волхвованьем не выяснил правды,
Ясновидца спросил — и он не понял.
Обряд заклинателя не отвел моей кары.

- 10 По что за дела творятся в мире!
Я в грядущем зрю гоценья и смуты!
Как тот, кто молитвой не славит бога,
В трапезы час не чтит богиню,
Не склоняется ниц, не бьет поклоны,
15 Чьи уста забыли мольбы и молитвы,
Кто священные божьи дни не приветил,
Кто в небреженье презрел обряды,
В почтенье и страхе не вел свою паству,
Бога не вспомнив, вкушал свою пищу,
20 Богиню оставил, мукí ей не сыпал,
Беспечно забыл своего господина,
Бездумно клялся святою клятвой —
Так я ниспровергнут!
А ведь я постоянно возносил молитвы!
Мне молитва — закон, мне жертва — обычай,
25 День почтения бога — мне радость сердца,
День шествий богини — и благо, и польза,
Славить царя — мое блаженство,
Песнопенья святые — мое наслажденье!
Я страну призывал соблюдать обряды,
30 Чтить богини нмя учил я народ мой,
Я славил царя, равнял его богу,
Почтепье к творцу внушал я черни.
Воистину, думал, богам это любо!
Но что мило тебе, угодно ли богу?
35 Не любезно ли богу, что тебя отвращает?
Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познает ли смертный?
Кто был жив вчера, умирает сегодня.
40 Кто вчера дрожал, сегодня весел.
Одно мгновенье он поет и ликует,
Оно прошло — он горько рыдает!
Как день и ночь, их меняются лики:
Когда голодны, лежат, как трупы,
45 Наелись — равняют себя с богами!

В счастье мпят себя на псбе,
 Чуть беда,— опустилиа в мир подземный.
 Вот что воистину непостижимо!
 На меня ж, бедняка, налетела буря,
 50 Злая болезнь надо мною нависла,
 Смерч поднялся из-за горизонта,
 От земли отделилась Немочь,
 Жестокый кашель покинул Бездну,
 Дух подземный Экур оставил!
 55 Выскочила из горы демоница,
 Лихорадка — из бурных потоков!
 С травой проросло бесплне тела.
 Подобно войску меня настигли,
 Ударили в голову, сжали череп.
 60 Во мраке лик мой, рыдают очи,
 Затылок разбили, скрутили шею,
 Ребра пронзили, грудь зажали,
 Поразили тело, сотрясли мои руки,
 Жар запалили они в моем чреве,
 65 Нутро наполнили ознобом и дрожью,
 Воспалили язык мокротою легких,
 Лихорадкой жир согнали с тела!
 Мощный,— как стена, я разрушен.
 Крепкий,— как тростинка, я согнут,
 70 Словно камыш,— я вырван и брошен!
 Демон в мое облачился тело,
 Словно сеть, опутало оцепененье.
 Отверзты, да не видят — очи,
 Внимают, да не слышат— уши,
 75 Изнурение овладело плотью.
 Сотрясение поразило тело.
 Окостенение сковало руки,
 Бессилие охватило чресла.
 Движение позабыли ноги.
 80 Я сражен ударом, я прикончен горем,
 Близкая смерть мне лицо прикрыла,
 Заклинатель позвал меня — мне не ответить,

Вокруг рыдают, а я без сознания,
 Уста мои уста стянула,
 85 Удила в мои вонзились губы..
 Голоден я, но стянута глотка!
 Мне хлеб на вкус что сорняк вонючий,
 Опротивело пиво, человечья радость,
 90 Воистину, нету конца недугу!
 От голода изменился лик мой,
 Дряблое тело кровь покидает,
 Я голый остов, покрытый кожей,
 В лихорадке тело, охвачено дрожью,
 95 Недуг приковал оковами к ложу,
 Я заперт в темницу собственной плоти,
 Руки-плети — путы для тела,
 Тело — узы для ног бессильных!
 Тяжел удар, бичеванье жестоко,
 100 Бич, что свалил меня,— в острых колючках,
 Плеть, что хлещет,— в шипах жестоких,
 День напролет меня гонит гонитель,
 И глубокой ночью не дает передышки!
 Не повернуться — разошлись сухожилья,
 105 Отделились все члены и брошены рядом!
 В своих испражнениях, как бык, я валяюсь,
 Словно баран, лежу в нечистотах!
 А ведь мой недуг изучал заклипатель,
 Жреца-прорицателя смутил оракул,
 110 Ни один целитель не понял болезни,
 Срока страданий не назвал ясновидец!
 Не вел меня за руку бог, мой заступник.
 Не была благосклонна ко мне богиня!
 Знать, могила близка, готов мне савап,
 115 Я не умер еще, а уже оплакан!
 Вся страна восклицает: «Погиб он, горе!»
 Враг мой слышит — светлеет ликом,
 Ненавистница слышит — ликует сердцем!
 Угасает день для всех моих близких,
 120 Для друзей моих закатилось их солнце!

«УСНУЛИ КНЯЗЬЯ...»

МОЛИТВА К НОЧНЫМ БОГАМ

1. 2 Уснули князья, простерты мужи, день
завершен;

3, 4 Шумлявые люди утихли, раскрытые
замкнуты двери,

5 Боги мира, богини мира,

6 Шамаш, Син, Адад и Иштар,—

7 Ушли они почивать в небесах;

8 И не судят больше суда, не решают больше
раздоров,

9, 10 Созидается почь, дворец опустел, затихли
чертоги,

11 Город улегся, Нергал кричит,
И просящий суда исполняется сном;

12 **Защитник правых, отец бездомных,**

13 **Шамаш вошел в свой спальный покой.**

14 Великие боги ночные,

15, 16 Пламенный Гибиль, могучий Эрра,

17, 18 Лук и Ярмо, Крестовина, Дракон,

19, 20 Колесница, Коза, Овен и Змея,—

21 Ныне восходят.

22, 23 В учрежденном гаданье, в приносимом
ягненко

24 **Правду мне объявите!**

Двадцать четыре строки: посвящение ночи.

«ВЫШЛА ОНА НА ПРОСТОР...»

ИЗ КНИГИ ЗАКЛИНАНИЙ

I

1 Вышла она на простор, припала к супругу,
Вышла Иштар на простор, припала к супругу:

Горе, витязь Владычицы чар,
Горе, жених мой, супруг мой,
5 Горе, дитя Нингиззиды!

Горе, строитель сетей,
Горе, жалостный дружка невестин,
Горе, праведник, лик опустивший!

Горе, оплаканный мой,
10 Горе, чадо Небесного Змея,
Горе, брат Гештинанны родимый!

Пастырь, царевич Таммуз, жених Иштар,
Государь преисподней, владыка могилы!

Не испил тамариск в вертограде воды,
15 Не дала его купа на воле цвета;

У пруда не наплакалась ива,
С корнем вырвана ива!

Не испил цветок в вертограде воды,
[.]

(Остальное разбито.)

1 Схвачены там овца и ягненок,
 Скручены там коза и козленок;
 И овца и ягненок осилены,
 И коза и козленок осилены;
 5 И овца и ягненок заколоты,
 И коза и козленок заколоты.
 «Ухожу я, жених, безвозвратным путем...»

Горе, витязь Владычицы чар,
 Горе, жених мой, супруг мой,
 10 Горе, дитя Нингигишзиды!

Горе, строитель сетей,
 Горе, жалостный дружка невестин,
 Горе, праведник, лик опустивший!

Горе, оплаканный мой!
 15 Горе, чадо Небесного Змея,
 Горе, брат Гештинанны родимый!

Он идет, он уходит в земную грудь,
 Наклоняется он к земле мертвецов,
 Полный жалобы, в скорбь повергнутый,

20 В среди года нечислимом месяце,
 Путем, человеков смиряющим,
 Ради плача по господу,
 В землю дальнюю, князь, в песусветную.

Доколе, доколе задержан плод,
 25 Доколе, доколе связана зелень?

Доколе закон запрещен,
 Доколе в погибели пастырь,
 Заповедана доля земная?

Он покинул зеленую кущу,
30 Он покинул, жених, зеленую кущу.
Горе, витязь Владычицы чар,
Горе, жених мой, супруг мой,
Горе, дитя Нингяшэиды!

Горе, строитель сетей,
35 Горе, жалостный дружка невестин,
Горе, праведник, лик опустивший!

Горе, оплаканный мой,
Горе, чадо Небесного Змея,
Горе, брат Гештинанны родимый!

40 Малый, в тонущем челне лежит он,
Зрелый, в колосе никнет, лежит он,
В непогоде, в буре лежит он.

(Далее разрушенный текст.)

«ШАМАШ, КОГДА ТЫ ВОСХОДИШЬ...»

ЗАКЛИНАНИЕ СОЛНЦА

1 Шáмаш, когда ты восходишь над
Великой Горой,
Когда ты восходишь над горою
Смерти, над Великой Горой,
Когда ты выходишь из Дуль-куга, Дома судьбы,
Когда ты восходишь над фундаментом неба,
5 Там, где небо с землею слиты в одно,—
Великие боги спешат услышать твой суд,
Авуннаки бегут услышать твои повеленья,
Люди, сколько их есть на земле, все тебя
ожидают,
Всякий скот на земле с четырьмя ногами

- 10 Навстречу твоим лучам открывает глаза.
Шамаш, мудрый и сильный, сам с собой ты
в совете,
Шамаш, мощный воитель, суд небес и земли!
Все, чем полнится сердце, пусть он тебе
скажет,—
- Жизнь всех людей возвратится к тебе.
- 15 Жизнь того, о владыка, кто захвачен врагами,
От кого удалились правда и прямота,
Кто выносит немилость, кто живет в унижение
На кого нападают,— а ему невдомек,
На кого нападают, так что он и не видит,
- 20 Кто охвачен заразой, кто охвачен тоской,
На кого злые духи поднимают свой голос,
К кому злые демоны проникают в постель,
Кого призраки злые в ночи одолели,
Кому злые черти сокрушают главу,
- 25 У кого злые боги измучили тело,
У кого бес недобрый дыбом поднял власы,
И кого лабáсу ударяет рукой,
На кого нападает демон всяческой скверны,
Кого оком наметил полупочный Лилу́.
- 30 Чью могучую грудь сжимает Лилит,
На котором отмечен отверженный знак,
Тот, кто очарован враждебным проклятьем,
Тот, кого обозначили злые уста,
На кого клеветает язык злоречивый,
- 35 На кого поднял недруг недобрый глаз,
Кто проклятой слюной не к добру зачарован,
Кого волшебник словами связал,—
Шамаш! Его жизнь лежит пред тобою,—
Все народы ведешь ты, как единый язык.
- 40 Я сюда прихожу глашатаем Эйи,—
Рáди жизни больного послал он меня.
То, что Эйя сказал мне, я тебе повторяю:
Моему государю, сыну своего бога,—
Рассуди его суд, прикажи повеленья,

- 45 От болезни и скорби исцели его тело,
Воду света и силы пролей на него,
И его изваянье окропи ты водою,
И омой его тело дождевою водой.
Злобный дух, злобный демон, злоумышленный
призрак,
50 Злобный черт, злобный бог, злоумышленный
бес,
Ламашту, лабасу, приносящие злое,
Лилу и Лилит, помрачившие день,
И тоска, и зараза, и болезни, и скорби —
С моего государя, сына своего бога,
55 Как вода да стекут, от него да уйдут.
Шамаш, чье повеленье нерушимо вовеки,
В этот день да отпустит, да простит его грех;
Злоречивые козни от него да отступят,
Царский бог да прославит твою вышнюю мощь.
60 Этот царь исцеленный да поет твою славу,—
Я, твой раб, заклинатель, прославляю тебя!

«СКОРБЬ, КАК ВОДЫ РЕЧНЫЕ...»

ИЗ ЗАКЛИНАНИЙ

Скорбь, как воды речные, устремляется долу,
Как трава полевая, вырастает тоска,
Посреди океана, на широком просторе,
Скорбь, подобно одежде, покрывает живых;
Прогоняет китов в глубину океана,
В ней пылает огонь, поражающий рыб;
В небесах ее сеть высоко распростерта,
Птиц небесных она угоняет, как вихрь,
Ухватила газелей за рога и за уши
И козлов на горах взяла за руно,
У быков на равнине пригнула выи,
Четвероногих Шаккана убила в степи;

Над больным человеком в его собственном доме
Протянула она неуклонную сеть.
Мардук увидел его, и Эйе, отцу, в его
дом вошел он и молвит:
«Отче, скорбь, как воды речные, устремляется
долу,

Как трава полевая, вырастает тоска,
Посреди океана, на широком просторе,
Скорбь, подобно одежде, покрывает живых;
Прогоняет китов в глубину океана,
В ней пылает огонь, поражающий рыб;
В небесах ее сеть высоко распростерта,
Птиц небесных она угоняет, как вихрь,
Ухватила газелей за рога и за уши
И козлов на горах взяла за руно,
У быков на равнине пригнула выи,
Четвероногих Шаккана убила в степи;
Над больным человеком в его собственном доме
Протянула она неуклонную сеть».

Эйа ответил Мардуку-сыну:

«Сын мой, чего ты не знаешь, чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь, чему я тебя научу!
Все, что я знаю, знаешь и ты.
Сын мой, Мардук, ступай к больному,
Его образ рукою нарисуй на земле;
Государь заболевший на свой образ да встанет,
К господину Шамашу да прострет свою длань.
Прочитай заклинанье, священное слово,
Над его головою воду пролей,
На него покропи ты залятой водою,
Свою руку прости, свою руку прости:
Пусть проклятая скорбь, как вода, расточится,—
Как исчез его образ, пусть исчезнет с земли.
Царь сей пусть будет чист, пусть, как десть,
просияет,
В руку бога благого передай ты его».

**«ТЕБЕ — МОЛЬБЫ МОИ, ВЛАДЫК ВЛАДЫЧИЦА,
БОГИНЬ БОГИНЯ!..»**

ЗАКЛИНАНИЕ-МОЛИТВА К ИШТАР

- 1 Тебе — мольбы мои, владык владычица,
богинь богиня!
Иштар, ты царишь полновластно, ты заступница
людская!
Ирнини, владычица обрядов, ты величайшая
меж Игигов!
Ты могучая, ты державная, имя твое — падо всеми!
5 Ты земли и неба светоч, ты дочь отважная Сина!
Ты — вручающая оружие, ты — созывающая
на битву!
Пожинаешь все сущее, словно колосья,
тебя венчали тварюю власти!
Госпожа! Твое сиянье затмевает все иные!
Ты — воплей звезда! Ты — раздор среди братьев
дружных!
- 10 Ты — предавшая друга
Подруга, владычица распри, ты ровняешь горы!
Облаченная битвой, Гушеа, ты опутана страхом!
Ты в судебных делах безупречна, ты скрижали
земли и неба!
Тебе внимают шатры и храмы, дворцы и кумирни!
15 Где имени нет твоего, где закона нет твоего?
Где начертаний твоих не начертано, где молелен
тебе не воздвигнуто?
Где не величали тебя? Где не возносили тебя?
Ану, Элليلь и Эйя тебя возвысили, над богами
господство твое утвердили!
Над всеми Игигами тебя возвеличили, хоромы твои
внесли надо всеми!
- 20 От звука имени твоего содрогаются земля и небо!
Боги трепещут, дрожат Апуннаки!

Имя твое внушает ужас, его хранят племена
 и народы!
 Ибо только ты велика, ибо только ты высока!
 Несметные толпы черноголовых твое могущество
 восхваляют!
 25 Своих подданных ты судишь по справедливости
 и правде!
 Ты призреваешь убогих и сирых, каждый день ты
 их разгибаешь спины!
 Так смилуйся надо мною, госпожа земли и неба,
 ты, пастырь людей бесчисленных!
 Смилуйся надо мною, ты, владычица Эаны,
 житницы священной, светлой!
 Смилуйся надо мною, Иштар, да не устанут
 твои ноги, да стремятся вперед твои колени!
 30 Смилуйся надо мною, ты, хозяйка битвы и распри!
 Львица сияющая Игигов, ты, склоняющая богов
 гневных!
 Ты могучее всех владык, ты господства вожжи
 держишь!
 Всех непорочных юных дев ты воздымаешь
 покрывала!
 Вознесена ли или забыта, велика твоя власть,
 могучая Иштар!
 35 Ты пламенник светлый земли и неба, ты сияние
 всех селений!
 Гневна, несравненна на поле брани, радостным
 кличем встречаешь битву!
 Ты пламя, вспыхнувшее над врагом, взошедшее
 гибелью над супостатом!
 О будоражащая Иштар! О ты, собирающая
 собранья!
 Богиня мужей, владычица женщин, та,
 чьи решенья никто не позпаст!
 40 Под взглядом твоим оживает мертвый, встает
 болящий,
 Горбун исцеляется, твой лик узревший!

Я кличу тебя, изнуренный, усталый, измученный
 раб твой!
 Узи меня, госпожа моя, прими молитвы!
 45 Смилуйся! Прикажи — печень твоя да смягчится!
 Смилуйся над слабым телом моим, полным тревог
 и печали!
 Смилуйся над скорбным сердцем моим, полным
 слез и рыданий!
 Смилуйся над оракулом смутным моим,
 тревожным, печальным!
 Смилуйся над домом смятенным моим,
 угнетенным стенаньем!
 50 Смилуйся над печенью скорбной моею,
 полной слез и рыданий!
 Ирнини, неистовый лев, успокой свое сердце!
 Бушующий яростно бык, смягчи свою печень!
 Обрати же ко мне зеницы свои благие!
 Истинно глянь своим ликом пресветлым!
 55 Сними злые чары с моего тела, свет твой
 сияющий да увижу!
 Доколе, владычица, клеветать на меня злоречивым?
 Во лжи и неправде задумывать оговоры?
 Доколе гонитель, хулителъ мой будет глумиться?
 Доколь, госпожа, будет гнать меня шут
 слабоумный?
 60 Обогнал меня нищий последний, а я так тебя славил!
 Я ослабел, а ничтожные стали сильны!
 Я мечусь, как волна, гошима злобным ветром!
 Мое сердце трепещет и хлопает крыльями,
 как небесная птица!
 Я воплю, словно горлица, дневно и ночью!
 65 Я весь пылаю, я плачу горько!
 В охах и вздохах скорбит моя печень!
 Бог мой заступник, богиня заступница, в чем мои
 прегрешенья?
 Наравне с нечестивцем, богов не чтящих,
 меня ниспровергли!

- Навели лихорадку, недуг головы, разоренья,
утраты!
- 70 Присудили мне нужду, отвращение лика,
наполнение скорбью!
Гнев и ярость, богов и людей свирепость!
Темные дни я узрел, госпожа, месяцы мрака,
гибели годы!
- Узрел я, владычица, суд мятежа и восстанья!
Смерть и беда стерегут меня ныне!
- 75 Опустели молельни, замерли храмы!
Над домом, воротами, нивой повисло молчание!
Отвратил от меня взоры мой бог, обратил их
к другому!
- Рассеян мой род и развеян мой кров!
На тебя, госпожа, уповаю, к тебе обращаю
слух мой!
- 80 Тебя молю — распутай путы!
Сними с меня прегрешенья и узы!
Отпусти вину, прими молитвы!
Сними вериги, дай свободу!
Выпрями путь мой, и вместе с людьми светло
и бодро на стогны выйду!
- 85 Прикажи — и по твоему слову злой бог станет
добрым!
- Богиня, что гневалась, ко мне вернется!
Темный, чадающий очаг озарится!
Погасший факел мой вспыхнет!
Рассеянный род мой да будет собран!
- 90 Загон умпожен, ограда обширна!
Склонись к моему челобитью, услышь мою
просьбу!
- Ласково взгляни, прими молитвы!
Доколе же будешь гнева, госпожа, а лик
отвращен твой?
Доколе, владычица, будешь сердиться, ярить
свою печень?

Милость Ламáссу, что за тобою, да будет
 со мною!
 Да прибавится мне богатства, что хранишь
 ты справа,
 Добро, что держишь ты слева, да получу от
 тебя я!
 Прикажи лишь — и меня услышат!
 15 И что сказал я, так, как сказал я, пусть
 и свершится!
 В здоровье плоти и веселье сердца веди
 меня ежедневно!
 Продли мои дни, прибавь мне жизни!
 Да буду жив я, да буду здоров я, твою
 божественность да восславлю!
 Да достигну я моих желаний!
 18a Тебе да возрадуются небеса, с тобою да
 возликует Бездна!
 Благословенна будь богами вселенной!
 Великие боги сердце твое да успокоят!

Молитва поднятия рук перед Иштар.

Установить перед ликом Иштар курильницу с благо-
 вонным кипарисом, излить жертвенное пиво и трижды
 совершить поднятие рук.

«МОГУЧИЙ, ПРЕСВЕТЛЫЙ, МУЖ ЭРЕДУ...»

ЗАКЛИНАНИЕ-МОЛИТВА К МАРДУКУ

1 Могучий, пресветлый, муж Эреду,
 Верховный владыка, первородный сын Нудиммуда,
 Мардук, ярый онагр Ээнгуры!
 Господин Эсагила, мощь Вавилона, покровитель
 Эзиды,

- 5 Хранитель душ, Эмахтилы избранник,
созидатель жизней,
Сень страны, защитник рода людского!
Дракон всех капищ,
Благодатно имя твое в устах человеческих!
Мардук, великий владыка!
- 10 Всевышней волей твоей да буду жив я,
да буду здоров я,
Твою божественность да увижу,
Желаний моих достигну!
В уста мои вложи мне правду,
В сердце мое — слова благие!
- 15 Да будут милостивы ко мне знатные мира!
Мой бог да пребудет со мною справа,
Богиня моя да пребудет слева,
Бог-хранитель мой да пребывает со мною вечно!
Одари наставленьем, вниманьем и лаской!
- 20 И что сказал я, так, как сказал я, пусть
и свершится!
Мардук, всемогущий владыка, прибавь мне жизни!
Душе моей дай жизни!
Долгой дай жизни — тебе молиться!
Тебе да возрадуется Эллиль, с тобою да возликует
Эйя!
- 25 Благословен будь богами вселенной!
Великие боги сердце твое да успокоят!
-

Молитва поднятия рук перед Мардуком.

«МУДРЫЙ МУЖ, ПОСТОЙ,
Я ХОЧУ СКАЗАТЬ ТЕБЕ...»
«ВАВИЛОНСКАЯ ТЕСДИЦЕЯ»

I. [Страдалец]

- 1 Мудрый муж, стой, я хочу сказать тебе,
[.], я хочу поведать тебе,
[.] тебе.
Слуга твой страждущий — постоянно хочу
прославлять тебя.
Где мудрец, что был бы подобен тебе?
Где ученый, что сравнился б с тобою?
Где ж советчик? Хочу рассказать свое горе.
Конченный я человек: постигло меня страданье.
Младшим я был в семье,— а родитель судьбою
похищен;
10 *Мать, что меня родила, обратилась к Стране*
без Возврата,—
Отец и родительница моя оставили меня без
защиты.

II. [Друг]

- Друг мой почтенный, что сказал ты — печально.*
Милый мой, помыслы ты на зло направил,
Ум твой высокий рассудку глупца уподобил,
Облик твой светлый мрачным сделал.
Да, оставляют нас наши отцы, уходят дорогой
смерти —
«Реку Хубур переходят», как говорилось издревле.
Ты всех людей многочисленных видел:
[.] первенец слабый,— не [. . .] одарил его.
20 *Лоснится богач — кто его осчастливил?*
Служащий богу в делах удачлив,
Чтущий богиню копит богатства.

III. [Страдалец]

Друг мой, сердце твое — поток, *чей источник*
не иссякает,
Воды обширного моря, что убыли не ведают.
Тебя хочу расспросить: узнай *мое дело*,
Взор обрати на мгновенье, выслушай речи.
Сковано тело, нужда *меня мучит*,
Успех мой миновал, прошла удача,
Сила ослабла, кончилась прибыль,
30 Тоска и беда затмили мой облик.
Хлеба с полей для еды не хватает,
Сикеры, живящей людей, недостает для питья мне.
Наступят ли *вновь* дни счастья? — узнать хочу я.

IV. [Друг]

Уста мои сдержанны [. . . .]
Рассудок твой стройный, как безумец, ты спутал,
Рассеянным и неразумным сделал ты *поведенье*.
Взор твой прекрасный *взгляду* слепого ты уподобил.
Что неотступно желаешь, — *получишь*:
Прежняя сень по молитве *вернется*,
40 Примиренная богиня возвратится по *просьбе*;
Те, кто тебя не прощали, сжалятся над тобою.
Разумения справедливости ищи постоянно.
Могучий *защитник* да положит милость,
Гнев его да смягчится, прощение он да подарит!

V. [Страдалец]

Склоняюсь, мой друг, пред тобою: мудрость твою
принимаю.
Слушаю слово твоей речи.
[.].

Дикий осел, онагр, что *травой* набивает *утробу*,
Внимал ли толкователю божественных истин?
50 Лев свирепый, что добрую плоть пожирает,
Жертву принес ли, чтоб успокоить гнев богини?
[. . . .] богач, что имущество приумножает,
Драгоценного золота отвесил Мами?
Задержал ли я приношенья? — Богу молился,
Посвящал я жертвы богине, но не *услышано* мое
слово.

VI. [Друг]

Пальма, роскоши древо, мой брат драгоценный,
Исполнен всей мудрости, *золотой* самородок:
Ты ведь стоишь на земле, а замыслы бога далече.
Взгляни на красавца-онагра в долине,—
60 Строптивца, что пивы топтал,— стрела опрокинет.
На льва посмотри, губителя стад, о котором
ты вспомнил,—
За преступленья, что лев совершил, ему уготована
яма.
Богача, что имущество *в кучи* сгребает,
Царь на костре сожжет до срока.
Путями, что эти идут, пойти и ты желаешь? —
Лучше ищи благосклонности бога!

VII. [Страдалец]

Разум твой — северный ветер, дуновение,
приятное людям.
Избранный друг мой, совет твой прекрасен,
Одно только слово тебе я добавлю:
70 Идут дорогой успеха те, кто не ищет бога,
Ослабли и захирели молившиеся богине.
Сызмальства следовал я воле божьей,
Простершись, с молитвой искал богиню,
Но я влек ярмо бесприбыльной службы,—

Бог положил вместо роскоши бедность;
Дурак впереди меня, урод меня выше,—
Плуты вознеслись, а я унижен.

VIII. [Друг]

Поистине, умница мой, тому, что открыл ты,
нет подтвержденья!
Истину ты отъергаешь, предначертанья бога
поносишь!

80 Не соблюдать обряды богов ты возжелал
в твоём сердце.

Обряды богини истинные ты презираешь.
Точно середина небес, мысли богов далеко;
Слово из уст богини не разумеют люди.
Верно понять *решенья богов* заказано *человекам*,
Замыслы их для людей *недоступны*.
[.]

(Далее недостает 48 стихов.)

XIII. [Страдалец]

Брошу дом [.]
Имущества по восхожу [.]
Жертвы богу презрю, божьи мефы парую.
Бычка зарежу, что назначен был богине в пищу.
Тропой пойду, вдаль заберусь я,
Запруды открою, пущу наводнепье.
Точно вор, по широкой степи скитаться стану;
140 Буду из дома в дом ходить, утоляя голод;
Буду голодным бродить, буду по улицам рыскать.
Точно убогий, внутрь войду [.]
Далеко благо [.]
[.]

(От строк XIV, XV и XVI сохранились лишь отдельные
фрагменты стихов.)

XVII. [Страдалец]

[.]

180 Все [...] обратились люди:

В жалкое рубище одет царевич —

В роскошный наряд облачен сын бедняка

и голодранца.

Кто солод стерег — золотом владеет,

Кто мерой червонное мерил — тяжкую ношу таскает.

Кто ел одну зелень — пожирает обед вельможи,

А сыну почтенного и богатого — дикий плод

пропитанье!

Рухнул богач, далеко [.]

[.]

(От строф XVIII, XIX сохранились лишь отдельные слова.)

XX. [Друг]

[.]

Мыслям искусным твоим ты заблудиться позволил.

[.] изгнал ты мудрость,

Разумное ты презрел, установленное унизил.

Кто ритуалы свершает — от тяжких трудов избавлен.

[.] сделался важным,

[.] имя ему ученый:

Голову держит высоко, имеет то, что желает.

Следуй стезею бога, храни его обряды.

220 *[.] и на добро поставлен.*

(От строфы XXI сохранились отдельные слова: «плута...», «мошенников всех...», «добро себе собирают».)

XXII. [Друг]

[.]

Завидовал ты процветанию плута? —

Прыть его ног исчезнет скоро!

Без бога мошенник владеет богатством? —

Оружье убийцы его настигнет!

Что твой успех, если воли божьей не щещь?
240 У влачащего божье ярмо достаток скромный,
но верный.

Найди благое дыха^нье бога —
И что за́ год утратил — восстановишь тотчас.

XXIII. [Страдалец]

Вгляделся я в мир — в нем дела — по-другому:
Демону бог не закрыл дороги:
Отец по каналам волочит лодку,
А сын его взрослый разлегся в постели.
Старший брат бежит, как пес, по дороге —
Младший ликует — *своего* погоняет мула.
По улице рыщет бродягой наследник,—
250 Второй сын дает бедняку пропитанье.
Что получил я от бога, которому поклонялся?
Пред тем, кто ниже меня, я склоняюсь,
Презирают меня и последний, и богатый, и гордый.

XXIV. [Друг]

Искусный, ученый, знания обретший,
Озлоблено сердце твое,— *потому* и поносишь бога,
Как середина небес, сердце бога далеко,
Познать его трудно, не поймут его люди.
Творение рук Аруру, все *существа* живые,—
Отпрыск их первый у всех *неладен*:
260 Первый теленок мал у коровы,
Приплод ее поздний — вдвое больше;
Первый ребенок дурачком рождается;
Второму прозвание — Сильный, Смелый,—
Видят, да не поймут божью премудрость люди!

XXV. [Страдалец]

Внемли мне, друг мой, пойми мои мысли,
Сохрани наилучшее слово из речи:

Превозносят важного, а он изведаль убийство,
Унижают малого, что зла не делал.
Утверждают дурного, кому *правда* — мерзость,
270 Гонят праведного, что чтит волю бога.
Золотом наполняют ларец злодея,
У жалкого пропитанье из закрома выгребают.
Укрепляют сильного, что с грехом дружен,
Губят слабого, немощного топчут.
И меня, ничтожного, богач настигает.

XXVI. [Друг]

Царь богов Нарру, челоуеков создавший,
Зулуммар великий, добывший их глину,
Царьца, лепявшая их, владычица Мами,
Кривую речь челоуечеству дали;
280 Наделили его навсегда неправедностью и ложью.
Доброе дерзко говорят о богатом:
Царь-де, на его стороне богатство;
Малому челоуеку вредят, точно вору,
Творят ему мерзость, убить замышляют,
Обманом зло принять заставляють, ибо нет у него
защиты.
Ужасно ведут к концу, гасят его, как угли.

XXVII. [Страдалец]

Добр ты, друг мой,— увидь мое горе.
Приди мне на помощь, страданья пойми же!
Был я послушен, учен, богомолен,
290 Но поддержки и подмоги ни на мгновение не видел.
Городскую площадь прохожу незаметно;
Тиха моя речь, мой голос негромок.
Головы не поднимаю, в землю смотрю я;
Точно раб, не молюсь я в собрании равных.
Боги, что бросили меня, да подадут мне помощь!
Богиня, что отвернулась, да возымеет милость!
Пастырь, солнце людей, как бог, пасет [челоуеков].

ИЗ ЗАКЛИНАНИЙ «УТЕШЕНИЕ СЕРДЦА БОЖИЯ»

ЗАКЛИНАНИЕ

- 1 Эйа, Шамаш и Мардук, в чем мои прегрешенья? —
Мерзость меня обступила, зло меня окружило.
Отец меня зачал, мать уродила;
Они постарались — и, как змея [...]
- 5 Из мрака я вышел,— тебя, Солнце, увидел.
Ветер недобрый обломал мои ветви,
Сильная буря верхушку сломила.
У меня, как у птицы, подрезаны крылья,—
Растерял мои перья, летать неспособен.
- 10 Отнял удар мои руки,
Пало бессилье на мои колени.
Ночью и днем, словно голубь, стенаю,
Весь я горю и сетую горько;
Слезы в глазах моих набухли.
- 15 Шамаш, с тобою покой нисходит;
Отца и матери грех ты отдали, отпусти мне.
Прочь, проклятье! Гони его, Эйа, царь Апсу,
И Асаллухи, владыка заклятый.
Грех мой да будет далек, на тысячу верст да
отдалится;
- 20 Река да примет его от меня, да утянет в свои
глубины.
- Эйа, Шамаш и Мардук, мне помогите,
С вами да буду чист, пред вами да буду оправдан.
-

ЗАКЛИНАНИЕ

Боже, не знал я,— крепка твоя кара:
Клятвой важной легко поклялся,

- 25 Закон твой презрел, зашел далеко,
Дело твое в беде нарушил,
Границы твои преступил далеко,
Не знал я *тебя*, был дерзок слишком.
Грехи мои многи,— как сделал — не знаю.
- 30 Боже, уйм^л, отпусти, успокой зло в сердце,
Забудь проступки, прими молитвы,
Обрати грехи мои в доброе *дело*.
Крепка рука твоя, кару я видел:
Кто бога-богиню своих не чтит — пусть на меня
посмотрит.
- 35 Смилуйся, боже! Смягчись, богиня!
К мольбам-молитвам обратите лики,
Ярость сердец ваших пусть утихнет,
Да успокоится ваша печень. Милость мне окажите,
Чтоб, не забывая, славу вашу я возвещал всем
людям.
-

ЗАКЛИНАНИЕ

- 40 Мой бог, господин мой, меня сотворивший,
Хранящий мне жизнь, дающий потомство,
Яростный боже, утешь твое сердце.
Гневная богиня, примиришь со мною.
-

- Кто знает, мой боже, твое жилище?
- 45 Чистое место, твою обитель никогда я не видел.
Постоянно печален я,— где ты, мой боже?
Поверни свою выю, что отвратил от меня с досадой;
Обрати твой лик к чистой пище богов,
превосходнейшему елею;
Губы твои да вкусят его, и прикажи, чтоб я был
счастлив;
- 50 Жить прикажи мне чистыми твоими устами,

В сторону зло гони, и с тобой да спасен я буду!
Жить присуди мне на долю,
Продли мои дни, жизнь даруй мне.

Это заклинание для утешения гнева божьего.

(Опущено одно заклинание, семнадцать строф.)

ЗАКЛИНАНИЕ

- Я-то, мой боже, что я сделал? Боже мой, господи,
что я сделал?
- Госпожа, богиня моя, что я сделал?
- Боже, родитель мой, что я сделал?
- Богиня, родительница моя, что я сделал?
- 75 [. . . .], что я сделал?
- Купец [. . . .], что я сделал?
- [. . .] весы держащий, [что я сделал?]
- О тот, в чьем доме я раб рожденный, что я сделал?
- О тот, чей раб я, что я сделал?
- 80 Не пожалел для него быка из стойла,
Не пожалел для него овцы из загонá,
Не пожалел для него добра, что имею.
Хлеб найду — один не съедаю,
Воду найду — один не выпью.
- 85 Как того, кто найдепный хлеб один съедает, куда
меня гонишь?
- Как того, кто, воду найдя, один ее пьет, куда меня
гонишь?
- Как того, кто тяжкою клятвой легко поклялся, куда
меня гонишь?
- Боже, отнял жену ты, отнял сына.
Боже, полную скорби прими молитву.
- 90 Точно воды речные, куда я иду,— не знаю,

Точно барка, пристани, где причалю,— не знаю.

Пал я — подними меня, оступился — подай мне руку!

Боже, пал я — подними меня, оступился —

подай мне руку!

В водах спокойных ты — весло мне,

95 В водах глубоких ты — правило.

Не предавай меня часу злему,

Ненастному часу меня не выдай!

Хлеб найду — со слезами съедаю,

Воду найду — со слезами выпью.

100 Как бредущий болотом, в грязи извалялся.

Ты — смотрящий, всмотришь в меня хорошенько:

Как тростниковую заводь, несчастьями ты меня

наполнил. Голову мне подними же!

Ты — смотрящий, всмотришь в меня хорошенько:

• Человек, на которого ты посмотришь,— человек

этот жить будет.

105 Ты — смотрящий, всмотришь в меня хорошенько:

От взгляда глаз твоих человек жить будет.

Ты — смотрящий, всмотришь в меня хорошенько!

Сердце бога ради меня на место свое да вернется!

ИЗ ЗАКЛИНАНИЙ «ДА ОТПУСТИТ»

1' Грех мой, как дым, да поднимется в небо.

Грех мой, как воды, да оставит тело.

Грех мой, как плывущая туча, над полем чужим

да прольется.

Грех мой, как пламя, да погаснет.

5' Грех мой, как летучий огонь, да исчезнет.

Грех мой, как лук, да будет ободран.

Грех мой, как финик, да будет очищен.

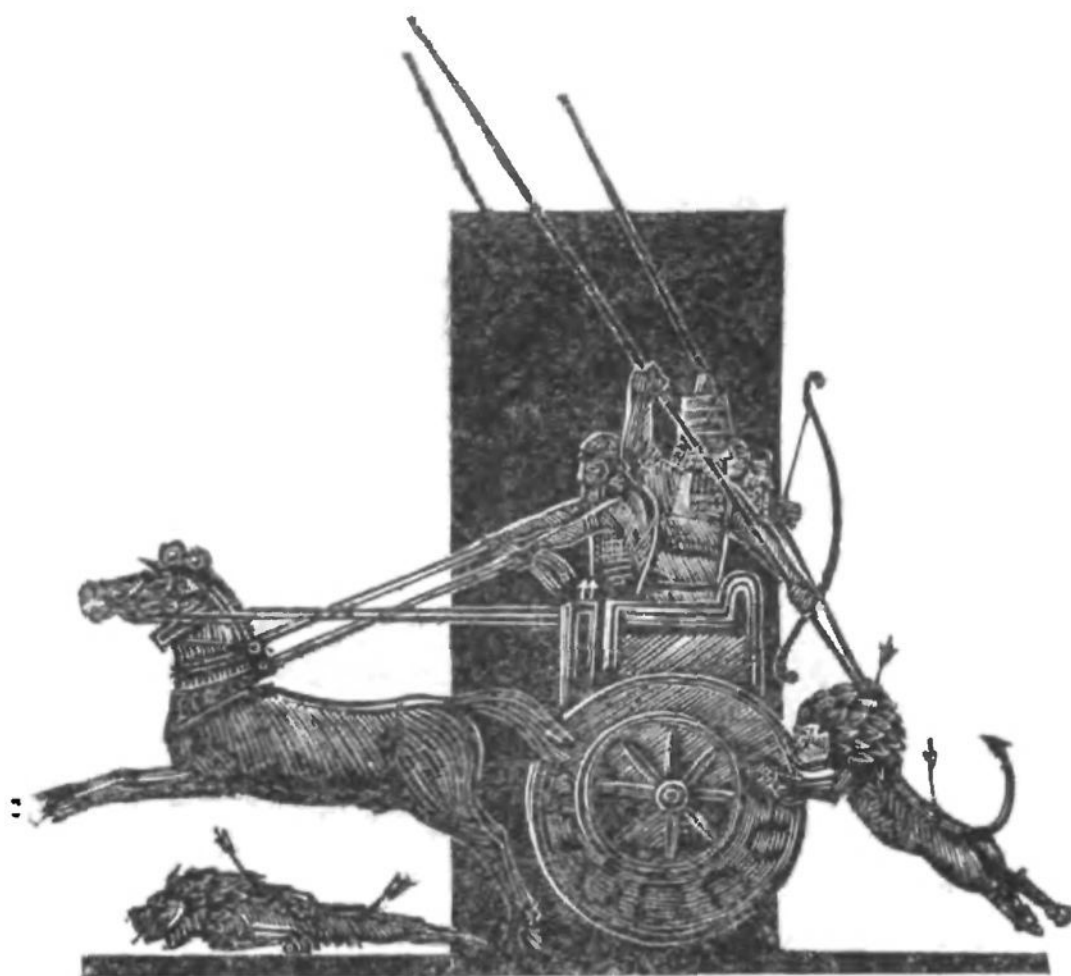
Грех мой, как циновка, да будет распушен.

Грех мой, как битый горшок гончара, на место

свое да не вернется.

- 10' Грех мой, как черепок, да будет раздавлен.
Грех мой, как серебро-золото, с гор принесенные,
на место свое да не вернется.
Грех мой, как привозное железо, на место свое
да не вернется.
Грех мой, как сладкие воды речные, на место свое
да не вернется.
Грех мой, как вырванный тамариск, на место свое
да не вернется.
- 15' Грех мой, как льющий ливень, на место свое .
да не вернется.
- Грех мой птица да поднимет в небо, грех мой рыба
да утянет в пучину.

ДЕЯНИЯ ЦАРЕЙ

IV, 5 Царь Хаммурапи, воитель могучий,
 Побивающий супостагов, на противников —
 наводнение,
 Повергающее вражескую землю,
 11 Гасящий супротивных, подавляющий
 мятежных,
 18 Открывающий лоно гор недоступных,
 [.],
 Царь Хаммурапи, хорошо тебя славить!

«Я — ШАРРУКЕН, ЦАРЬ МОГУЧИЙ...»

СКАЗАНИЕ О САРГОНЕ

1 Я — Шаррукен, царь могучий, царь Аккада,
 Мать моя — жрица, отца я не ведал,
 Брат моего отца в горах обитает,
 Град мой — Адуширану, что лежит на берегу
 Евфрата.
 5 Понесла меня мать моя, жрица, родила меня
 втайне.
 Положила в тростниковый ящик, вход мой
 закрыла смолою,
 Бросила в реку, что меня не затопила.
 Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
 Акки, водонос, багром меня поднял,
 10 Акки, водонос, воспитал меня, как сына.
 Акки, водонос, меня садовником сделал.
 Когда садовником был я,— Иштар меня
 полюбила,
 И пятьдесят четыре года на царстве был я.
 Людью черноголовыми я владел и правил,
 15 Могучие горы топорами медными сровнял я,
 Я поднимался на высокие горы,

- Преодолевал я низкие горы,
 Страпу морскую трижды осаждал я.
 Дильмун *победил я* [.]
 20 В Дуранки великий *я вошел и поселился,*
 [.] изменил [.]
Кто из царей, что поднимутся после,
После меня на царстве будет,
 Людьми черноголовыми да владеет и правит,
 25 Могучие горы топорами *медными да сровняет,*
 Да поднимется на высокие горы,
 Страну морскую трижды да осадит,
 Дильмун *победит* [.]
 30 В Дуранки великий да войдет, да [.]
 [.] из моего города Аккада
 [.] [.]

«АДАДНЕРАРИ, СВЕТЛЫЙ ГОСУДАРЬ...»

ИЗ НАДПИСИ АДАДНЕРАРИ I

Ададнёрари, светлый государь, наместник богов, основатель городов, истребитель мощных племен касситов, кутиев, лулумеев и шубарейцев, побивший всех врагов вверху и внизу, поправший страны их от Лубду и Ранику до Элухата, державший всех людей, расширивший границы и пределы, царь, к ногам коего Ану, Ашшур, Шамаш, Адад и Иштар склонили всех правителей и государей, славный первосвященник Эллиля, сын Арикденйлу, наместника Эллиля, ишшакку бога Ашшура, покорившего страну Турукки и Нигимхи до пределов ее, всех правителей гор и холмов обширных пределов кутиев, покорившего страну Кудмухи и всех ее союзников, полчища ахламеев, сутиев, яуриев и их страны, расширившего границы и пределы, внук Эллильнёрари, ишшакку Ашшура же, когорый побил войско касситов и рука которого победила всех ненавистников его, расширившего

границы и пределы, потомок Ашшурубаллита, царя сильного, чье первосвященство славно в грозном Экуре и чье благополучие царствования было утверждено до дальних мест, подобно горе, покорившего страну Муцру, рассеявшего всех многочисленных шубарейцев, расширившего границы и пределы.

«...В НАЧАЛЕ МОЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ...»

ИЗ АННАЛОВ ЦАРЯ АШШУРНАЦИРАПАЛА II

(1.43) [...] В начале моего царствования, в первый год моего правления, когда Шамаш, судия, простер свою добрую сень надо мной и я величественно воссел на престол, а он вручил мне скипетр, пасущий человеков,— я собрал мои колесницы и войска, прошел трудными путями, крутыми горами, не устроенными для прохода колесниц и войск, и пошел на страну Тумме. Либбэ, их укрепленный город, сёла Сурра, Абуку, Арура и Арубэ, лежащие между могучими горами Урини, Аруни и Этини, я покорил, устроил им большое побоище, их полон, их имущество, их крупный рогатый скот я полонил. Люди уклонились и заняли крутую гору. Гора была очень крута, вслед за ними я не пошел. Гора была расположена, как лезвие паточенного железного кинжала, и даже летающие птицы небесные не достигают дотуда; а их убежище было устроено как гнездо коршуна посреди гор, внутрь которых не заходил никто из царей, моих предков. В течение трех дней витязь лез по горам, его смелое сердце задумало сражение. Он поднялся пеший, гору одолел, разбил их гнездо, рассеял их полчище, двести воинов сразил оружием, тяжкий полон их полонил, словно стадо овец; кровью их окрасил гору, как алую шерсть. Остаток их пожрали ущелья и обрывы гор. Их сёла я разрушил, снес, сжег в огне.

[.]

1.58 [...] Поселения страны Хабхи, расположенные

между могучими горами Усу, Аруа и Арарди, я покорил, устроил им большое побоище, их полон, их имущество полонил. Люди уклонились и заняли вершину — башню напротив Ништуна, свешивающуюся с небес, подобно облаку. Туда, куда из царей, моих предков, никто не заходил, мои воины налетели на них, как птицы. Двести шестьдесят бойцов их я сразил оружием, головы им отрубил, сложил башней. Остальные из них, как птицы, основали гнезда на крыльях гор; их полон, их имущество я свел с гор, сёла, лежавшие среди могучих лесов, я разрушил, снес, сжег в огне. Все люди, которые бежали перед моим оружием, спустились и обняли мои ноги. Подать и дань, а также повинности я назначил им. Бубу, сына Бубы, начальника поселения Ништун, я ободрал в городе Арбеле, кожей его одел городскую стену. В это время я сделал статую моего образа и записал на ней славу моего мужества, поставил ее на горе Эку, в «городе Ашшурнацирапала у источника».

[.]

(1.101) [...] Когда я находился в Ниневии, мне доставили весть: ассирийцы и Хулай, их начальник поселения, которых поселил в крепости Лухе Шульмануашаред, царь Ассирии, правитель, бывший до меня, восстали и пошли захватить Дамдамусу, мой царский город. По велению Ашшура, Иштар и Адада, богов, моих помощников, я собрал мои колесницы и войска; у истока реки Субнаг, там, где стоят изображения Тиглатпаласара и Тукульти-Нинурты, царей Ассирии, моих отцов, я изготовил изображение моей царственности и поставил вместе с ними. В это же время я принял дань страны Ицалла: крупный и мелкий рогатый скот и вино. Я перевалил через горы Кашияри и подошел к Кинабу, укрепленному городу Хулая. Множеством моих войск и моей яростной битвой город я осадил и покорил, шестьсот бойцов сразил оружием, три тысячи их полоня я сжег в огне, не оставив ни одного из них в заложники. Хулая, их начальника поселения, я захватил в руки живым. Их тела

я сложил башнями, их юношей и девушек сжег на кострах. Хулая, их начальника поселения, я ободрал, кожей его одел стену города Дамдамусы. Поселение Марину в окрестностях его я покорил, пятьдесят их воинов сразил оружием, двести их полоня сжег в огне. Триста тридцать два человека страны Нирбу в степной схватке я убил, их полон, их крупный и мелкий рогатый скот увел. Жители Нирбу... держались вместе. Они вошли в свой укрепленный город Тэла. Я выступил из Кинабу, подошел к Тэле. Город был очень крепок, обнесен тремя стенами; люди полагались на свои крепкие стены и на свои многочисленные войска и не спустились ко мне, не обняли мои ноги. После схватки и боя город я осадил и покорил, три тысячи их воинов я сразил оружием, полонил их полон, их имущество, крупный и мелкий рогатый скот. Их многочисленный полон я сжег в огне. Многих людей живыми я захватил в руки — одним я отрубил кисти или пальцы, другим отрубил носы, уши и пальцы [?] их, многим людям ослепил глаза. Я сложил одну башню из живых людей, другую из голов и привязал к столбам их головы вокруг их города. Их юношей и девушек я сжег в огне, город разрушил, снес, сжег в огне и пожрал его. В это время крепкие стены поселения Нирбу я разрушил, снес, сжег в огне [...]

«АШШУРУ, ОТЦУ БОГОВ, ВЛАДЫКЕ ВЕЛИКОМУ...»

ВОИНСКАЯ РЕЛЯЦИЯ САРГОНА II

(в сокращении)

(1) Ашшуру, отцу богов, владыке великому, моему владыке, живущему в Эхурсаггалькуркурре, своем великом храме,— большой, большой привет!

Богам судеб и богиням, живущим в Эхурсаггалькуркурре, их великом храме,— большой, большой привет!

Богам судеб и богиням, живущим в городе Ашшуре,
их великом храме,— большой, большой привет!

Граду и людям его — привет! Дворцу и живущим
в нем — привет!

Шаррукйн, светлый первосвященник, раб, чтущий
твою великую божественность, и войско его — весьма,
весьма благополучны.

(6) В месяце ду'узу, устанавливающем советы пле-
мен, месяце могучего старшего сына Эллия, мощней-
шего из богов, Нинурты, предписанном на древней таб-
лице владыкой мудрости Нинигикугом для собирания
войск и устройства стана, я отправился из Калху, моего
царского города, и переправился грозно через Верхний
Заб в его месте сильного течения. В третий день о взнуз-
дании уст гордеца и связании ног супостата в страхе
божьем склонился я пред Эллилем и Ийнлиль, а затем
войскам Шамаша и Мардука я дал перепрыгнуть, как
через арык, через Нижний Заб, чья трудна переправа.
Я вступил в перевалы Куллара, высокой горы страны
лулумейской, называемой Замуа, в области Сумбу устроил
я смотр своему войску, коней и колесниц число я про-
верил; с великой помощью Ашшура, Шамаша, Набу
и Мардука в третий раз походный строй я направил
в глубь гор, на Зикэрту и Андию я простер ярмо колес-
ниц Нергала и Адада, значков, грядущих передо мной.
Я прошел между Никиппой и Упой, горами высокими,
поросшими всякими деревьями, чья поверхность мятежна,
перевалы опасны, простирающими тень над окрестно-
стями, подобно кедровому лесу, так что тот, кто идет их
путями, не видит сияния солнца; а речку Буйя, что
между ними, переходил я двадцать шесть раз, и войска

мои, по своей многочисленности, полой воды не страшись. Симиrrha, большой горный пик, что вздымается, словно острие копья, возвышаясь главой над горами, жилищем Владычицы богов, главой вверху упирается в небо, а корнями внизу достигает глубин преисподней и со склона на склон, как рыбий хребет, не имеет прохода,— по бокам его извиваются пропасти и горные ущелья, и при взгляде очам посылает он ужас,— для подъема колесниц и скачки коней неудобен, и для прохода пехоты пути его трудны. В откровении мудрости и по замыслу сердца, определенными мне Эйей и Владычицей богов, развязавшими ноги мои на повержение вражеской страны, я заставил саперов моих поднять могучие медные кирки — *края* высокой горы они сровняли, как плиты, и улучшили дорогу. Я встал во главе моего войска,— колесницы, конников, боевых людей, идущих со мной, я заставил взлететь на ее *пик*, как храбрых орлов; вслед за ними послал я обозпиков и саперов, а *верблюды* и вьючные ослы прыгали по его вершинам, как козуроги, порождение гор. Обширные войска бога Апшура я поднял благополучно по трудным его подъемам, и на вершине этой горы я разбил мой лагерь. Семь гор — Синахульзи, Бируатти,— *высокие* горы, поросшие karšu и sumlalû, приятными благовониями,— Туртани, Синабир, Ахшуру и Суйа — с трудами я перевалил, Раппу и Аратту, реки, низвергающиеся с них,— в половодье их я перешел, как ров. [.]

(91) Я отправился из Аукане и прибыл в Уишдиш, маннейскую область, отнятую Урсой. Предо мной Урсá урартский, не блюдуший слова Агшшура и Мардука, не чтущий клятвы владыкой владык, горец, семя убийства, что не знает порядка, чьи уста бормочут злобные и негодные речи, что не блюл почтенного слова Шамаша, великого судии богов, и ежегодно, беспрестанно преступал его предначертания,— посло прежних своих грехов он свершил великое безрассудство на разгром стране

своей и истребление своим людям: на Уауше, большой горе, чья глава воздвигнута посреди небес, паравне с облаками, где от века не проходила ни одна живая душа, чьих путей не видывал путник, да и крылатые птицы небес не летали над нею, не выводили птенцов, не *вили* гнезда, на высокой горе, что торчит, словно острие кинжала, и где *зияют* пропасти и глубокие горные ущелья; в большие жары и сильные морозы гора эта — гибель, утром и вечером *на ней* сияние, день и ночь на ней копится снег, во весь рост покрыта она льдом; у того, кто переходит ее предел,— тело его поражают порывы бури, а от *холода* горит его плоть — здесь он собрал свое многочисленное войско и своих союзников и для отмщения за *Метатти-зикертца* устроил боевые силы, бойцов своих, опытных в битве, *свое войско* [...] их [...] построил, посадил их на верховых быстроходных коней и вручил оружие. Метатти-зпкертц, что издавна ему пособлял и на помощь ему *созывал* всех окрестных горных царей и сам получал подмогу, положился на многочисленность войска и на помощь и склонил их отложиться. Его слава победы в бою [...] *возомнил себя* равным моей силе. Сердце его пожелало со мною сразиться в открытом бою, поражение войск Эллиля и Мардука он задумал бесповоротно. В ущелье этой горы он построил войско; о сближении и умпожении босвых сил меня известил гонец.

(112) Я, Шаррукин, царь четырех частей света, пастырь Ассирии, хранитель обрядов Эллиля и Мардука, внимательный к решениям Шамаша, семя Ашшура, града мудрости и разума, чтущий слово великих богов со страхом и не престающий их предначертаний, верный царь, рекущий добро, для которого мерзость, злодеяние и ложь, из чьих уст не исходят слова притеснения, мудрец среди государей вселепной, созданный в разуме и совете и держащий в руке почитание богов и богинь к Ашшуру, царю всех богов, владыке стран, породившему все, царю всех великих богов, озаряющему страны света, владыке города Ашшура, препогущему, что в ярости сво-

его великого гнева унизил всех государей вселенной и *уравнял их рост*, к почтенному герою, из чьей сети не убегут злодеи, у не чтущего кого исторгается корень,— который того, кто не чтит его слово, полагаясь на собственную силу, забывает величие его божественности, похваляется гордо, в стычке распри *карает* гневно, разбивает его оружие, обращает в ветер собранные силы, а тому, кто блюдет справедливость богов, кто полагается на добрый суд Шамаша, кто божественность Ашшура — Эллиля богов — почитает, не презирает малых,— тому дает идти с собой рядом, попать победно своих врагов и супостатов,— ради того, что я еще не проходил ни пределов Урсы урартского, ни его обширной страны, не проливал в степи крови его воинов, чтоб нанести ему поражение в битве, чтобы дерзость уст его обратить на него же и заставить нести его собственный грех,— воздел я руки.

(125) Ашшур, владыка мой, внял словам моим справедливым, был к ним добр, повернулся к моей правдивой мольбе, благосклонно принял мое моление, послал мне на помощь свое гневное оружие, при появлении коего *бегут* непокорные от восхода солнца до заката солнца, и я не дал страждущим войскам бога Ашшура, ходившим дальним путем, уставшим и утомившимся, без счета перешедшим *высокие* горы, трудные при спуске и при подъеме, изменившимся в лице, успокоить их усталость, и не поил их водой, утоляющей жажду, не разбивал я стана, не укреплял я лагерных стен,— не послал я бойцов своих, не сбирал я полка моего, те, что были справа и слева, не успели вернуться ко мне, не ожидал я тех, кто позади, не страшился множества войск его, презирал его коней, многочисленность его панцирных воинов не удостоил я взгляда — с единственной личной моей колесницей и с конями, идущими рядом со мной, не покидающими меня во враждебных и чуждых местах, отрядом, *сотней* Синаху́цура, как яростное копьё по нему я ударил, нанес ему поражение, отвратил

его наступление, устроил ему большое побоище, и трупы воинов его я раскидал, как полову, наполнил горные провалы; по пропастям и ущельям кровь их я заставил течь, как реки; степи, равнины, высоты окрасил, как алую шерсть. Бойцов его, надежду его войска, лучников и копьеносцев у ног его, как ягнят, я зарезал, головы им отрубил; его лучшим людям, советникам и приближенным, в схватке я поломал оружие, их забрал вместе с конями; 260 человек семени его царского рода, его доверенных лиц, его областеначальников, его конников захватил я в свои руки и рассеял боевые ряды; а его запер я в толпе его стана, упряжных коней его остриями стрел под ним побил; для спасения жизни своей он оставил колесницу и верхом на кобыле бежал впереди своего войска. Метáтти зикертский с окрестными царями — я поверг их воипство, их полк рассеял; войскам Урáрту, злого врага, и его союзникам я нанес поражение, на горе Уáуш обратил их в бегство; их конями я наполнил горные пропасти и ущелья, а сами они, как муравьи в беде, отправились трудными путями. В ярости моего оружия вслед за ними и я поднялся, подъемы и спуски покрыл телами бойцов. На шесть бэру расстояния от Уауша до Зимура, яшмовой горы, гнал я его острием стрелы; прочих людей его, что бежали для спасения жизни, я оставил славить победу Ашшура, моего владыки; Адад, мощный сын Ану, храбрый, поверг на них свой великий гром, тучами ливня и градом небесным покончил с остатком. Урса, их правитель, преступивший предначертания Шамаша и Мардука, не почтивший присяги Ашшура, царя богов, убоился грома моего сильного оружия, и, как у птицы ущелий, что спасается от орла, содрогнулось его сердце; как проливший кровь, он покинул Турушпу, свой царский город, и, как бегущий от охотника, он достиг краев своих гор; как роженица, бросился он на ложе, отверг от уст своих хлеб и воду, неизлечимый педуг на себя навел он. Победу Ашшура, моего владыки, на вечные времена установил я над Урарту, страх перед

ним, без забвения, на будущее я оставил; в грозном бою я сделал горькой для Урарту силу мощи моей превеликой и натиска моего великого оружия; людей Андии и Зикерту я покрыл смертной пеной. Стопы злого врага отвратил я от Страны Маннеев, сердце Уллусуну, их владыки, я ублаготворил и для страждущих людей его дал сиять свету.

(156) Я — Шаррукин, охраняющий правду, не преступающий предначертаний Ашшура и Шамаша, смиренный, непрестанно чтущий Набú и Мардука — с их верного согласия и достиг желанья сердца и над гордым врагом моим я встал победоносно; над всеми и каждым горами я пролил оцепененье, вопли и рыданья судил я вражеским людям. С радостным сердцем, ликуя, с певцами, арфами и кимвалами вошел я в мой стан, Нергалу, Ададу и Иштар, владычице битвы, богам, населяющим небо и землю, и богам, населяющим Ассирию, принес я гордые чистые жергвы; повергаясь ниц и молясь, я стоял перед ними, их божественность славил.

На Андию и Зикерту, куда лицо мое было обращено, прекратил я поход свой, на Урарту обратил лицо я. Уишдиш, область Страны Маннеев, которую отнял и взял себе Урсá,— ее многие поселенья, что, как звезды небесные, не имели числа, покорил я, их укрепленные стены вместе с насыпью их основания я разбил, как горшки, и сровнял с землею, многочисленные их амбары без числа я открыл и ячменем без счета накормил мое войско [.]
[.]

(309) При моем возвращении Урзана муцацирский, негодяй и злодей, преступивший клятву богам, не покорившийся владычеству, горец злой, согрешивший против присяги Ашшура, Шамаша, Набú и Мардука, возмутился против меня, прекратил возвратное продвижение моего похода тем, что с тяжелым своим приношением не поцеловал моих ног. Он задержал свою дань и подать и ни разу не послал своего гонца, чтобы спросить о моем бла-

гополучии. В гневе сердца моего я дал всем моим колесницам, многочисленным коням, всему моему стану направить путь на Ассирию, сам же в великом уповании на Ашшура, отца богов, владыку стран, царя всех небес и земли, породившего *всё*, владыку владык, кому издревле Эллил богов Мардук подарил богов горы и равнины четырех частей света, чтобы заставить их чтить его, и никто чтобы не уклонился, и чтобы были они с их накопленными сокровищами введены в Эхурсаггалькур-курру; высоким велением Набú и Мардука, что паправили ход свой в расположении звезд, предвещающий подъятие моего оружия, и следуя благоприятным знамениям, предвещающим поднятие мощи, коим Магур, тигроносец, предвещая поражения Гúтиума, утомил звездочетов; с драгоценного согласия Шамаша, воина, приказавшего написать в печени моей жертвы падежные предзнаменования о том, что он пойдет на моей стороне, с одной лишь единственной личной моей колесницей и 1000 моих пылких копчиков, лучников, *пращников* и копьеносцев — моими храбрыми воинами, сведущими в битвах, — я построил *войска*, и, паправив путь в Муцадир дорогою трудной, я заставил войско мое подняться на Арсиу, могучую гору, подъем на которую, как на иглу, невозможен. Я перешел Верхний Заб, который люди Наири и Хабхи называют Эламуния; между Шейаком, Ардикши, Улайу и Аллуриу, высокими горами, громадными холмами, недоступными иглами гор, отвергающими счет, — между ними нет тропинки для прохода пехоты, водопады могучие там низвергаются, и шум их падепья гремит на берегу, словно Адад, поросли они всякими желанными плодовыми деревьями и лозами, как тростником, — где не проходил еще ни один царь и чьих троп не видывал государь, живший до меня, — их большие стволы повалил я, и воистину я стесал недоступные иглы их топорами из бронзы; узкий путь, проход, проулок, где пехота шла бочком, я улучшил между ними для продвиженья моего войска. Мою колесницу на затылки людей

я поставил, сам же верхом на коне встал во главе моего войска, а воинов моих с конями, шедшими со мною, я заставил растянуться поодиночке и с нуждою пройти. Чтобы он не уклонился, послал я приказ моим доверенным людям, областеначальникам с их полками, написал им поспешно. [.] увидел движение моего похода [.] только царь Урарту в Муцацир, его царское жилище, жилище Халдии, его бога [.] царство Урарту до всех пределов его, более коего на небесах и земле не ведают [.] так как древле скипетр и тиара не были носимы, подобающие пастырству [.] люди [.] укрепили [.] государь, пастырь людей Урарту [.] приносят ему, и того из его сыновей, кто приемлет его престол, с золотом, серебром и всем драгоценным, с сокровищем дворца его в Муцацир пред Халдию его вводят, и он дарит свои дары — толстых быков, жирных баранов без счета пред ним приносят в жертву, для всего его города устраивают пир, перед Халдией, его богом, его венчают тиарой владычества, дают ему носить скипетр царства Урарту, а люди его возглашают его имя. Над этим городом великому грому моего войска дал я греметь, как Адад; жители [.] его люди, старики и старухи поднялись на крыши домов своих, горько плачут [.] ради спасения своих душ на четвереньках ползали, руки свои простирали [.].

(346) Так как Урзана, царь, их советчик, не постыдился имени Ашшура, сбросил ярмо моего владычества, забыл свою службу мне, я задумал забрать в полон людей этого города и повелел увести Халдию, надежду Урарту. Против ворот его города я воссел победоносно и полонил его жену, его сыновей, его дочерей, его людей, семя рода его; я причислил их к 6110 людям, 12 мулам, 380 ослам, 525 быкам, 1235 баранам и ввел их за стену моего лагеря. В Муцацир, обиталище Халдии, вошел я победоносно, как повелитель, поселился я во дворце, жилище Урзаны. С кладовых его полных, изобиловавших скоплен-

ными сокровищами, велел я спять их хранительные печати и...

(Далее слѣдует подробный перечень добычи; он кончается так:)

1 большая медная цистерна, берущая по 80 мер воды, с большим медным ковшом к ней, которую цари Урарту при жертвоприношении перед Халдией наполняли жертвенным вином,

4 медные статуи великих привратников, охраны его дверей, четыре подставки которых вместе с сиденьями — литая медь,

1 статуя в позе молитвы, царское изображение Сардури, сына Ишпуэни, царя Урарту, — сиденье его — литая бронза,

1 бык, 1 корова со своим теленком, которых отлил Сардури, сын Ишпуэни, пустив в *переплавку* медь храма Халдии,

1 изображение Аргишти, царя Урарту, увенчанного *звездной* тiarой божественности, благословляющего правой рукой, с футляром к нему весом 60 талантов меди,

1 изображение Урсы с его двумя ездовыми лошадьми и колесничим, с их сиденьями, — литая медь, — на котором можно прочесть его собственную похвальбу: «С моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской властью Урарту».

(405) Вместе с прочим многочисленным богатством его без счета — я похитил, кроме вещей золотых, серебряных, свинцовых, бронзовых, железных, слоновой кости, черного дерева [?], самшитовых и всех всевозможных родов дерева, которые похитили без числа войска Ашшура и Мардука из города, дворца и божьего храма. Имуществом дворца Урзаны и Халдии и многим богатством его, которые я похитил из Муцацира, я нагрузил мои многочисленные войска во всем обилии их и заставил тащить в Ассирию. Людей области Муцацира я причислил к людям Ассирии, повинность воинскую и строительную я наложил на них, как на ассирийцев. Услышав,

Урса поник на землю, разодрал свои одежды, опустил свои руки, сорвал свою головную повязку, распустил свои волосы, *прижал* обе руки к сердцу, повалился на брюхо; его сердце остановилось, его печень горела, в устах его были горестные вопли; во всем Урарту до пределов его я распространил рыдания, плач на вечные времена я устроил в Наири.

(415) С высокими силами Ашшура, моего владыки, с победою мощи Бела и Набу, богов, моих помощников, с благосклонным согласием Шамаша, великого судии богов, открывавшего стези, простиравшего сень над моим войском, с величием Нергала, мощнейшего из богов, шедшего со мною, хранившего мой стан, из области Сумбу между Никиппой и Упой, горами трудными, я вступил в Урарту, по Урарту, Зикерту, Стране Маннеев, Наири и Муцациру я прошел повелителем, как оскаленный пес, одетый ужасом, и не видел я того, кто б меня усмирил. У Урсы урартского и Метатти зикеритского войско поверг я в полевом сражении, 430 поселений семи областей Урсы урартского все покорил я и страну его опустошил. У Урзаны муцацирского Халдию, его бога, и Багбарту, его богиню, вместе со многим имуществом дворца его, с 6110 людьми, 12 мулами, 380 ослами, 525 быками, 1285 баранами, женой его, сыновьями его, дочерьми его, я похитил; через перевалы Андарутты, горы трудной, против *села* Хиппарны я вышел благополучно, вернулся в мою страну.

(426) Один колесничий, 2 конника, 3 сапера были убиты. Я послал доставить *донесение* к Ашшуру, моему владыке, Табшар-Ашшура, великого советника.

(428) Таблица Набушаллимшуну, великого царского писца, главного мудреца, везира Шаррукина, царя Ассирии, первенца Хармакку, царского ассирийского писца. Принесено в эпонимат Иштардури, наместника города Аррапхи.

«Я — СИНАХХЕРИБ, ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ...»

ИЗ АННАЛОВ СИНАХХЕРИБА

(I.1) [Я] — Синаххериб, великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии, царь четырех стран света, премудрый пастырь, послушный великим богам, хранитель истины, любящий справедливость, творящий добро, приходящий на помощь убогому, обращающийся ко благу, совершенный герой, могучий самец, первый из всех правителей, узда, смиряющая строптивых, испепеляющий молнией супостатов. Бог Ашшур, Великая гора, даровал мне несравненное царствование, и над всеми сидящими на престолах возвеличивает он мое оружие. От Верхнего Моря, где закат солнца, до Нижнего Моря, где восход солнца, всех черноголовых склонил я к моим стопам, и враждебные правители устрашились боя со мной, поселения свои они покинули и, подобно пещерным летучим мышам, одиноко улетели в места неведомые. [.]

(II.34) В третьем моем походе я двинулся на страну Хатти. Лули, царя Сидона, испровергли грозные сияния моего величия, в даль посреди моря он убежал и сгинул навеки.

Сидон большой, Сидон малый, города Бит-Зитти, Царипту, Махаллиба, Ушу, Акзибу, Акку, города его могучие, укрепления в местах пастбищ и водопоев, оплоты его, испроверг блеск оружия бога Ашшура, моего владыки, и они склонились к стопам моим. Туба'ала на троне царском я посадил и дань, подать владычеству моему, наложил на него.

Что касается Минхиму, самсимурунайца, Туба'ала, сидонца, Абидилити, арадийца, Урумилки, библитянина, Метинти, ашдодца, Пудуэля, аммонитянина, Каммусунадбу, моавитянина, Айяраму, идумея, царей Амурру, то все они подношения свои, дары знатные пред меня принесли и облобызали стопы мои.

А Цидку, царя Аскалона, что не склонился под ярмо

мое, богов дома отца его, его самого, его жену, сыновей, дочерей, братьев, родичей я забрал и переселил в Ассирию. Шаррулудари, сына Рукибту, прежнего их царя, я поставил над народом Аскалона и принесение дани, союзнического дара моему величию, наложил на него, и он влачил ярмо мое.

Во время моего похода города Бит-Даганна, Яппу, Банайябарка, Азузу — города Цидки, что к ногам моим тотчас не склонились, я осадил, взял, захватил добро их.

А у наместников, князей и людей города Экрона, которые Пади, их царя, принесшего союзническую присягу стране Ашшур, бросили в железные оковы и выдали его Хизкии, иудею, поступив враждебно и грешно, устрашились сердца их. Царей Египта, лучников, колесничих, конников царя Эфиопии — силы бесчисленные — призвали они против меня, и те пошли им на помощь. В окрестностях города Альтаку предо мной ряды их были выстроены, и они точили свое оружие. Могуществом Ашшура, моего владыки, я сразился с ними и нанес им поражение. Колесничих и воинов царя египетского и колесничих царя эфиопского живьем в разгаре сражения захватили руки мои. Города Альтаку и Тамну я осадил, взял, захватил их добро.

(III. 1) Я подступил к Экрону, правителей и князей, которые согрешили, я убил и трупы их повесил на кольях вокруг города. Сыновей города, совершивших грех и преступление, причислил к полону. Остатки их, не несущие на себе греха и преступления, тех, кто не повинен, я велел пощадить. Пади, их царя, из Иерусалима я вывел, и на трон владычества над ними посадил, и дань моего владычества наложил на него. А Хизкию-иудея, который не склонился под мое ярмо — 45 городов его больших, крепости и малые поселения их окрестностей, которым нет счета, придвижением насыпей и приближением таранов, атакой пехоты и штурмовых лестниц я осадил, взял 200 150 человек, от мала до велика, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблю-

дов, крупный и мелкий скот без числа из них я вывел и причислил к полону. Самого же его, как птицу в клетке, в Иерусалиме, его царском городе, я запер. Укрепления против него я воздвиг, выход из ворот его города сделал ему запретным. Города его, которые я захватил, отделил от его страны и Метинти, царю Асдода, Пади, царю Экрона, и Цилли-Белу, царю Газы, отдал и уменьшил его страну. К уплате прежней дани ежегодную подать их, союзнический дар моему владычеству, я прибавил и наложил на них. Он же, Хизкия, ужасные блески моего владычества ниспровергли его и вспомогательные *отряды*, которые для укрепления Иерусалима, его царского города, он собрал, и они захотели мира. Вместе с 30 талантами золота, 800 талантами отборного серебра, сурьмой, большими украшениями из камня, ложами из слоновой кости, тронами из слоновой кости, слоновыми кожами, слоновой костью, эбеновым деревом, самшитом — всем, что есть, знатным богатством, также и дочерей его, наложниц его дворца, певцов и певиц в Ниневию, мою столицу, за мной он прислал и для уплаты дани и исполнения службы направил своего гонца.

[.]

(V.5) В восьмом моем походе, после того как Шузубу взбунтовался, вавилоняне, злобные демоны, ворота города заперли, решилось сердце их на свершение битвы. Шузубу-халдей, ничтожный человечиска, лишенный мужской силы, раб, глядящий в лицо наместнику Лахиру, арамей пропащий и беглый, кровопийца, грабитель — к нему-то они собирались, в болота спустились, устроили бунт. Я окружил его со всех сторон и душу его стеснил. Перед лицом страха и голода он убежал в Элам. Поскольку договор и преступление на нем были, из Элама он поспешил и прибыл в Вавилон. Вавилоняне, на беду его, на трон его водворили, вручили ему власть над Шумером и Аккадом. Они открыли сокровищницу Эсагилы, золото и серебро бога Бела и богини Царпанит, добро их храмов они вынесли и Умманменану, царю

Элама, не имеющему ни ума, ни благоразумия, принесли подношение. «Собери свое войско, созови свой лагерь, поспеши в Вавилон, встань рядом с нами, надежда наша — поистине ты!» Он же, эламит, не вспомнил в сердце своем о том, что в прежнем моем походе на Элам я взял и обратил в руины его города. Подношение он принял, собрал свое войско, свой лагерь, колесницы, повозки собрал, коней и мулов запряг в упряжь. (*Перечисление многих стран и народов.*) Союз великий заключили они с ним, во множестве своем в Аккад они двинулись, к Вавилону пришли, соединились с Шузубухалдеем, царем Вавилона, и объединили свои войска. Как стая многочисленной саранчи в начале года, все разом для сражения поднялись они на меня. Пыль от ног их, словно грозовая туча в зимние холода, закрывает обширные небеса. Предо мной в городе Халулé, что на берегу Тигра, выстроили они ряды, преградили мне водопой и наточили свое оружие. Я же взмолился Ашшуру, Сину, Шамашу, Белу, Набу, Нергалу, Иштар Ниневийской, Иштар Арбельской — богам, помощникам моим, — об одолении врагов могучих, и молитву мою тотчас они услышали и пришли ко мне на помощь.

Как лев, я взъярился, облачился в доспехи, шлем, украшение битвы, возложил я на главу свою, на мою боевую колесницу высокую, ниспровергающую супостата, в ярости сердца своего я взшел поспешно. Могучий лук, врученный мне Ашшуром, в руки мои я схватил, дротик, пресекающий жизни, во длани мои я взял, над всем войском злобного недруга, словно ураган, грозно я закричал, словно Адад, я взревел. По повелению Ашшура, владыки великого, владыки моего, на флаг и фронт, словно порыв стремительного южного урагана, на врага я обрушился оружием Ашшура, владыки моего, и яростным натиском я повернул их вспять и обратил в бегство. Вражеское войско стрелами и дротиками я приуменьшил и все тела их пронзал, словно решето. Хумбанунташа — вельможу царя Элама, многоопытного воина, предводи-

теля войска его, великую его опору, вместе с *прочими* начальниками, у которых на поясах — золотые кинжалы и великолепные золотые обручи охватывают запястья их,— как связанных жирных волов, мгновенно я пронзил, учинил им разгром. Словно жертвенным баранам, перерезал я им горло, дорогие *им* жизни их я обрезал, как нить. Я заставил их кровь течь по обширной земле, словно воды половодья в сезон дождей. Горячие кони упряжки колесницы моей в кровь их погружались, как в реку. Колеса моей боевой колесницы, ниспровергающей скверного и злого, разбрызгивали кровь и нечистоты. Трусами бойцов их, словно травой, наполнил я землю. Я отрезал им бороды и тем обесчестил, я отрубил их руки, словно зрелые плоды огурцов, я забрал кольца, великолепные изделия из золота и серебра, что *были* на руках их. Острыми мечами я разрубил их пояса, поясные кинжалы из золота и серебра, что *были* на них, я забрал. Остальных начальников его, вместе с Набушумишкуном, сыном Мардукаплаиддины, которые утратились моего натиска и подняли руки, живьем посреди схватки захватили руки мои. Колесницы вместе с лошадьми их, у которых в ходе моего мощного натиска были убиты возничие, и те, которые были брошены, все ездили сами по себе.

[.]

(VI.13) Я повернул и, пока два двойных часа ночи не прошли, избиение их не останавливал. Он же, Умман-менану, царь Элама, вместе с царем Вавилона, предводителями племени Страны халдеев, шедшими с ним рядом,— страх перед натиском моим напал на них, как наводящий ужас демон. Шатры свои они покинули и, ради спасения своих жизней, топтали трупы своих воинов. Как у пойманного птенца голубя, трепетали сердца их. Они испустили горячую мочу, в колесницах своих оставили свой кал. Для преследования их я направил за ними свои колесницы и конницу. Беглецов их, которые ради жизни ушли, там, где настигали, сражали оружием.

ПИСЬМО АСАРХАДДОНА БОГУ АШШУРУ
[Реляция о походе 673 г. до н. э. на Шубрию]
(в сокращении)

(Краткое содержание предшествующего текста:)

- [1. О положении в Шубрии.]
- [2. Первое письмо Асархаддона царю Шубрии.]
- [3. Второе письмо Асархаддона царю Шубрии.]

[4. ОТВЕТ ЦАРЯ ШУБРИИ АСАРХАДДОНУ]

Он же, услышав послание моей царственности, сожигающей врагов, словно пламя,— *задор* его пал, сердце его сжалось, и содрогнулись его поги. Он сорвал свои царские одеяния, облачил свое тело вретischem, одеждой кающегося грешника; вид свой он сделал худым, уподобился рабу и соизчислил себя к своим слугам; степая, моля и повергаясь ниц, он сидел на стене своего города; горько рыдая: «Увы и ах!» — раскрыв ладони, он взмолился к моему владычеству, мужеству Ашшура, моего владыки, и славе моей доблести, повторяя: «Помилуй!»

Так он мне писал: «Царь, которому отвратительны неправда, грабеж, убийство и [. . . .], пастырь надежный, дарующий благополучие своему стапу, своим войсковым силам, чьему наступлению *никто не может противостоять*, опытный в битве, сече и сражении, победоносный во *всяких* делах, чье оружие укрепил Ашшур и возвеличил более, чем царям, его предкам!

Шубрия — страна, согрешившая против тебя,— до пределов ее пусть тебе подчинится; поставь над ними твоего приближенного, и пусть они влачат твое ярмо, ежегодную, непрестанную дань и подать наложи на них! Я — вор, но за грех, которым я согрешил, в пятьдесят раз восполню протори, за одного беглеца, уроженца Ассирии, я дам возмещение сотней! Оставь меня жить,

да хвалю я славу Ашшура, да превозношу твою доблесть! Кто небрежет Ашшуром, царем богов, кто не слушает Ашшурахиддины, царя вселенной, своего владыки, не возвращает беглецов Ассирии своему владыке — пусть я буду ему примером!

Вельможи, мои советники, говорили со мной лживо, неверно; согрешил я сильным грехом против Ашшура, не послушал слова царя, моего владыки, уроженцев Ассирии, твоих рабов, не вернул тебе, но добра себе этим не сделал! Клятвы великих богов, что я преступил, твое царственное слово, что я позабыл, меня настигли! Да успокоится твое гневное сердце, даруй мне помилование, освободи меня от вины!»

[5. ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АСАРХАДДОНА К ЦАРЮ ШУБРИИ]

Я же, Ашшурахиддина, царь сильный, чей приказ неизменен, чье государево слово не может быть презираемо, *кто* не обращается *вспять пред* обнаженным оружием и наступлением битвы, против *кого* никто из царей всех врагов никогда не возвращался, не бился вторично, и *не мог* устоять пред ним ни один из его соперников-правителей в месте сражения,— так я сказал ему:

«Слышал ли ты когда-либо, чтобы дважды повторялось слово царя сильного? А я, могущественнейший царь, трижды тебе писал, но ты не слушал слова уст моих. Так как ты не устранился моей собственной угрозы, в ответ на мое письмо не отбросил своей *гордости*, ты принудил меня к *бою* и *сраженью*, грозное оружие Ашшура ты извлек из ножен».

Я не слушал его *мольбы*, не принял его молитв, не воспринял его молений, не повернул к нему моего *отвернутого* лица и не успокоил для него мою грозную душу, мое гневное сердце не усмирил, не даровал ему милости, не сказал ему: «Помилование».

А Уппуму, его царский город, что расположен, как туча, на могучей горе [. . . .] — из земли, деревьев и камня с трудом и утомлением я велел утоптать против него насыпь, и подъем на его городскую стену я сделал ему в мерзость [. . . .].

(Следовавшее описание разорения окружавшей местности не сохранилось.)

Пока я ходил победоносно по этой области, — насыпь, которую я велел утоптать против Уппуму, его царского города, — в месяце кисилиму, в 21 день, день несчастный, день дурной, порожденье демопа, в тишине ночной эту насыпь они облили нефтью и бросили огонь. По велению Мардука, царя богов, повеял северный ветер, доброе дуновение владыки богов; языки охватывающего пламени он повернул на Уппуму и насыпь не сжег, а сжег его стену и обратил ее в головни. Мои [. . . .] воины для свершения боя и битвы перевалили осадную стену, [. . . .] яростно атаковали их и нанесли им поражение. Они [.] их [. . . .] и сложили черепа их башней, на колья тела их повесили и окружили ими их город.

[7. ПОСОЛЬСТВО СЫНОВЕЙ ЦАРЯ ШУБРИИ]

Когда я [. . . .] достиг моего желания и удовлетворил свое сердце, я взял с собой [. . . .] и против Уппуму устроил мой лагерь. Когда он увидел, что цела насыпь, которую я велел утоптать против него, то он, тот, кто сам себе посоветовал пагубный совет и загубил свою жизнь, по слову [. . . .] погубил и разорил свои селенья, а [. . . .] и рассеял свои собранные силы — велел сделать фигурку из глины и одел ее в ретищем, заковал ее в железные оковы, подобающие рабству, поместился у зерногерки своей кухни, чтобы делать мель-

ничную работу, сорвал тиару червонного золота со своей головы, подобие шкуры льва, и вручил фигурку и тиару Шерпи-Тешубу и Лиги-Тешубу, своим сыновьям, и они вышли ко мне ради дарования ему милости и сохранения его жизни.

Так они сказали мне: «За [. . .] сочти мое преступление, ложное слово возложи на грудь демона! Чтобы славить тебя [.] пусть я буду ходить одиноко. Пусть увидят меня и устрашатся все враги-гордецы, пусть покорятся непокорные, [.] не устрашающиеся пусть устрашатся твоего владычества!»

(Далее следует описание взятия и разгрома городов Шубрии, но текст очень плохо сохранился.)

[8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Донесение я велел такому-то доставить Ашшуру, моему владыке. Один колесничий, 2 всадника, 3 сапера были убиты.

Их поминовение: *(Оставлена пустая строка — для имен.)*

«ШАМАШ, ВЕЛИКИЙ ВЛАДЫКА...»

ЗАПРОС ЦАРЯ АСАРХАДДОНА К ОРАКУЛУ

Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ: с этого дня, с 3-го дня этого месяца айару, до 11-го дня месяца абу этого года, на сто дней и сто ночей — установленный срок свершения загаданного. В течение этого установленного срока — будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско мидян, будь то войско маннеев, будь то какой бы то ни было враг — задумывают ли они, замышляют ли они? Будь то осадой, будь то силой, будь

то боевыми действиями, битвой и сражением, будь то проломом, будь то подкопом, [. . .] будь то насыпью, будь то тараном, будь то голодом, будь то клятвой именем бога или богини, будь то доброй речью и мирным договором, будь то какой-либо хитростью для взятия городов — возьмут ли они город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владению — твоя великая божественность знает.

Взятие этого города Кишассу рукою какого бы то ни было врага с этого дня и до дня моего срока — приказанием, устами твоей великой божественности приказано ли, установлено ли? Увидит ли видящий, услышит ли слышащий?

Прости, если пропущен срок, прости, если сердце их с ним замыслило, и они обратились во врагов, прости, если кто свершил убийство и заграбил себе полевою добычу, прости, если приговор этого дня — добрый ли он или дурной — быть днем бурным, что польет дождем, прости, если печистый нечистоту в место гадания принес и сделал нечистым, прости, если ягненок твоей божественности, что взят для гадания, имеет недостаток или грех, прости, если прикасающийся ко лбу ягненка свою обрядовую одежду надел грязной, что-либо нечистое съел, выпил, им умастился, [. . .] прости, если в устах одного из гадателей, раба твоего, слово запуталось, будь то пропуском, будь то добавкой — я вопрошаю тебя, Шамаш, великий владыка:

что — с этого дня, 3-го дня этого месяца айару, до 11-го дня месяца абу этого года, будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско мидян, будь то войско маннеев, будь то какой бы то ни было враг — захватят ли они этот город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владениям?

(Следует описание признаков, обнаруженных в печени ягненка, по которой производилось гадание.)

«Я, АШШУРБАНАПАЛ, ТВОРЕНИЕ АШШУРА И БЕЛЕТ...»

ИЗ АННАЛОВ АШШУРБАНАПАЛА

[ВВЕДЕНИЕ]

Я, Ашшурбанапал, творение Ашшура и Белет,
царенаследник великий престольного Дома,
кого Ашшур и Сип, владыка твары, во дни далекие —
имя нареченное его для царствования они назвали,
5 в утробе матери его для пастырства над Ассирией
создали.

Шамаш, Адад и Иштар решением своим
непреложным

устроение царствования моего повелели.

Асархаддон, царь Ассирии, отец-родитель мой,
Ашшура и Белет, богов-помощников его, слова

почтил,

10 коими устроение царствования моего ему повелели,
и в месяц айару, в месяц бога Эйя, владыки

человечества,

в день двенадцатый, благоприятный, в праздник
богини Гулы,

во исполнение обета,

что Ашшур, Белет, Сип, Шамаш, Адад,

15 Бел, Набу, Иштар Ниневийская,

Шаррат Кидмури, Иштар Арбельская,

Нипурта, Нергал и Нуску повелели,

людей Ассирии от мала до велика собрал он,

от моря верхнего и нижнего,

20 для охраны престолонаследия, а затем и

царствования моего над Ассирией, во исполнение

клятвы — имя божие

произнести он заставил и укрепил договор.

В ликовании и радости в покои престольные

я вступил,

в место великолепное, средоточие царства,

- 25 где Синаххериб, отец отца моего, предок мой,
престолонаследником был, царствование исполнял
там,
где Асархаддон, отец-родитель мой, родился,
вырос и над Ассирией властвовал,
государями всеми правил, род свой расширил,
30 родных и близких собрал там;
и я, Ашшурбанапал, в покоях сих мудрость бога
Набу приобрел,
все искусство пэсцов, все ремесла,
все, что знания было — изучил,
из лука стрелять я научился, ездить верхом,
на колеснице, держать вожжи.
- 35 По повелению богов великих, коих имена я называл,
коим хвалу я произнес — тем, что устройство
царствования моего повелели,
и попечение о святилищах своих мне поручили,
за меня супостатам моим отплатили, врагов моих
истребили,
муж могучий, любимец Ашшура и Иштар,
40 поглоток царственности — я!
После того как Ашшур, Син, Шамаш, Адад, Бел,
Набу,
Иштар Ниневийская, Шаррат Кидмури,
Иштар Арбельская, Нинурта, Нергал, Нуску
милостиво на престол отца-родителя моего меня
посадили,
- 45 Адад дожди свои излил, Эйя источники свои
открыл,
до пяти локтей поднялось зерно в росте своем,
до пяти шестых локтя был колос длиною,
был урожай ровен — расцвет Нисабы,
неуклонно луга наливались,
50 плодовые деревья плодоносили, скот удавался
при рождении.
Под властью моей изливалось плодородие,
в годы мои конилось изобилие.

[ВОССТАНИЕ ШАМАШШУМУКИНА
И ШЕСТОЙ ПОХОД]

[.]

- III. 70 В те дни Шамашшумукин, брат неверный,
кому добро я творил,
кого на царствование в Вавилоне назначил,
все украсы мыслимые царствования создал ему,
дал ему
воинов, лошадей, колесниц —
75 собрал п руки его наполнил.
Города, поля, сады, людей, там живущих,
увеличил я и более, чем отец-родитель мой
повелел, ему дал я.
Он же добро то, что я сделал ему, забыл
и худое замыслил.
- 80 Снаружи уста его доброе говорили,
внутри же сердце его убийство задумало.
Сыновей Вавилона, что на Ассирию взирали,
рабов, мне покорных, обманул он,
речи лживые с ними вел.
- 85 посольством роскошным, дабы о здравии моем
узнать,
ко мне в Нипевню он их прислал.
Я, Ашшурбанапал, царь Ассирии,
кому боги великие судьбу благую судили,
кого в правде и истине сотворили,
90 жителей Вавилона тех за стол великолепный
усадил, одеждой льняной цветной
одел их, кольцами златыми унижал
пальцы их. Пока жители Вавилона эти
в Ассирии пребывали,
95 в лицо советнику моему смотрели,
оп, Шамашшумукин, брат неверный,
кто союза со мной не соблюл, людей Аккада,
халдеев,
арамеев, людей Страны Моря от города Кабы
до Бабсалпметт — рабов, мне покорных,

- 100 противу меня возмутил; и Умманигаша,
беглеца, кто стопы царственности моей обнимал,
кого на царство Элама назначил я,
и царей Гутпума, и страны Амурру и Мелухха,
что по велению Ашшура и Белет вручены
мне были,—
- 105 всех их возмутил против меня,
с ним вступили они в согласие.
Ворота Сиппара, Вавилопа, Борсиппы он запер
и братство прервал!
На стены городов этих
- 110 воинов своих поднял он,
дабы в битву со мною вступить!
Свершение жертв моих перед Белом, сыном Бсла,
Шамашем, светочем божьим, перед воином Эррой
он прекратил — отменил принесение жертв моих.
- 115 Дабы грады ограбить — жилища богов великих,
чьи святилища я обповил, серебром и золотом
изукрасил,
все, что подобает, поместил там — он зло замыслил!
И во время то, ясновидец некий,
в ту ночь возлег он,
- 120 и сон он видит
таков: на постаменте статуй бога Сина начертано
вот что: «Тем, кто против Ашшурбанапала,
царя Ассирии,
злое замыслит, вражду учинит,
злую смерть подарю я им,
- 125 кинжалом железным, огнем поражающим, голодом,
бога чумы касанием оборву я их жизни!»
Услышав это, положился я на слова
Сина, моего владыки.
В шестом походе моем скликал я войска свои,
против Шамашшумукина путь направил.
- 130 В Сиппаре, Вавилоне, Борсиппе, Куту
его вместе с войском его запер я
и выходы их захватил.

Во граде и поле бесчисленно наносил я ему поражение.
 Прочие — бога чумы касапнем,
 135 гладом, нуждою свои положили жизни.
 А Умманигаш, царь эламский, ставленник рук
 монахов,
 кто взятку взял от него
 и в союзе с ним выступал,—
 IV. 1 Таммариту против него восстал,
 и его самого, и семью его оружием поразил.
 Затем Таммариту, кто после Умманигаша
 на трон Элама воссел,
 5 о здравии царствования моего не спросил,
 на помощь Шамашшумукину, брату враждебному,
 пришел и с войском моим сразиться
 оружию свое торопил.
 Мольбами, что к Ашшуру и Иштар я обратил,—
 10 молитву эту мою они приняли, речь уст моих
 услышали,—
 Индабигаш, раб его, против него восстал и
 в сражении полевым поражению ему панес.
 Таммариту,
 царь Элама, кто по случаю отрезания головы
 Теуммана
 дерзкое произнес,—
 15 той, что воины войска моего отрезали,—
 так молвив: «Режут ли голову царю Элама
 посреди страны его, пред его войском?»
 И второй раз говорил он: «А Умманигаш,
 как целовал он землю
 20 пред послами Ашшурбанапала, царя Ассирии!»
 За речи эти, что говорил он,
 Ашшур и Иштар наказали его!
 Таммариту, братья его, семья его, родня его
 и 85 князей, что на стороне его шли,
 25 от Индабигаша убежали,
 страх в сердцах своих
 побороли и в Иппевнию пришли.

Таммаригу ноги царствования моего целовал,
землю выровнял бородой своей,
30 ободья колес моих обнял,
к рабам моим себя причислил,
на помощь к нему прийти
владычество мое по велению Ашшура и Иштар
он умолял.

И тогда предо мною он встал,
35 мощь богов моих могучих восхвалял,
тех, что помощниками мне были!
Я, Ашшурбанапал, сердце просторное,
местью гнушающийся, грехи прощающий,
милость Таммариту я оказал!
40 Его со всеми родичами его во дворец мой
я поместил. И во время то — людей Аккада,
что с Шамашшумукином заодно были,
зло замыслили — глад охватил их.
Во гладе сыновей и дочерей своих
45 они ели, ремни кожаные жевали.
Ашшур, Сия, Шамаш, Адад, Бел, Набу,
Иштар Ниневийская, Шаррат Кидмури,
Иштар Арбельская, Пипурта, Нергал, Нуску,
что предо мною шли, поражали врагов моих.
50 Шамашшумукина, брата враждебного, что со мной
враждовал,
в горение пламени пламенекщего они бросили
и жизнь его оборвали.
Людей же тех, что Шамашшумукину,
брату враждебному, присоветовали
55 дело это и зло сотворили,
что смерти страшались, жизни их им
драгоценны были, оттого с Шамашшумукином
вместе,
с господином их, в огонь не бросились они,
от лезвия кипжала железного, от нужды, глада,
60 от огня поражающего спаслися, убежище
обрели,—

сеть богов великих, владык моих, убежать
 коих нельзя,
 накрыла их! Ни один из них не улетел,
 беглец ни один из рук моих не ушел — всех
 руки мои сочли!
 Колесницы, повозки, балдахины, наложниц его,
 65 добро дворца его ко мне доставили.
 Воинов его, уста злобные их,
 коими против Ашшура, бога моего, дерзкое
 рекли они,
 против меня, государя, его почитающего,
 зло замышляли,
 уста эти их я вырвал, их я сразил!
 70 Остальных же людей, живьем, перед статуями
 Шеду и Ламассу,
 перед коими Синаххериб, отец отца-родителя
 моего, заколот был,
 ныне я духу его
 людей тех в жертву принес!
 Плоть их, что отрезал я,
 75 скормил я псам, свиньям, воронам,
 орлам, птицам небесным, рыбам океанским.
 После того, как дела эти я совершил,
 сердца богов великих, владык моих, утолил,
 трупы людей, коих чума поразила,
 80 кои от глада и нужды души свои сложили,
 объедки пищи псов и свиней,
 что улицы загромождали, площади заволокли,
 кости их из Вавилона,
 Куты, Сиппара я вынести повелел
 85 и в груды сложить.
 Обрядами жрецов их святилища я очистил,
 улицы их загрязненные вымел,
 богов их разгневанных, богинь их разгневанных
 я успокоил молитвой и плачами.
 90 Жертвы им постоянные, что те уменьшили, как
 и в дни прежние,

в благополучии я вернул и назначил.
 Остаткам жителей Вавилона, Куты, Сиппара,
 что от суда, резни, глада
 спаслись, милость я им оказал,
 95 жить душам я их повелел,
 в Вавилоне я их поселил!
 Людей же Аккада, вместе с халдеями,
 арамеями, Страной Моря,
 кого Шамашшумукин набрал,
 к единомыслию привел,
 100 и по собственному решению со мною враждовали
 они,—
 велением Ашшура и Белет, богов великих,
 помощников моих,
 всех их полностью растоптал я,
 ярмо Ашшура, что сбросили они, на них
 наложил я,
 наместников, градоначальников, рук моих
 ставленников,
 105 над ними назначил я,
 постоянные жертвы наплучшие Ашшуру и Белет
 и богам Ассирии возложил на них я,
 дань, подать господства моего,
 ежегодную, непрерывную, возложил на них я.

МОЛИТВА ШАМАШШУМУКИНА К БОГИНЕ ЦАРПАНИТ

[.]
 Владычица вышняя, мать милосердная!
 В сонме небесных светил
 Госпожа ты!
 Я, Шамашшумукин, *сын моего бога,*
 Бога моего Мардука и богини моей Царпанит,
 10 Омрачением лунного лица недобрым,
 Что в пятнадцатый день месяца тебет случилось,

Знаками злыми, знаменьем дурным, неблагим,
Что на дворец мой и на страну мою пали,
Я сотрясен, омрачен и повержен!
Эту беду надо мной и над домом моим
15 Да развеешь!
Прими ж мои жертвы, прими молитвы!

«МОР-ИЗНУРИТЕЛЬ, ВЛАДЫКА ВЕЛИКИЙ...»

МОЛИТВА ШАМАШШУМУКИНА К БОГУ НЕРГАЛУ

Мор-Изнуритель, владыка великий,
бог милосердный!
Упавших поддержка, уз разрыватель,
мертвых живитель!
Я, Шамашшумукин, сын моего бога,
Раб твой изпуренный, измученный и смятенный,
5 В горении, лихорадке жестокой, что меня
охватила,
В болезни недоброй, *демоне*, жгущем мне тело,
В *тяжести сердца*, тоске, что на меня паложили,
Разбитый, на ложе *тоскливом* тебя призываю!
Прегрешенцем, ведомым ли, неведомым ли,
10 Что сотворил в небреженье, пороке и смуте,
Я уstraшен, я повержен, приношу мою душу
божественности твоей великой!
Пусть потоки рыданий моих к тебе устремятся,
Ярое сердце твое да успокоят!
Хороши спусхожденья твои, отпущение твердо!
Возвращенья великие твои
15 Со мною, рабом твоим, Шамашшумукином,
да будут!
Величье божественности твоей да восславлю!

Молитва поднятия рук к Морю-Изнурителю.
Сотворишь либо с жертвенным обрядом, либо
и с воскурением.

КОММЕНТАРИИ

Разбивка на строки в подлинниках иногда соответствует делению на стихи (или стихи и полустихия), а иногда нет. Нумерация в переводе соответствует строкам (или столбцам и строкам) оригинала, а разбивка — действительному делению на стихи. В случае, когда текст сведен из разных оригиналов, помимо столбца и стиха, отмечается условным обозначением и источник каждого отдельного отрывка.

Фрагменты, не сохранившиеся в оригинале, но с уверенностью восстанавливаемые по эпическим повторам или иным данным, особо не отмечаются. Текст в разрушенном или непонятном месте, лишь условно восстановленный переводчиком, выделяется курсивом. Курсивом выделена также трактовка переводчиком спорных и темных мест оригинала, по которым в науке нет единомыслия. Невосстановимые лакуны обозначены квадратными скобками и многоточием или одной строкой точек с указанием примерной величины лакуны. Так же отмечен пропуск текста, сделанный при его сокращении.

В круглых скобках курсивом даны пояснения переводчиков.

Все тексты переведены с оригинала.

ДЕЯНИЯ БОГОВ

«КОГДА ВЕРХ...» — «ЭНУМА ЭЛИШ»

Вавилонская поэма о сотворении мира.
Не ранее XIV века до н. э.

Первая публикация в 1876 году — G. Smith. The Chaldean Account of Genesis. 1876. Основные издания: E. A. Speiser. The Creation Epic, in: J. Pritchard. (ed.) Ancient Near Eastern Texts. New Jersey, 1955, pp. 60—72; W. G. Lambert. Enuma Eliš, The Babylonian Epic of Creation. The Cuneiform Text. Birmingham, 1969;

R. Labat. Le Poème babylonien de la Création, en: «Les religions du Proche-Orient asiatique». Paris, 1970, pp. 36—70; «Mýty staré Mezopotámie». Praha, «Odeon», 1977, pp. 176—207 (Jiří Prosecký).

На русском языке публикуется впервые, в сокращении.

Эпическая поэма о мироздании и возвышении главного бога города Вавилона, Мардука, является частью новогоднего ритуала. В наставлении к проведению праздника сказано: на четвертый день Нового года (месяца писапа — наш март—апрель) в главном храме Мардука, Эсагиле, «жрец *уригаллу* после ужина в конце дня прочтет поэму перед Мардуком (то есть перед его статуей) от пачала до конца. Пока он будет читать, передняя часть тнары Ану и трона Энлиля останутся покрытыми...».

Предполагаемое время создания поэмы — годы правление царя Агума II (XVI в. до н. э.), однако язык поэмы кажется слишком поздним для этого периода, и все многочисленные сохранившиеся версии и фрагменты поэмы не старше первого тысячелетия до н. э.

В Ашшуре вместо Мардука в тексте поэмы стояло имя главного бога города Ашшура, Аншара-Ашшура (соответственно вместо Аншара — Ану). Имя Эйи и его супруги Дамкины было заменено на имя Лахму и Лахаму, то есть генеалогия богов выглядела несколько иначе.

I, 4. Дословно: «мумму Тиамат», что дает возможность переводить: «Апсу, Мумму (и) Тиамат воды свои воедино мешали». Однако такой перевод не выглядит убедительно в грамматическом отношении. Мумму — имя посла-советника Апсу (см. строку 30), имеет параллельно самостоятельное значение «создатель, творец», а в этом значении являлось эпитетом богов Эйи и Мардука. Большинство переводчиков поэмы рассматривают слово «мумму» в данном контексте как эпитет-приложение к имени Тиамат.

I, 6, 6a. Возможны и другие толкования этой строки. Слово *гипар* — первоначально: тростниковый загон для скота, а также обширные заросли сухого отмершего тростника. Впоследствии словом «гипар» обозначалось святилище особого рода, место, где свершался священный брак. Возможно, наиболее ранние обряды священного брака совершались именно в тростниковом загоне для скота.

I, 12—13. Другое возможное толкование этой строки: «Аишар и Кишар родились и их (то есть Лахму и Лахаму) превзошли».

I, 14, 17 и далее. Слово *отцы* здесь и впоследствии употребляется в значении *предки, все предки*. В строке 19 вместо переведенного нами по смыслу *дед* также употреблено слово *отец*. Это же отнесется и к *отцам* бога Мардука.

I, 20. В одном из вариантов текста не *сородичи*, а *отцы*.

I, 25. Поскольку Тямат и Апсу мыслятся не только как конкретные, телесно оформленные прародители поколений богов, но и как космические стихии, то все боги как бы находятся в них. Этот смысл надо постоянно помнить и учитывать в дальнейшем.

I, 30. *Мумму*, советник Апсу, кроме того, что он подстрекает Апсу против богов, по существу, является эпизодическим персонажем поэмы. О нем мы знаем лишь, что он называет Апсу своим отцом, но в прямом или фигуральном смысле слова — это неясно.

I, 72. Дословно: «протащил его за посовую веревку», то есть как проводят па бойню быков.

I, 77. Дословно: «Он возвел па его месте (на месте Апсу) свой *гипар*» — то есть помещение для обряда «священного брака».

I, 86. Основное значение существительного в этой строке — *кормилица*, в редких случаях может означать *мать*.

I, 91. Употребленный в первой половине строки глагол образован от технического термина, обозначающего осмотр готового изделия художником или ремесленником перед его принятием.

I, 101. Или: «мой собственный сынок». Вариант, принятый нами, предполагает игру слов: Мардука, гигантское дитя, называют *малышом*.

I, 133. *Матерь Хубур* — Тямат. *Хубур* обычно значит: «река подземного мира», а также Подземное царство.

I, 142—143. Не всегда точно известно значение слов, обозначающих сложных, смешанных чудовищ, творения Тямат, поэтому перевод может быть спорным. *Мушхуш* — мифический дракон Мардука, изображавшийся с длинной птичьей шеей, покрытый чешуей, со змеиным языком, с хвостом в виде змеи, с рогами, львиными передними и птичьими задними лапами. *Лахаму* (не одно и то же, что *Лахаму* — супруга Лахму) — водяное чудовище.

ще. В шумерских мифах их число 50, они спутники и свита бога Энки-Энн. *Куллилу* — человек с рыбьим хвостом, но, возможно, и рыбокозел — один из спутников бога Энки-Энн. *Кусарикку* — возможно, гигантский бизон с человеческим торсом или лицом; иногда это слово переводят также *человек-рыба*.

I, 145. Дословно: «крепки ее приказы», то есть та власть, сила, с помощью которой она сотворила своих чудовищ.

I, 159. То есть он был причислен к богам Апуннакам. *Сан Ану* — обозначал, что Кингу возведен Тиамат в ранг высшего бога.

I, 162. Существуют две трактовки этой строки, вторая — «яд собранный силу твою (то есть Кингу) да умножит». Перевод зависит от разного чтения клинописных знаков. Видимо, имеется в виду тот яд, что Тиамат накопила, создав ядовитых чудовищ для борьбы со враждебными богами.

II, 126. *Убшуккина* — зал Совета богов (из шумерского «Убшууцкинна»). Здесь — имя собственное.

IV, 19. Прежний традиционный перевод: «Они сотворили (положили меж собой) одеянье». Другое чтение знака: *звезда, созвездье*.

IV, 20 и далее. Таким образом, по-видимому, проверяется сила *Слова* Мардука, дарованная ему старшим поколением богов.

IV, 41—44. *Уловить изнутри* (дословно: «нутро») *Тиамат* — имеет двойной смысл: из дальнейшего контекста видно, что предполагается схватить все то, что будет исходить из Тиамат, как из космической стихии, а также и саму Тиамат, как персонифицированное чудовище. *Четыре ветра* четырех сторон света (роза ветров), — по-видимому, тот самый дар Ану, о котором сказано в таблице I.

IV, 50. В нашей трактовке *непобедимые Вихри* (или «могучие Бури») — мифологические «кони» (боевые ослы, онагры), или драконы Мардука, впряженные в боевую колесницу.

IV, 55—56. Перечисленные здесь эпитеты боя, безусловно, — аллегорические воплощения битвы.

IV, 63—64. То есть боги, испугавшись, расстроили боевой порядок.

IV, 66. Буквально: «полюбовника». В целом смысл фразы сомнителен.

IV, 73—85. Цель словесной перспалки между Мардуком и Тиамат — распалить себя и противника и подго-

товиться к бою. Выкрики Тпамат, судя по всему, рифмуются, однако общий смысл фразы переведен условно из-за фрагментарности отрывка.

IV, 120. Дословно: «отдал демону Уггу» — то есть бо-
жеству смерти. Но, как явствует из дальнейшего кон-
текста, Кингу не был убит (см. начало таблицы VI).

IV, 135 и далее. С этого места начинается сотворение
Мардуком неба и земли из трупа Тиамат.

IV, 144. *Эшарра* — «дом множества» (*шар* обозначает
число 3600), см. словарь. Иногда так называли и другие
храмы. Здесь и далее идет речь о создании храма на
небе как отражения, двойника, всего того, что впослед-
ствии будет создано на земле.

IV, 146. Подразумеваются созвездия и планеты, чьим
олицетворением были названные боги. Планеты и звез-
ды служили богам «домом», или, как говорится в тексте,
постоянной стоянкой. Так, стоянкой Энлиля и Эйи счи-
талась Полярная звезда.

V, 2 и далее. Речь идет об установлении знаков Зо-
диака и об их отражении в небесных светилах.

V, 6. Дословно: «установил он жилище Неберу для
укрепления их связей с центром». *Неберу* (Юпитер) —
планета Мардука, планета путников, указывающая им
дорогу, держащая, по вавилонским представлениям, пере-
крестье небес и земли и мыслящаяся как центр все-
ленной.

V, 12. *Нанна(р)*.— См. словарь. Речь идет об установ-
лении порядка движения луны и солнца. Календарь
у вавилонян был лунным.

V, 55. В комментариях, составленных самими вави-
лонянами к поэме, сказано: «Тигр — ее правое око, Ев-
фрат — левое око».

V, 63. Смысл строки темн. Возможно толкование:
Мардук создает твердую почву, укрепляя землю (прах)
в нижней части туловища Тиамат.

VI, 6. Буквально: «создам дикое существо», «дикаря».

VI, 10 и далее. По-видимому, речь идет о разграни-
чении двух групп (племен, фратрий) богов — Игигов
и Ануннаков, что отнюдь не противоречит упоминанию
этих групп раньше, в предшествующих таблицах.

VI, 28. *Царь-божество-небес-и-земли* — шумерское
имя, звучащее как Лугальдимеранки (см. далее, VI, 139).

VI, 57. Речь здесь идет о строительстве Вавилона
(*Врата бога или богов*) не на земле, а на небе.

VI, 62 и далее. *Эсагила*.— См. словарь. *Зиккурат* —
многоступенчатая башня при главном храме, впослед-

ствии — и главный храм. *Рога зиккурата*.—Предполагается, что башня Эсагилы в Вавилоне была увенчана золотыми рогами. Но здесь говорится о постройке Эсагилы небесной. Перевод строки 63 спорный.

VI, 91. *Созвездие Лука*, по исследованиям ассириолога-астронома Куглера, соответствовало части созвездия Большого Пса европейской традиции (включая яркую звезду Сириус) и части созвездия Арго.

VI, 97—100. То есть проклинали себя в случае нарушения своей клятвы. Шумерские и аккадские царские надписи почти всегда включают в себя формулу проклятия, долженствующего пасть на нарушителя договора или похитителя (разрушителя) надписи.

VI, 107. *Черноголовые*.—Так называли себя жители Шумера и Аккада независимо от того, говорили ли они по-шумерски или по-аккадски (семитски).

VI, 114—116. Речь идет о личных богах и богинях-хранителях, которые мыслились у каждого человека и были посредниками в отношениях между человеком и верховными богами (ср. текст «Только жить я начал...»).

VI, 120. Речь идет о том, что Мардук — личный бог-хранитель всех небесных богов.

VI, 121. Перечисление пятидесяти имен Мардука (а практически их много больше, если включать производные имена), составляющее конец шестой и почти всю седьмую таблицы поэмы, носило не только характер словосложения, но и имело важный мифологический и теологический смысл в связи с ролью «имени» и процессом «нарекания», «называния» (ср. начало поэмы). К этой части поэмы создавались специальные комментарии, объясняющие и толкующие значение каждого имени, давалось его шумерское значение и его аккадский эквивалент. Почти все имена Мардука — шумерские, либо исконные, либо искусственно созданные. Действительное имя *Мардука*, по-видимому, происходит из более древнего шумерского *Амар-Уту(к)*, что означает *Солнечный телец (теленек)*. Когда составлялось имя и оно наделялось эпитетами, авторы-жрецы шли не только по линии игры словосочетаний, расширяя значение имени за счет знаков, прибавляя к основному корню дополнительные частицы, но также и обыгрывали многозначность смыслов, часто мнимых (в дело шла и народная этимология, к примеру). Все оттенки слов и смыслов должны были подчеркнуть и выявить многогранную, глубинную сущность божественности Мардука. Все величание было построено таким образом, что последующие эпитеты имени раскрывали

смысл, влагавшийся в имя жрецами. Часть же имен возникла путем отождествления Мардука с другими, часто более древними богами, например, Асари-Асаллухи — бог заклинаний, сын бога Энки-Эйи в древнейшем городе Куаре и в Эреду, посредник между людьми и своим отцом в их просьбах. Происхождение отождествления понятно: ведь Мардук — тоже сын Эйи.

VI, 147. В строке 101, однако, сказано, что этим именем его нарекал Аншар.

VII, 144. Число 50 — числовой символ Энлиля, включенный в его эпитет «владыка всех стран». Отсюда выражение: *Мардуку — Энлилю* (то есть господину) *богов*. Имя Энлиля стало именем нарицательным при определении могущества и мощи другого бога.

VII, 159. *Отец* — частый эпитет Мардука.

В. Афанасьева

«КОГДА БОГИ, ПОДОБНО ЛЮДЯМ...»

Эпос об Атрахасисе

Издание текста: W. G. Lambert and A. R. Millard. *Atra-hasis, the Babylonian story of the Flood*. Oxford, 1969; W. von Soden. Die erste Tafel des altbabylonischen Atrahasis-Mythus, «Zeitschrift für Assyriologie», 68, I, 1978, SS. 50—94. На русском языке впервые.

Текст известен в нескольких разновременных версиях: старовавилонского времени (правление Аммицадуки, 1646—1626 гг. до н. э.), написанная Ку-Айей (или Нур-Айей), младшим писцом, в редакции, состоящей из трех таблиц — это основная версия текста; два средневавилонских фрагмента — один из вавилонского города Ниппура, другой — из Рас-Шамры (древнего Угарита на сирийском побережье Средиземного моря, конца II тыс. до н. э.); новоассирийская версия происходит из библиотеки Ашшурбанапата (VII в. до н. э.) и состоит из двух таблиц, к ней же относятся два фрагмента нововавилонского времени (около VI в. до н. э.). В настоящем переводе дана попытка создать сводный текст, основываясь на всех известных нам вариантах и фрагментах. Для этого в основную старовавилонскую версию там, где это было возможно, добавлены фрагменты других версий, в ряде случаев дополняющие или по-новому освещающие эпизоды эпоса (к примеру, в ассирийской версии более

ярко, чем в основном тексте, освещена тема голода в стране, сповидание Атрахасиса, постройка корабля); где возможно, из дополнительных версий вставлены пропущенные и разбитые отрывки. Для научных целей в публикации сохранена нумерация строк, принятая в издании Лэмберта, которая и позволит отличить, из какой именно версии вставлен тот или иной отрывок. В случае стыковки дублирующие друг друга отрывки имеют двойную нумерацию.

Основная версия по всем таблицам обозначена арабскими цифрами: 5, 10 и т. д., с разбивкой на таблицы и столбцы (колонки), которые обозначены римскими цифрами. Вставки в таблицу I: буквенная нумерация (а, б, в и т. д.) — фрагменты ассирийской версии; буквы с арабской цифрой (а1, а2 и т. д.) — другие фрагменты ассирийской версии; арабская нумерация в скобках — вслед за основной нумерацией или самостоятельно: 360(9) и т. д. — также фрагмент ассирийской версии.

В таблице II арабские цифры с алфавитным обозначением (4а, 7а и т. д.) — вставка из нововавилонской версии; арабские цифры со штрихом (13' и т. д.) — из основной старовавилонской версии; арабские цифры с алфавитным обозначением (14в и далее) — фрагменты нововавилонской версии.

В таблице III арабские цифры с буквой (1а—25а) — с лицевой стороны из ассирийской версии; 8св — строка из средневавилонской версии; 5д—15д — отрывок из новоассирийской версии; а4—а17 и далее до конца — фрагмент ассирийской версии.

Табл. I, 1. Вызывает много споров в ассириологической литературе, единого решения в толковании нет. Дословно в тексте: *inūta ilū awilū* — то есть «когда боги — люди». Ряд исследователей считает, что значение этой строки — «когда боги были люди». Однако в нововавилонском фрагменте встречается *kī amilī* — то есть «как люди», что, по нашему мнению, дает возможность перевести «подобно людям». Смысл первых строк, во всяком случае, тот, что было время, когда боги вынуждены были трудиться так же тяжело, как и люди, а людей еще не существовало.

5—6. Фон Соден переводит: «Великие Анунаки заставляли трудиться семерых Игигов».

а—г. Восстановление числа лет Лэмбертом условное, на основании строки 37, где число частично сохранилось. Лэмберт читает его — сорок, фон Соден, рассматривая

его как окончание сложного числительного, предлагает чтение — 2500, что более соответствует сказочно-мифологическому летосчислению. Но параллельное построение строк а—г позволяет предположить, что поначалу называлось какое-то небольшое число лет, нарастая в каждой строке.

173. Предполагается, по-видимому, что одип из Игигов был зачинщиком бунта.

а8, 9. Строки восстанавливаются на основе последующего контекста. «Человек» как имя нарицательное здесь назван *lullū*; точное значение этого слова не вполне ясно, но его переводят «дикарь» или «дикий человек».

189. *Белет-или* — она же Мами (14) и Нинту (198); см. словарь.

214—218. Толкование этого очень важного отрывка спорно. Наш перевод следует за Эрикой Райнер и Кикавадой, которые и предложили данное толкование. Смысл его — в тексте ритмическим словосочетанием передан ритм ударов сердца. Стук сердца и является признаком человеческой жизни, возможно, в отличие от жизни божественной. Слово *etemni* — означает «дух», «привидение», но также и «разум». Душа воспринималась вавилонянами как некая материальная субстанция, выходящая из человека вместе с его кровью. Традиционный перевод отрывка: «чтобы вечно слышали удары барабана» — то есть чтобы люди вечно приносили бы жертвы богам, сопровождая их праздничными церемониями.

223. «Премудрого» — в тексте — «*ve=ila*», возможно, имя бога. Значение имени предположительное (от шумер. *we=ri=geštu* — мудрость, «мудрость бога» (?), но вполне правдоподобное, так как раскрытие-определение имени соседним эпитетом — прием, типичный для вавилонской поэзии. Существует предположение, что именно Ве-ила был зачинщиком бунта Игигов.

233. Перевод строки условный, построен на ассоциативном толковании сохранившихся слов.

259—260. Кирпич играл определенную роль в ритуале установления судьбы (ср. «гаданье на кирпиче» в шумерских текстах: строительная надпись Гуден, эпос о Гильгамеше и Хуваве и т. д.). Женщина во время родов ставила перед собой кирпич.

233. Слюна, по древним поверьям, имела сверхъестественную животворную или мертвящую силу.

297. *Кеш* — город, чьей богиней-покровительницей была Мами-Нинту.

302—304. Сравните эпос о Гильгамеше, где во время

обряда «священного брака» Иштар также носит имя до-шумерской богини Ишхары.

338—339. То есть осуществляли то, что возложили на них боги,— кормились сами и кормили богов своих, принося им жертвы.

398 и далее. Возможен перевод: «отведет прочь нужду».

Табл. II, 19(47). «Пусть грудь свою отвернет Нисаба» — то есть не уродится хлеб.

(Э48), (49). Речь идет о засолении почвы, бедствии, уничтожившем во II тысячелетии до н. э. плодородие древнейших областей Вавилонии.

(Оборот), V, (10). В отрывке основной версии, где описание голода дано более сокращенно и менее выразительно, сказано: «В первый год сорняки (пырей) они ели, во второй год страдали они от жажды».

Столбцы V, VI, VII сильно разрушены, восстановление условно. Общий смысл отрывка — недовольство Энлиля богом Энки-Эйей. Характерно, что в тексте употребляется и шумерское и аккадское имя бога.

V, 17в. В разных версиях чередуются как стражи «середины», то есть земли (в варианте — низа, нижней земли) Энлиль с Сияном и Нергалом.

V, 21в. «Мириады» — дословно: «*1 šār nūnē* — то есть 3600 (в значении множества, несметного количества).

VI, 10—14. Не ясно, какому богу принадлежит прямая речь.

VIII, 30. По-видимому, для решения вопроса о том, что делать с людьми, снова была вызвана Мами-Нинту.

VIII, 40 и далее. По другому варианту, Энки не уклоняется от устройства потопа, переложив его на Энлиля, но клянется вместе со всеми. Поэтому он и вынужден передать весть о предстоящем потопе не прямо Атрахасису, но тростниковой хижине и стенке.

Табл. III, I, 14а. «Дабы смысл его уловить я сумел бы» — дословно: «Дабы я сумел увидеть его хвост (выход)».

I, 34. Игра слов: *uṣaznapakki* от *zapāni* — «дождь» или от *zapāni* — «забота, пропитание». В то время как Энлиль предполагает дождь, Энки обещает послать в ковчег животных (см. дальше, строки 9д, 10д).

I, 37. Возможен перевод: «Он предсказал наступление потопа на седьмую ночь» (Лэмберт, с. 91). Наш перевод — по аналогии с эпосом о Гильгамеше.

II, 11—14, далее. Восстанавливается по эпосу о Гильгамеше, X, 50—51.

II, 39. Существительное *bibbulu*, *bubbulu* означает

день исчезновения луны в конце месяца. Может быть, назначенный срок потопа?

III, 18. Имя Энки восстанавливается по аналогии с эпосом о Гильгамеше, IX, V, 36.

III, 40. Тируру обычно имя Иштар, но в данном контексте, как и в некоторых других случаях, видимо, имеется в виду существо, подобное злой демонице Ламашту.

III, 51. Или: «Где был Ану, владыка разума?»

IV, 8. Дословно: «Как плот». Здесь отражено представление вавилонян о плоской земле, плавающей в мировом океане подземных вод.

IV, 16—17. То есть жертвенных возлияний. Сравните образ богов, сгрудившихся перед кормушкой, точно овцы (20—23).

V, 46—VI, 4. Если верна наша трактовка и условное восстановление строки 47, богиня-мать хочет забрать себе амулет Ану, лазурную муху, чтобы носить в память о потопе. В эпосе о Гильгамеше, XI, 163—165а, этот эпизод (также частично восстановленный) трактуется исследователями несколько иначе: богиня-мать клянется амулетом, изготовленным для нее Ану. Но также можно предположить, что она отбирает его у Ану.

VI, 18—26. Восстановление отрывка условное, по аналогии с эпосом о Гильгамеше. Возможно, следующие (разбитые) строки содержали речь Энлиля; в таком случае последние слова его речи: «Я же облегчил мое сердце».

VI, 41. Лэмберт восстанавливает: «Энлиль уста свои открыл». Сравните, однако, I, 176—181, где вызвать праматерь богов для создания человека предлагает Ану.

VI, 48 и далее. Восстанавливаются на основании следующего контекста, а также нумерованного фрагмента, где сохранились отдельные слова, в том числе *uṣurāt nišē* — «образы (чертежи) людей».

VII, 1. Дословно: «Да будет отныне третье людям», то есть ограничение рождаемости в добавление к двум естественным первым: рожать — не рожать. Вводится искусственный запрет на роды.

VII, 3. Демон-пашиту — демон лихорадки и родильной горячки.

VII, 6—9. Здесь перечисляются различные категории жриц, некоторые из них, как энту, — высокого ранга (она — жена бога), которые по своему положению в определенные периоды истории Двуречья не должны были иметь детей.

VIII, 9. Разрушенный эплог, к сожалению, не даст возможности установить предполагаемого автора (или одного из авторов), по всей вероятности, названного в тексте. Строка 9 употребляет первое лицо единственного числа, в то время как строки 12, 19 дают первое (или третье) лицо единственного числа. Лэмберт предполагает, что эплог содержал признание одного из божеств в его участии в потопе и уничтожении людей, а также и в создании хвалебной песни о потопе во славу деяний Энлиля. По его мнению, таким божеством могла быть и богиня-мать. Но может быть, со строки 11 начинается совершенно новый абзац, и речь ведется уже не от лица божества, а от имени реального автора-сказителя.

В. Афанасьева

**«КОГДА ПИР УСТРОИЛИ БОГИ...»
«ЦАРИЦУ НАРОДОВ ХОЧУ Я ВОССЛАВИТЬ...»**

Поэма о Нергале и Эрешкигаль

Издание текста: O. R. Gurney. *The Myth of Nergal and Ereškigal*. «Anatolian Studies», 10, 1960, pp. 105—131; E. von Weiher. *Der babylonische Gott Nergal*. «Alter Orient und Altes Testament», II, Neukirchen—Vluyn, 1971, SS. 48—54. На русском языке впервые.

Поэма сохранилась в нескольких версиях: 1. Текст середины XIV века до н. э. из египетского архива в Телль-эль-Амарне; школьный текст, по которому, видимо, египетские писцы обучались аккадскому языку. От этой версии дошло два небольших фрагмента. 2. Основная новоассирийская, тоже школьная версия (начало I тыс. до н. э.). Была открыта в 1951 году при раскопках в Султан-тепе (древняя Хузирина на северо-востоке Ассирийского государства). В первоначальном виде, видимо, содержала около 440 строк, но дошла в поврежденном состоянии. 3. Фрагмент нововавилонского времени (VI—V вв. до н. э., из Урука), который, возможно, является переработанным вариантом новоассирийской версии.

Версии второго и первого тысячелетий значительно расходятся между собой, являясь, по существу, самостоятельными произведениями на один сюжет. Поэтому мы отказались от попытки составить единый сводный текст, но приводим каждую версию в отдельности. Нововавилонский же фрагмент вошел в состав основной вер-

сии, дополнив и обогатив ее. В нашем издании он дан под своей нумерацией с буквами Н (Н1, Н2, Н3 и т. д.). В тех случаях, где текст совпадал с основной версией полностью, проставлена двойная нумерация. Нумерация основной версии дана по изданию Гэрри, но без обозначения условной нумерации несохранившихся строк.

Миф о том, как бог Нергал стал владыкой подземного мира, отличается большим своеобразием. Как будто бы затянувшиеся вступление и рассказ о спуске посла Гаги в Подземное царство вводит нас в мир древнего придворного церемониала и создает неторопливый повествовательный ритм, контрастирующий с последующими бурными событиями. Явственно ощутимы в мифе фольклорные сказочные мотивы: запреты и их нарушения, повторность (возможно, троекратная) действий, путешествие в подземный мир с предметами, имитирующими подлинные, мотив неузнанного героя, превращение возлюбленного в уроды (плешивый, хромой, кривой, постоянные действующие лица еще и арабских сказок, выступают обычно как носители зла, обладатели темных тайных сил), преодоление препятствий с помощью волшебных средств (эпизод в воротах подземного мира), магическая сила имени, выражающаяся в запрете на него.

Как специфически шумеро-вавилонский мотив, проходящий через весь миф, связанный с миром подземным, следует отметить закон своеобразного равновесия между миром мертвых и миром живых, выраженный в формулах «за голову — голову» и угрозе выпустить мертвецов, поедающих живых людей. Ни одно существо, в том числе и боги, не может уйти из Подземного царства, не оставив по себе замены (в нашей публикации это видно из мифа о сошествии Иштар; см. также шумерские мифы о нисхождении Ипанны и миф об Энлиле и Нинлиль). В мифе о Нергале этот закон прямо не сформулирован, более того, Нергал из подземного мира уходит. Но не случайно он идет в подземный мир под другим именем — Эрра. Он является, таким образом, как бы заменой за самого себя, и именно поэтому в мифе постоянно чередуются его имена Нергал — Эрра, а для Эрешкигаль он и вовсе безымянен, она называет его: «тот бог».

Ранняя версия из Телль-эль-Амарны

В, 29. Толкование спорное.

В, 32. *«Последний бог был плешивым»*. — То есть Нергал уже переименовал облик, очевидно, с помощью Эйи.

А, 44, далес. В этой версии не соблюдена привычная ритмическая разбивка стихов: на два полустаха с двумя ударениями в каждом, оттого, на первый взгляд, изложение может показаться прозаическим. Мы, однако, попытались в переводе сохранить возникший от переноса второго полустаха на другую строку новый ритмический рисунок, приобретший от этого иное звучание — стих получил плавную, как бы льющуюся из строки в строку интонацию. Вероятно, сам писец не обратил внимания на возможности новых ритмов, возникающих при такой разбивке фраз. В большинстве случаев переводчики не считаются с этой новой разбивкой и делают стих традиционно.

А, 47, след. Восстановление имен спутников Нергала — по I, 68 и далее. *«Дух крыши»* — дословно: «Господин Крыши» — ночной дух-привидение, приносящий болезни.

А, Оборот, 61. Восстановление по тексту о нисхождении Иштар.

В, Оборот, 82. *«Ты—супруг мой, я—твоя супруга»*. — Формула, произносимая вступающими в брак.

В, Оборот, 87—88. Перевод спорный.

Новоассирийская и нововавилонская версии

I. 1. По-видимому, более поздняя версия пачидалась с гимно-эпического отрывка, прославляющего Эрешкигаль. Восстановлена по аналогии с гимнами к Эрешкигаль.

Нумерация строк со штрихом — условная, так как не всегда ясны размеры лакуны. Восстановлена — в основном по сохранившимся повторам.

I, 30 и далее. *«Мы не можем к тебе спуститься»*. — То есть по законам подземного мира они не будут иметь возможности подняться снова на небо. Гага (или Кака), посол Ану, видимо, имел особый статус вестника и поэтому мог беспрепятственно передвигаться во всех направлениях.

II, 20 и далес. Смысл окончания диалога между Нергалом и Эйей не вполне ясен. Видимо, Эйя обдумывает, как помочь Нергалу выбраться из подземного мира.

II, 25. *«Железное»* (или «крапивное») *дерево* — дерево «месу». Перевод, однако, как и названий других пород деревьев, условный.

II, 31. Не ясно, о каком втором боге идет речь в тексте. Часто Нингиззида упоминается в паре с Думузи,

однако, как кажется, размер лакуны не позволяет восстановить это имя.

II, 39 и далее. Нергал не должен прикасаться к пище и предметам подземного мира, чтобы не стать жителем Подземного царства. Сравните запреты Эйи с наказаниями Гильгамеша Энкиду, когда тот спускается в Подземное царство (эпос о Гильгамеше, таблица XII).

II, 46. Восстановление *«одеждою ночи»*, то есть темной одеждой, — предположительно. Лабат, например, восстанавливает — «прозрачной одеждой». Кажется, однако, что сохранились следы знака, обозначающего «ночь».

III, 33. Смысл приказов Эрешкигаль Намтару не вполне ясен, но, скорее всего, они должны звучать пронически (см.: «К стране безысходной», с. 93, IV).

IV, 37. Смысл речей Эрешкигаль не вполне ясен. Возможно, речь идет о каких-то брачных церемониях, так как она явно надеется, что Нергал останется с нею.

VI, 2' и далее. По-видимому, Намтар, желая выполнить поручение Эрешкигаль и стремясь удержать Нергала в Подземном царстве, учит его, как он должен поступить.

VI, 34'. Явственно видно влияние более ранней версии, слова которой здесь сохранились. Авторы, однако, стремятся дать иное объяснение поступков Нергала и вместо угрозы убить его вводят мотив любви.

VI, 50'—51'. Восстановление текста условно.

В. Афанасьева

«К СТРАНЕ БЕЗЫСХОДНОЙ...»

Сошествие Иштар в Преисподнюю

Текст сохранился в двух версиях: фрагмент из Ашшура (ок. XI в. до н. э.) и из библиотеки Ашшурбанапала (VII в. до н. э.).

Основные издания: J e n s e n, KB VI, S. 80, ff; S. G e l l e r, OLZ XX, 1917, cols. p. 41, ff; E b e l i n g, AOT, p. 206, ff; Heidel, GE, p. 121, ff; J. P r i t c h a r d. Near Eastern texts, 1955, Princeton, New Jersey, pp. 106—109.

На русском языке: В. К. Ш и л е й к о. «Восток», кн. I. Пг., 1922, с. 8—14. На отдельные главы текст был разбит В. К. Шилейко; в подлиннике — текст сплошной.

II, 22. Вариант формулы: «Станет больше мертвых, чем живых» (ср. угрозу Эрешкигаль в мифе о Нергале и Эрешкигаль). Смысл формулы в обоих случаях один:

должно быть сохранено определенное равновесие между миром мертвых и миром живущих.

VI, 2. «Срубленный дуб» — правильное тамариск.

VI, 63. В подлиннике — «пояс с камнями рождений», талисман для облегчения родов (примеч. В. Шилейко).

IX, 94. В варианте — Шамаш.

IX, 100. Дословно: «на улочке», «в переулке». Наверное, лучше здесь вместо «жена» и «супруг» было бы перевести «мужчина» и «женщина» (девушка), как и стоит в подлиннике.

X, 103. Имя «Аснамир», или «Ацшунамир», дословно означает «выход (его) светел (спяет)».

XVI, 148. Белили — не эпитет Иштар и Эрешкигаль (см. «Восток», с. 13), как думали во времена В. Шилейко, но самостоятельная богиня, частый эпитет которой «мать», «матушка». Фигурируют в шумерском мифе «В жалобах сердца», относящемся к кругу мифов о Думузи и Инанне (см. БВЛ, т. 1, с. 156). Возможно, в аккадский миф попала по неясной уже ассоциации именно с этим мифом. Смысл последнего отрывка в целом мало понятен. Не исключено, что «конспективность» этих последних абзацев вызвана «игровым» характером текста: возможно, он представлял собою запись действия, мимически разыгрывавшегося.

XVI, 149. «Камни-глазочки» — скорее всего, не созвездие Плеяд, как думает В. Шилейко, а украшение из пестрого агата, имевшее ритуальное значение. В шумерском тексте о происхождении Инанны богиня, собиравшаяся в Подземное царство, надевает на себя двойную подвеску из «камей-глазочков», которую снимает с нее (а потом, соответственно, возвращает) привратник, лишая ее тем самым магической силы. В раскопках были найдены ожерелья из «камей-глазочков».

XVI, 151. Вряд ли перевод и восстановление разбитых мест в этой строке верны, ибо сохранившийся глагол *mali* — означает «наполнять», но не «рассыпаться».

XVI, 153. Точнее будет перевести «в те дни, когда Таммуз придет ко мне» и т. д. Речь, по всей видимости, идет о том, что Таммуз, который как замена за Иштар попадает в подземный мир, будет отныне проводить полгода на земле, а полгода в Подземном царстве. С его уходом туда связан праздник поминовения мертвых.

XVI, 154. Буквально: не «порфирный тимпан», а «звучащий (инструмент, может быть, свистулька) из сердолика».

В. Афанасьева

«ЦАРЬ ВСЕХ ОБИТАЛИЩ...»

Поэма о боге чумы Эрре '

Перевод по изданию: L. Cagni. *L'erorea di Erre*, Studi semitici 34, Roma, 1969. На русском языке впервые.

Поэма (в современной науке она именуется также «Эпос Эрры») дошла до нас в виде нескольких десятков более или менее поврежденных фрагментов из многих городов древней Месопотамии и даже из Северной Сирии, что свидетельствует о ее значительной популярности в свое время. Все имеющиеся списки — поздние, но дата самого произведения — конец II тысячелетия до н. э., когда Месопотамию постигли жестокие бедствия, вызванные вторжениями эламитов и арамеев (халдеев). Эти последние, видимо, и обозначены в нашем тексте как «сутии» (то есть западные кочевники).

Первоначальный текст состоял из пяти таблиц, содержавших в общей сложности примерно 750 строк, из которых сохранилось примерно две трети.

Автор (может быть, составитель или редактор?) поэмы — некий Кабтилани-Мардук, сын Даблбу.

1, 4—5. Такие эпитеты противоречат благой природе Ишума в этом произведении. Возможно, Ишум, подобно многим другим божествам, был амбивалентен. Возможно также, что это — результат «народной» этимологии или богословских спекуляций: *i-šum* — шумерск. «чтимый резник», хотя на самом деле это имя, видимо, аккадское (по-шумерски — Хепдурсанга).

9. Дословно: «в степь». «Степь» (акк. *sēru*) всегда противопоставляется «городу, поселению» (*ālu*), как область дикой воли — области цивилизации и порядка. «В степь» (в русском переводе «в пустыню») бежит Гильгамеш, горюющий о смерти Энкиду (табл. IX, 1, 2). Туда же, видимо, хочет уйти Страдалец из «Теодицеи» (XIII, 133). Ср. также «Раб, повинуйся мне!..» III.

74. Согласно некоторым мифам, живые существа были сотворены богами из глины.

82. Ср. «Когда вверху...» и миф о потопе в поэмах «Когда боги, подобно людям...» и «О все выдавшем» (эпос о Гильгамеше).

83. Собственно болотистые заросли, где пасется скот.

112. У Л. Каньи переведено иначе.

136. То есть стали невозможны жертвоприношения.

146. Вариант: «Не поднять ли мне оружие, не истребить ли остаток?»

148. Жители древней Месопотамии были знакомы с янтарем, но не знали, где находятся его месторождения.

156. Л. Каны переводит «топор». В тексте употреблен термин, означающий вообще острое орудие.

159. Буквально: «верхнего и нижнего камня» (Л. Каны понимает под этим мельничные жернова). Видно, при изготовлении священных предметов употреблялись по традиции каменные инструменты, как при жертвоприношении — каменные пожги.

189. Изображения духов-хранителей в виде быков с человеческими головами ставились в поздний период истории древней Месопотамии справа и слева от входа во дворец.

II, 16. Облака здесь поэтически отождествляются с подчиненными Ададу-тельцу младшими божествами — «юными тельцами».

20. То есть речное русло превратится в высохшее «вади».

III, C, 32. Видимо, намек на эпизод из поэмы «Когда вверху...» (IV, 120).

33. Об этом упоминает миф «Анзу и Таблицы судеб», не приведенный в нашем сборнике.

D, 2. В оригинале — веревка, продетая через ноздри, на которой водят быков.

IV, 5. В оригинале: «словно *habinni*». Значение этого слова не ясно.

10. Перевод предположительный.

33. Жители священных городов пользовались привилегиями (*kidinnūtu*), в число которых входило и освобождение от воинской повинности.

43. Личную печать вешали на шею на шнурке.

49. То есть даже море обмелеет.

52. Разновидности жриц, участвовавших в оргиастических обрядах, связанных с культом Иштар.

53. То есть не пахотятся под чьей-либо патриархальной властью.

54. Речь идет о каком-то нашествии западных кочевников.

55. Певцы и танцоры («*kurgaggu*» и «*isinnu*») — низшие служители культа Иштар, вероятно, кастраты. Участники культовых действий в честь Иштар предавались самоистязаниям, а также извращенным видам половых сношений.

61. Речь идет о нарушениях в отправлении культа Иштар.

101. Жители древней Месопотамии нередко хоронили умерших, особенно детей, во внутреннем дворике дома.

108. *Эн* — здесь: жрец высокого ранга.

V, 31. Речь идет, возможно, о возвращении в храмы статуй богов, похпщенных врагами.

32. То есть скот и зерно.

39. Здесь Эрра отождествляется с Нергалом.

В. Якобсон

ПОДВИГИ ГЕРОЕВ

«О ВСЕ ВИДАВШЕМ» СО СЛОВ СИН-ЛИКЕ-УННИННИ, ЗАКЛИНАТЕЛЯ

Эпос о Гильгамеше

Эпос о Гильгамеше, написанный на вавилонском литературном диалекте аккадского языка, является центральным, важнейшим произведением вавилоно-ассирийской (аккадской) литературы. Дважды издавался свод всех дошедших клинописных фрагментов (P. Haupt, *Das babylonische Nimrodepos*, «Assyrologische Bibliothek». III, Leipzig; I, 1884, II, 1891; R. Campbell Thompson, *The Epic of Gilgamesh, Text, Translation, and Notes*. Oxford, 1930), но оба давно устарели, и для перевода потребовалось учесть множество дополнительных фрагментов, разбросанных по разным научным журналам: небольшой фрагмент, еще не изданный, был любезно сообщен автору перевода У.-М. Лэмбертом. Библиографию по гильгамешеведению до 1960 года см.: P. Garelli (ed.) *Gilgameš et sa légende*, Cahiers du Groupe F. Thureau-Dangin, 1, Paris, 1960; более поздние открытия см. у B. Landsberger. *Zur vierten und siebenten Tafel des Gilgamesch-Epos*, «Revue d'assyrologie», 62, 1968, p. 97, ff. и в обзоре L. Matouš. *Zu neueren Übersetzungen des Gilgameš-Epos*, «Archiv orientální», 44, 1, 1976, p. 63, ff.

Песни и легенды о Гильгамеше дошли до нас записанными клинописью на глиняных плитках — «таблицах» на четырех древних языках Ближнего Востока — шумерском, аккадском, хеттском и хурритском; кроме того, упоминания о нем сохранились у греческого писателя Элиана и у средневекового сирийского писателя Теодора бар-Коная. Самое раннее известное нам упоминание Гильгамеша старше 2500 года до н. э., самое позднее относится к XI веку н. э. Шумерские былины-сказки

о Гильгамеше сложились, вероятно, еще в конце первой половины III тысячелетия до н. э., хотя дошедшие до нас записи восходят к XIX — XVIII векам до н. э. К тому же времени относятся и первые сохранившиеся записи аккадской поэмы о Гильгамеше, хотя в устной форме она, вероятно, сложилась еще в XXIII — XXII веках до н. э. На такую более древнюю дату возникновения поэмы указывает ее язык, несколько архаичный для начала II тысячелетия до н. э., и ошибки писцов, свидетельствующие о том, что, быть может, они уже и тогда ее не во всем ясно понимали. Некоторые изображения на печатях XXIII — XXII веков до н. э. явно иллюстрируют не шумерские былины, а именно аккадский эпос о Гильгамеше.

Уже древнейшая, так называемая «старовавилонская», версия аккадского эпоса представляет новый этап в художественном развитии месопотамской литературы. В этой версии содержатся все главнейшие особенности окончательной редакции эпоса, но она была значительно короче ее: так, в ней отсутствовали вступление и заключение позднего варианта, а также рассказ о великом потопе. От «старовавилонской» версии поэмы до нас дошло шесть-семь не связанных между собою отрывков — сильно поврежденных, написанных неразборчивой скорописью и, по крайней мере в одном случае, неуверенной ученической рукой. По-видимому, несколько иная версия представлена аккадскими фрагментами, найденными в Мегиддо в Палестине и в столице Хеттской державы — Хаттусе (ныне городище близ турецкой деревни Богазкёй), а также фрагментами переводов на хеттский и хурритский языки, тоже найденными в Богазкёе; все они относятся к XV — XIII векам до н. э. Это так называемая «периферийная» версия была еще короче «старовавилонской». Третья, так называемая «ниневийская», версия эпоса была, согласно традиции, записана «из уст» Синлике-униинни, урукского заклинателя, жившего, по-видимому, в конце II тысячелетия до н. э. Эта версия представлена четырьмя группами источников: 1) фрагменты не моложе IX века до н. э., найденные в г. Ашшуре в Ассирии; 2) более ста мелких фрагментов VII века до н. э., относящихся к спискам, которые когда-то хранились в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала в Ниневии; 3) ученическая копия VII — VIII таблиц, записанная под диктовку с многочисленными ошибками в VII веке до н. э. и происходящая из школы, находившейся в ассирийском провинциальном городе Хузирине

(ныне Султап-тепе); 4) фрагменты VI (?) века до н. э., найденные на юге Месопотамии, в Урукке (ныне Варка). «Ниневийская» версия текстуально очень близка «старовавилонской», но пространнее, и язык ее несколько подновлен. Есть композиционные отличия. С «периферийной» версией, насколько пока можно судить, у «ниневийской» текстуальных сходжений было гораздо меньше. Есть предположение, что текст Сня-лике-уннинни был в конце VIII века до н. э. переработан ассирийским жрецом и собирателем литературных и религиозных произведений по имени Набу-зукун-кену; в частности, высказано мнение, что ему принадлежит идея присоединить в конце поэмы дословный перевод второй половины шумерской былины «Гильгамеш и дерево хулуппу» в качестве двенадцатой таблицы (в настоящем переводе опущена).

Из-за отсутствия проверенного, научно обоснованного сводного текста «ниневийской» версии поэмы переводчику часто самому приходилось решать вопрос о взаимном расположении отдельных глиняных обломков. Следует учесть, что реконструкция таблиц IV, V, VII, VIII, а также некоторых других мест поэмы до сих пор является нерешенной проблемой.

Публикуемый перевод следует «ниневийской» версии поэмы (НВ); однако из сказанного выше ясно, что полный текст ее, составлявший в древности около трех тысяч стихов, пока не может быть восстановлен. Все версии сохранились только в отрывках. Переводчик, соответственно каждый раз это отмечая, восполнял лакуны НВ по близкой ей «старовавилонской» версии (СВ), — стихи, помеченные одной звездочкой впереди, — и изредка даже по «периферийной», — две звездочки. Если же какой-либо отрывок не сохранился полностью ни в одной версии, но лакуны между сохранившимися кусками невелики, то предполагаемое содержание досочинялось переводчиком стихами же, — такие стихи выделены в тексте курсивом, точно так же как восполнения лакун, охватывающих части стихов, и приблизительные переводы строк, дословное значение которых пока остается темным.

Аккадскому языку свойственно распространенное и в русском топическое стихосложение; это позволило при переводе попытаться максимально передать ритмические ходы подлинника и вообще именно те художественные средства, которыми пользовался древний автор, при минимальном отступлении от дословного смысла каждого стиха.

Более подробный комментарий к поэме см. в издании «Эпос о Гильгамеше» в серии «Литературные памятники» Издательства Академии наук СССР, М.—Л., 1961.

Табл. I, 1, 10. *Эана* — храм (см. словарь). В Шумере храмы были обычно окружены хозяйственными постройками, где держали урожай с храмовых имений; эти постройки тоже считались священными.

Перед II, 1. Этот стих, возможно, был начальным в СВ поэмы. Здесь он введен, чтобы дать общее представление о том, о чем шла речь в разрушенном месте НВ.

II, 10—12. Речь идет о вызове всех работоспособных граждан Урука на постройку степ, так как городу в это время могли угрожать враги. Гильгамеш использует это для соблазнения дев Урука.

II, 18. Речь идет либо об Ану, боге неба и покровителе Урука, либо о Лугальбанде, бывшем царе, а ныне — личном божестве-храмнике Гильгамеша (а по некоторым легендам — его отце).

II, 30. *Аруру* — древнейшая богиня-мать (см. словарь); ниже она отождествляется с Дингирмах и с Иштар, однако такое отождествление не обязательно.

II, 33а. *Подобье*. Дословно: «название», «слово», «имя». Имя считалось частью материальной сущности человека (и божества).

II, 37. Дословно: «как богиня Нисаба». *Нисаба* — богиня хлебов, а также писцовой мудрости.

II, 38. *Суму́кан* — бог — покровитель зверей (см. словарь). Его «одежда», по-видимому, нагота (может быть, шкуры).

II, 50. *Идущему дальним путем...* — То есть мертвому (эвфемизм — для уберечения читающего от сглаза).

III, 4. Имеется в виду метеорит и метеоритное железо.

IV, 11; IV, 10 в оригинале (далее ор.) — в обратном порядке.

V, 21. *Шамаш* — бог Солнца (см. словарь), особый покровитель Гильгамеша.

Табл. II. Порядок эпизодов в СВ, несмотря на ее близость к НВ, несколько иной; стиху табл. II, 11, 17 здесь предшествует толкование снов Гильгамеша, а затем эпизод, соответствующий табл. I, IV, 18—21 и 33—37.

IV, 22. Брачный покой. — Дословно: «Дом свойства», «дом родни свекра». Это и покой новобрачных, и специально покой для свершения «священного брака».

IV, 27. Здесь и всюду в СВ «Урук площадный»; у нас унифицировано по НВ. Заметим, что здесь вовсе не идет речь о «праве первой ночи», как полагает большинство западных исследователей, а лишь о том, что граждане Урука оторваны общественной повинностью от своих невест и жен — в отличие от их царя Гильгамеша.

II, 44. *Ишхара* — богиня. В действительности в Уруке царь-жрец должен был совершать обряд священного брака в первую очередь не с Ишхарой, а с Иштар. Но в сюжете поэмы Иштар — врагиня героя (этот мотив, видимо, был введен лишь в НВ; во всяком случае, он отсутствовал в «периферийной» версии); впрочем, Ишхара присутствует уже в СВ. Текст здесь в переводе несколько смягчен, так же как в табл. I, IV, 22, и других подобных.

VI; 33—34. *Ограда* — здесь: то же, что Урук.

III. III, 16. Словом «поприще» мы здесь и ниже переводим акк. *бэру* — расстояние двух часов ходу по ровной дороге.

Табл. III («Йэльская») (=НВ, II), III, 5, В СВ *Хумбаба* последовательно называется Хувавой; мы сохранили форму НВ ради унификации.

III, 40—41 и 43. *Ве'эр* — одна из ипостасей бога грома и дождя Адду.

IV, 20. Дословно: «открой».

IV, 31—36. *Талант* равен 60 *минам*, что равно 30 кг.

VI, 14. *Аншан* — область в юго-западном Иране. В Месопотамии не было подходящего материала для изготовления луков.

Табл. III, I, 15. *Эгальмах* — название храма.

II, 20. *Айа* — жена Шамаша, Нинсун просит ее, чтобы она обеспечила охрану Гильгамеша небесными светилами ночью, когда Солнце-Шамаш опускается в Преисподнюю. Некоторые исследователи пытаются в разрушенном тексте даже прочесть имя Сипа, бога луны.

IV, 20. Культ богов было посвящено несколько категорий жриц — во-первых, *энту*, участницы обряда «священного брака» (в нашем переводе — просто жрицы или жены бога), во-вторых, «священные» — *кадйшту*, то есть жрицы, жертвовавшие свою девственность *чужому* мужчине, принося ее в жертву божеству (у нас: «девы, обреченные богу»); разновидностью их были и *кезэрту*, упоминаемые в табл. VI, — там переведено «любодеицы»; кезерту отличались особым убором вслос (по-видимому, они носили косу). Что касается «дочерей бога» (IV, 23),

то это, по-видимому, дочери *энту* от священного брака и сами — будущие *энту*.

Табл. IV, V, 45. Одевания Хумбабы — они же «страхи» или «лучи сиянья». В шумерском сказании повествуется о борьбе Хуавы (акк. Хумбаба) с Гильгамешем и его дружиной: Хуава пускает на них поочередно свои семь магических ужасных лучей, окружающих его как оболочки; эти лучи связаны с кедрами, и как только Хуава сбрасывает один из своих лучей, так один из кедров становится смертным, и его можно рубить; как только срубается кедр, слабеют силы Хуавы.

V, 46a. По-видимому, героев смутил крик Хумбабы, и они пытались силой заставить друг друга прекратить поход (?).

VI, 5. Обычная веревка скручена из двух шнуров, поэтому втрое скрученный канат (или нить) — образ дружбы двоих.

Табл. V, V, 6. *Ирнини* — имя Иштар как богини мертвых.

30. *Сариа* — гора Хермон на юге Сирии, у пределов Палестины.

Табл. VI, 9. Иштар произносит обязательную для невесты брачную формулу.

II. В ор. *elmeši* — сказочный камень, возможно — алмаз, но скорее желтый камень (янтарь?). *Рога колесницы* — устройство, на котором укреплялись колчаны для метательных дротиков.

35. Перевод ненадежный. О ручьих слонах в древней Передней Азии мы ничего не знаем.

164. Очевидно, искусственная синяя стекловидная масса.

165. По-видимому, рога мыслились оправленными в золото.

166. Мера (*kurru*) равна примерно 250 литрам; в каждом роге, таким образом, было около трех четвертей тонны. Словом *елей* здесь и в других местах переведено слово *šatni*, что означает обычное кунжутное масло, может быть, иногда сдобренное благовонием. Им натирали тело в жару.

168. Дословно: «Внес и повесил у кровати, подобающей ему как хозяину дома». Младшие члены семьи спали на полу.

Табл. VII, I, 1. Эта строка записана как «перенос» (кустос) в конце VI таблицы; начало самой VII таблицы не сохранилось. Для того чтобы не прибегать к прозаическому пересказу, мы решились включить здесь отрыв-

вок из хеттского перевода «периферийной» версии эпоса (строки 1—22) и из отрывка аккадской «периферийной» версии, тоже II тысячелетия до н. э., найденного в виде плохой школьной копии в Мегиддо, в Палестине (строки 2—11). Однако «периферийная» версия сильно отличалась от НВ.

20—21. Следует помнить, что все сверхъестественные существа мыслились материальными.

I, 43. В ор. шесть «гаров» и два «гара» (*gar*=ок. 6 м.).

После I, 49 кое-что из этих стихов читается. Например, I, 52; «В его двери я поставил (бы) птицу бури». Но связного текста получить не удастся.

II, г. Точное местоположение этого отрывка не вполне ясно.

и. Стерший надпись с чьим-либо именем навлекает на себя проклятье.

рр. Если правильно предположенное Б. Ландсбергером прочтение, этот стих дословно значит: «Дрожат твои губы, словно мухи».

III, 29. Реконструкция по эпическому обороту, встречаемому в другом вавилонском произведении.

IV, 18. То есть волшебной птице Анзү.

IV, 31. По-видимому — в голубя.

IV, 46—47. *Жрец* — собственно *эн*, то есть — жрец, совершавший обряд «священного брака». Нередко — сам царь.

IV, 48. *Священники* — дословно: «помазыватели океана». «Океаном» назывался большой медный сосуд в храме; по-видимому, он считался олицетворением одного из божеств и поэтому, как живое существо, умащался маслом. «Помазыватели» принадлежали к рядовым служителям культа.

VI, 3. В ор. «Друг мой», что кажется нам необъяснимым. Предполагать здесь начало речи Гильгамеша трудно.

Табл. VIII, 1; 2 и далее. До стиха 35 от основного текста НВ сохранились лишь ничтожные отрывки, и текст восстанавливается по ученической записи из Хузирины (ныне Султан-тепе, далее — СТ). Этот текст, частично использовавшийся нами и в таблице VII (от начала столбца II до начала столбца III), видимо, писался школьником под диктовку и со многими грубыми ошибками.

I, 5. Или: «...хвостатые тебя воспитали...»

10. Или: «Да плачет народ, что нам слал вослед благословенья».

Табл. IX, 1, 6. *Утнапишти Дальний* (см. словарь) — по верованиям вавилонян, единственный из людей, принятый в собрание богов и тем самым приобретший божественное существование для себя и своей жены; как это произошло — будет видно из дальнейшего (см. табл. XI).

После II, 23—24. Речь Гильгамеша к человеку-скорпиону, несомненно, отличалась от его же речей в X таблице, так как иначе нарушалось бы эпическое правило троичности. В тексте не хватает двадцати пяти — тридцати стихов, которые мы решили дополнить повторением последующих речей Гильгамеша, потому что смысл сказанного им должен был, во всяком случае, быть к ним близок. Нумерации стихов мы здесь не даем.

II, 1. По представлениям вавилонян, земля окаймлена круговым хребтом гор — Плотиней Небес; на ней покоятся металлические небесные своды (три, пять или семь), а позади нее находится Мировой Океан, мыслившийся то пресноводной Рекой, то водами смерти. Земля плавает на поверхности Океана или прикрывает его, как крышка (см. табл. XI, 31). В Океане — острова блаженных. В той же Плотине Небес имеются горы-близнецы — *Мáшу*, и между ними медные ворота, охраняемые людьми-скорпионами. Через них Солнце-Шамаш ежедневно проходит из Преисподней на небеса и обратно уходит с небес длинным ходом, поперек пересекающим гору Плотины Небес и выходящим к Мировому Океану, по-видимому сообщаемому с Преисподней.

VI, 36. Гильгамеш, по-видимому, попал в Земной рай на берегу Мировой Реки (Океана). Возможно, это было первым испытанием ему — способен ли он принять вечную жизнь. Покинув волшебный сад, он не прошел первого испытания. Другие исследователи, также считая, что Гильгамешу были даны три возможности приобретения вечной жизни (или вечной молодости), не относят к ним его пребывание в Земном раю.

Табл. X, 1, 22. Между стихами I, 22 и II, 11 основной НВ, стихами а — о позднего фрагмента и стихами II, 12 и далее «Таблицы Мейснера» (СВ) нет ясных стыков. Самые необходимые «мостики» досочинены переводчиком.

После III, 14. НВ очень сокращает ответ Гильгамеша; в СВ содержится другой любопытный текст: «Гильгамеш ей вещает, хозяйке: «// Что это, хозяйка, ты мне сказала? // Из-за друга моего болит мое сердце! // Что это,

хозяйка, ты мне сказала? // Из-за Энкиду болит мое сердце! // Ты живешь, хозяйка, над обрывом у моря, // И ты видишь все пути через море: // Дай мне верный путь до Утнапишти, // Если возможно, переправлюсь морем!»

II, 29. Дословно: «У него есть некие каменные, в лесу он ловит (или: собирает)...» Под «некими каменными» разумеются, по-видимому, амулеты-идольчики, не называемые прямо из-за табу. Что именно ловит Уршанаби, чтобы переправляться через воды смерти,— не ясно, однако на изображениях магическая лодка бывает связана со змеем или сама принимает вид змея.

II, 35. Следующие три стиха сочинены переводчиком для связи.

После III, 35a. Использован новонайденный СВ отрывок СТ X, VI, табл. XXVIII.

IV, 10. Знаки видны, но плохо читаются. Перевод по догадке.

После V, 22a ожидалась бы реплика Утнапишти, однако она отсутствует как в списке библиотеки Ашшур-банапала, так и в недавно опубликованном более позднем (?) списке Британского музея.

V, 39 и далее 40, 42. В оригинале вместо «смертный» — слово *lillu*, означающее: «слабый, неполноценный», но также, по-видимому, «ребенок женщины от духа или божества» (особенно злого), а может быть, и «ребенок богини от смертного». Возможно также, что *lillu* то же, что *lilû* — «инкуб» — злое сверхъестественное существо, являющееся женщинам по ночам, мужское соответствие «Лилит» — *lilitu* — «суккубе», посещающей мужчин, отчего рождаются оборотни и полудемоны. По одной из легенд о Гильгамеше, он был то ли «ребенком-лиллу», то ли «сыном инкуба-лилу». Смысл в любом случае тот, что Гильгамеш не принадлежит к числу бессмертных.

Табл. XI, 11—196. Этот отрывок, по всей вероятности, отсутствовал в разных версиях аккадской поэмы о Гильгамеше. Один из поэтов-редакторов,— вероятно, Син-лике-унпиши,— вставил сюда большой отрывок из отдельно существовавшей эпической поэмы «Когда боги, подобно людям...» (Сказание об Атрахасисе). Он сделал текст лаконичней, а вложив его в уста героя в виде прямой речи, придал ему большую эмоциональность.

17—18. Бог войны Нинурта назван *guzalû*, собственно «носителем трона», приближенным слугой царя; Эн-нуги (прозвище бога Подземного царства, а в данном

случае и подземных вод, Нергала) назван *gugallu* — «управляющим оросительными работами», «ответственным за орошение»; в Средней Азии этой должности соответствует «мираб», так Эннуги и назван в переводе, ибо мы не нашли более общеупотребительной передачи этого понятия.

31. Об «Океане» см. примеч. к табл. IX, II, 1.

57. Площадь ковчега была равна 1 «ику» — около $\frac{1}{3}$ гектара, высота «стен» (бортов) — 10 «гар» — около 60 м.; каждая сторона также в 60 м.

63. Что такое *водяные колки* — не ясно.

98—99. *Адду* — бог дождя и грозы, *Шуллат и Ханиш* — его гонцы.

103. Считалось, что большинство богов из рода Ануннаков обитало на земле и под землей, поэтому-то они и пытаются спасти землю. А Нергал принадлежал к небесному роду богов — Игигам.

114. По верованиям вавилонян, существовало несколько (три или семь) твердых небес; одно из них — небо Ану.

116. *Иштар* — здесь тождественна упоминаемой ниже Дингирмах.

162. В тексте — Дингирмах, одна из многочисленных шумерских ипостасей богини-матери.

187. *Многомудрый* — акк. *atra hasis* (ср.: примеч. к табл. XI, 11 и далее).

231. *Похититель* — бог судьбы, приходящий за умирающим.

236. Этими загадочными словами Утнапишти намекает Гильгамешу на волшебные свойства воды у берега моря; они способны все обновлять. Но Гильгамеш понимает его буквально и обновляет... только свою одежду, а не самого себя! Объяснение принадлежит А.-Л. Оппенгейму.

273. С Океаном может сообщаться достаточно глубокий колодец.

302—305. Концовка повторяет слова пролога (таблица I, строки I, 16—19) и, подобно ему, видимо, имеет позднейшее происхождение (конец II тыс. до н. э.). Далее следуют не совсем понятные и, по всей вероятности, вставленные позднее строки, описывающие размеры города Урука. Они опущены нами в переводе.

В колофоне: *книга* — букв.: «серия глиняных табличек».

И. Дьяконов

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЖИЗНЬ

«ЭЙА ИР'ЕМУМА ЛЮБИТ...»

Любовное заклинание

Аккадское царство, север Нижней Месопотамии,
около 2200 год до н. э.

Издания: I. J. Gelb. *Materials for the Assyrian Dictionary*, V. Chicago, 1968, № 8; J. and A. Westenholz. *Help for Rejected Suitors*, «*Orientalia*», 46, 2 (1977), pp. 198—219. На русском языке публикуется впервые.

Для понимания этого заклинания надо знать следующее: Эйа, бог мудрости, — знаток и покровитель всех чар и заклинаний; Иштар и Ишхара — богини любовной страсти; Ир'емум — демон любовной страсти, призываемый на помощь заклинателем, которого пригласил юноша, чтобы навести любовные чары на полюбившуюся ему девушку или женщину. В противность мнению некоторых исследователей, заклинание не имеет отношения к свадебной обрядности: речь идет о незаконной любви, почему юноша и обратился к колдуну, а не к родным девушки (сама располагать своей рукой она не могла, даже под влиянием колдовства). Неправильное понимание текста издателями потребовало частичного пересмотра предлагавшихся переводов.

Все заклинание вложено в уста колдуна. В тексте речь идет о двух магических растениях: во-первых, о мастиковом дереве (а к к. *kanaktum*, лат. *Pistacia lentiscus* или *mutica*) — небольшом деревце, кора которого непрерывно выделяет капли прозрачной ароматической смолы — мастика; эти капли затвердевают и темнеют от воздуха; их обламывают и употребляют для магии, а также как ароматическое вещество и как род лака; и во-вторых, о низкорослом евфратском тополе (*Populus euphratica*), наиболее обычном дереве Нижней Месопотамии.

Текст написан на верхнемесопотамском диалекте староаккадского языка, мало изученном, и поэтому, хотя сохранность его хорошая, чтения и переводы некоторых слов вызывают сомнения.

4—6. Перевод «*шлет он*» ненадежен. Речь идет, как полагают издатели, о двух дочерях Эйи, владыки заклинаний; но возможно, что это Иштар и Ишхара. «*К капле*» — в подлиннике: «к слюне».

7—8. Перевод «и в ответ они» ненадежен.

12. Дословно: «Я взял в обладание ее рот отдаленности», и т. д. «Я» — это чародей.

15—16. Перевод «злую» предполагает необычное чтение одного знака.

17—18. Дословно: «Я прыгнул в сад бога Луны» (Су'эна, или Сина).

21—22, 30 и 38. В подлиннике слова «дева» нет, но что речь обращена к женщине, видно из употребленной глагольной формы.

23—25. Слова «как» в подлиннике нет, но оно подразумевается.

25. В подлиннике слов «Скажешь ты» нет, но здесь вводится прямая речь, а именно — красавицы, на которую колдун наводит чары.

26—27. Перевод первой половины стиха — под сомнением.

28. Наличие именно слова «елея» в подлиннике — под сомнением.

32. См. выше, примеч. к 25. Начинается вводная прямая речь Ир'емума (или колдупа). «Желанные губы» — дословно: «Твой рот страстей (желаний)».

И. Дьяконов

«ОСТАВЬ ПОПРЕКИ!..»

Диалог двух влюбленных

Начало II тысячелетия до н. э.

Издания: M. Held. *Journal of Cuneiform Studies*, XV, XVI, 1961; на русском языке: В. Афанасьева. *Восточный альманах*, вып. V. «Обелиск свободы». М., 1976, с. 527—538.

I, 6—7. Дословно: «Кто лежит под женщиной, собирает бурю».

I, 20—21. Дословно: «Расскажи своей сопернице, как мы бодрствуем».

II, 20—22. Строки оставлены без перевода, так как они плохо сохранились и интерпретация их сложна.

III. Сильно разрушенное начало столбца III (более 20 строк) все же дает возможность по отдельно сохранившимся словам обнаружить некоторые ассоциации с «Песнью песней»: «газель», «я бегу и не могу догнать его...», «я отдала б его Иштар в подарок...»

IV. 13—14. Возможна иная интерпретация, предложенная Хелдом: «Да скроются они, да станет их меньше! Вот в этот самый миг, толпа их (буквально: «3600 из них») да исчезнет!» Вслед за И. М. Дьяконовым я перевожу аккадское многозначное существительное «šār» как «ветер», а не как «3600» в значении множества.

В. Афанасьева

«В ВОДАХ ПОТОКА...»

Заклинание для роженицы

I (?) тысячелетие до н. э.

Издание: J. van Dijk. Une incantation accompagnant la naissance de l'homme. «Orientalia», vol. 42, fasc. 4, 1973, pp. 502—507. По-русски публикуется впервые.

Аккадское заклинание для рожениц «*Inā mē nārim*» выделяется среди группы заклинаний подобного типа своими высокими литературными достоинствами. Как по форме, так и по содержанию оно с полным правом может быть отнесено к шедеврам древневавилонской литературы. Мотив рождения младенца разработан в первую очередь в философском плане в соответствии с космогоническими представлениями вавилонян: младенец, вернее человеческий зародыш, как бы зарождается в пучинах мировых вод и, прежде чем появиться на свет, путешествует по далекой и неразгаданной бездне — первоизданной стихии Тиамту. Другие космогонические мотивы — участие в его рождении богини-матери и указание на рабскую участь человека, созданного богами, чтобы работать на них, близки вавилонским эпическим произведениям о сотворении человека, и в первую очередь эпосу об Атрахасисе. Стандартным является обращение к богу-помощнику Асаллухи.

Текст написан двухсложным, характерным для более ранних вавилонских литературных произведений, «коротким» размером: ∪ ∪ ∪ ∪, но и с употреблением и более длинных трехсложных и четырехсложных стихов в отдельных строчках. Первые семь имеют строгую организацию, с рифмовкой трех последних строк на одно окончание. Буквально эти строки звучат так: 1, «в водах потока» (Ван Дейк переводит: «супружеского акта»), 2. созданся остов (костяк, скелет), 3. в ткани (плоти, мясе) мускулатуры (жилах и т. д.), 4. созданся зародыш

(побег, рождаемое), 5. в водах моря вихрей (водоворотов), 6. ужасающих (страшных), 7. в водах бездны (Тиамоту) далекой.

12. Дословно: «Он отвязал (распутал) клубки (нечто смешанное) прикрепления (крепких связей)».

16—17. Строки плохо сохранились, не все знаки восстанавливаются, но видно, что они не дублируют буквально предыдущие 14 и 15 строки.

18. Восстановлено по аналогии с близким по смыслу отрывком из эпоса о сотворении человека. Здесь могло быть названо конкретное имя богини рождения, но в Вавилонии их было несколько, а сохранившиеся знаки не дают возможности угадать, какой именно. Во всяком случае, ясно, что это не «повитуха богов Мами» из известного эпоса об Атрахасисе.

19. «Жизнь» восстановлено условно, по аналогии с эпосом об Атрахасисе.

21. Дословно: «Для колодки». Нам представляется, что имеется в виду деревянная рабская колодка, которая надевалась на шею. Это соответствует вавилонскому воззрению, согласно которому человечество создано, чтобы работать на богов и вместо них.

23. Дословно: «Тростниковая ширма» или «пастушья палатка».

25. Восстановление имени бога Асаллухи здесь чисто условно. Здесь скорее могло быть имя какой-либо богини-покровительницы (ср.: в шумерском заклинании — богиня Гула). Но мы предпочли ввести уже привычное для читателя имя Асаллухи.

26—27. Дословно: «Как налюбимейший (избранник) сам появился».

В. Афанасьева

«ТЕЛИЦА ТЯЖЕЛАЯ...»

Заклинание для роженицы

Издание: J. van Dijk. Une variante du thème de «l'Esclave de la lune». «Orientalia», vol. 41, fasc. 3, 1972, pp. 339—348. На русском языке публикуется впервые.

Заклинание для роженицы посвящено родам молодой телочки, но одновременно имеется в виду и женщина. Реальное событие — роды — включает в себя мифологические и этиологические мотивы. Основной миф — о боге Луны, спустившемся в свое небесное стойло, чтобы опло-

дотворить телку, носящую имя «рабыня Зуэна» (то есть бога Луны).

В публикуемом заклинании лунное божество заменено богом солнца Шамашем и его сыном Шакканом — «божественным осленком», — роды происходят в их стойлах. По всей видимости, замена была произведена в связи с особенностями местного пантеона. В строке 7 даже сохранен термин *ella-me* — что значит «ритуально-чистый», или «чьи ритуалы чисты» (в нашем переводе «пре-светлый») — постоянный эпитет именно бога Луны.

9—10. Параллельное построение. Дословно: «То коровам моим — нераскрытым, то сосуночкам моим — нерожденным». Ван Дейк толкует строки 9—11 иначе: «По корове моей, которая еще не тронута, то есть слишком молода, по моей телочке, которая еще не должна телиться. Но она зачала и слишком узка». По нашему толкованию, речь идет об определенном моменте родов и об опасении Шамаша — магическая формула, долженствующая вызвать ускорение процесса раскрытия матки и рождения. Середина текста разбита, но сохранились отдельные слова: «(две?) дочери пеба...», «своею рукой...» и т. д. Видимо, речь идет о помощи телице. В ряде заклинаний такого типа упоминаются два гения-хранителя, помощники при родах, приносящие живительную воду.

16—17. Перевод спорный из-за терминов *alīdāni* и *naptartu*. Ван Дейк считает, что здесь подразумеваются какие-то предметы, которые должны быть вложены в руку новорожденных как знаки их судьбы. Наше толкование основано на хорошо засвидетельствованном значении слова (*a*)*līdānu* — «молочный бычок, козочка, малыш, потомство у животных», а также значения *naptartu* — «дружественный гость». По нашему мнению, оба существительных — магическое обозначение новорожденных.

20. Слово «дитя» вставлено. В тексте: «Пусть упадет (будет опущено) на землю». Текст предполагает постоянное чередование смысла — животный детеныш и человеческое дитя.

В. Афанасьева

«ЖИТЕЛЬ ПОТЕМОК ПРСЧЬ ИЗ ПОТЕМОК...»

Колыбельная песня-заговор из Ашшура

Текст хранится в Государственном Эрмитаже. Издана В. К. Шилейко под этим названием в «Докладах Академии наук СССР», серия В, 1929. БВЛ, т. 1, с. 221.

9. *Богиня Анту* — супруга бога Ану (шумер. Ан). В данном тексте оба бога выступают как верховные покровители врачевания и божеств-врачевателей.

11—12. *Даму, Гула и Нинакукутту* (*Нинахакудду*) — божества-врачеватели, охраняющие здоровье людей, а также покровители целительного колдовства.

И. Дьяконов

«КОГДА АНУ СОТВОРИЛ НЕЕО...»

Заговор против зубной боли

Издания: R. Campbell Thompson. CXVII (1903), p. 160; B. Meissner. Mitteilungen der Vorderasiatisch-ägyptischen Gesellschaft, 1904, Heft 3, SS. 40—45; Fr. Thureau-Dangin. RAss. XXXVI (1939), pp. 3—4; A. Heidel. The Babylonian Genesis (Chicago, 1942), pp. 72—73; J. Pritchard. Ancient Near Eastern texts, 1955, pp. 100—101. На русском языке полностью впервые.

Заклинание против зубной боли датируется нововавилонским временем (после VI в. до н. э.), однако колофон указывает, что это копия более раннего текста. В документах из Мари старовавилонского времени была найдена табличка заклинания против больного зуба, но с текстом на хурритском языке, и, судя по отдельным понятным словам, данному нововавилонскому она не соответствует.

7—8. Употреблена трафаретная эпическая формула.

11. Дословно: «Я дам тебе спелых фиг...»

18. Дословно: «И в челюсти буду глодать глодание ее».

20. Дословно: «Укрепи колышек (острие) и ухвати его за ноги». По мнению современных специалистов-стоматологов, речь идет об удалении (экстракции) больного зуба. Под «зубным червем», возможно, подразумевается воспаленная пульпа, внешне напоминающая червя.

22—23. Расположение строчек в подлиннике несколько иное: 22. «Да поразит (ударит) тебя Эйя в мощи (силоу) 23. руки своей».

В. Афанасьева

«РАБ, ПОВИНУЙСЯ МНЕ!..»

Разговор господина с рабом

Издание: W. G. Lambert. Babylonian Wisdom Literature. Oxford, 1960. В стихотворном переводе впервые. Прозаический перевод был осуществлен В. В. Струве («Религия и общество». Л., 1926, с. 41—59).

Это пропозирование в современной науке называется также «Диалог о пессимизме». Оно дошло до нас в пяти более или менее поврежденных списках из Ассирии и Вавилонии. Старейший из списков датируется VII веком до н. э., наиболее поздний — селевкидским периодом (IV—II вв. до н. э.) Сам текст относится, предположительно, к X веку до н. э. «Диалог» был в древности весьма популярен и имел хождение в нескольких вариантах. Контаминация вариантов и привела, видимо, к путанице в IV—V строфах. В предлагаемом переводе впервые сделана попытка дать предположительную реконструкцию этих строф. Наш перевод отличается от предшествующих также и в ряде других мест.

III. Раздумав ехать во дворец, то есть стать придворным, вельможей (строфа I), Господин решает сделаться бродягой. Ср. также: «Царь всех обиталищ...», примеч. к I, 9.

IV—V. Предполагаемое восстановление этих строф основано на сохранившихся частях строк и вариантах. Строки, не имеющие нумерации, отсутствуют во всех известных вариантах и добавлены переводчиком по смыслу.

VII. Раздумав обзаводиться семьей (IV), Господин желает предаться «свободной» любви.

VIII. Вместо того чтобы поесть самому (II), Господин решает покормить бога, то есть принести ему жертву. Раб объясняет, что и это бессмысленно, ибо бог капризен и требования его бесконечны. (Дословно: «...То он требует от тебя обрядов, то говорит: «Не задавай вопросов своему богу!», то требует чего-либо еще».)

IX. Ответчик в суде (V) — обычно должник, смиренный бедняк. Господин хочет стать ростовщиком, богачом, которому часто приходится судиться с должниками. Таблица «е» содержит менее выразительный вариант этой строфы:

«Раб, повипуйся мне!» — «Да, господин мой, да!»

«Раздам-ка я пропитанье моей стране!» — «Верно,

раздай, господин мой, раздай.

У человека, что раздает пропитанье своей стране, зерно
Без счета». — «Нет, раб, не раздам я пропитанья своей
стране!»

«Не раздавай, господин мой, не раздавай. Зерно твое
они съедят, а рост на зерно

Недодадут тебе, а тебя будут клясть беспрестанно».

X. Отказавшись от намерения учинить злодейство (VI), Господин хочет сделать доброе дело. Строка 76 —

проницательный парафраз строки из поэмы «О все выдавшем» (I, 1, 16): «Поднимись и пройди по стенам Урука...»

XI. Здесь формулируется конечный вывод о бессмысленности любых поступков и самой жизни. Строки 83—84 цитата (в аккадском переводе) из шумерской поэмы «Жрец к Горе бессмертного...», одной из многих предшественников аккадского эпоса о Гильгамеше (20—29). Там эти слова служат обоснованием героического идеала, здесь — решающим доводом для отвержения жизни: раз нельзя получить все, не надо ничего.

В. Якобсон

«НИППУРЕЦ, МУЖ СМирЕННЫЙ И БЕДНЫЙ...»

Сказка о ниппурском бедняке

Издание: O. R. Gurney and J. J. Finkelstein. The Sultantepe Tablets, vol. I. London, 1957, №№ 38, 39. На русском языке: «Древний Восток», I, М., 1975, с. 220—224.

Вавилонская поэма «Ниппурский бедняк», очевидно, представляет собой литературно обработанную запись устной народной сказки. Данный сказочный сюжет широко распространен в мировом фольклоре: указатель сказочных типов Ст. Томпсона дает под номером 1538 большое число аналогичных сказок — арабских, испанских, итальянских, французских, греческих, турецких, русских, норвежских, англоамериканских и латиноамериканских. «Ниппурский бедняк» относится к разряду сказок «о ловких людях». Сказку нельзя назвать «сатирической»: главное в ней — проделки хитреца, а не осуждение его антагониста. Однако компенсаторный характер сказки не вызывает сомнений; рассказчик и его слушатели, по-видимому, с наслаждением предавались мысленному уничтожению алчного градоправителя. В реальной жизни они едва ли могли что-нибудь поделать, столкнувшись с подобным представителем власти.

Эта, по существу, единственная известная в настоящее время вавилонская сказка условно датируется серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э.; сохранившиеся списки относятся к VIII—VI векам до н. э. Целая табличка с текстом поэмы была обнаружена при раскопках древней Хузирины (городище Султан-тепе). Здесь же был найден фрагмент другого списка. Известно еще два фрагмента табличек с текстом этой поэмы: один из библиотеки Ашшурбанапала (668—около 635 гг. до н. э.)

в Ниневии, другой — крошечный обломок школьной таблички нововавилонского периода (626—539 гг. до н. э.) из Ниппура. По-видимому, в I тысячелетии до н. э. сказка пользовалась популярностью и в ученой среде.

Поэма написана обычным для литературных вавилонских произведений четырехударным стихом, разделенным цезурой на два полустишья; женское окончание (ударение на предпоследнем слоге) стиха строго соблюдается.

34—40. Гимиль-Нинурта, вероятно, совершает ошибку: как полагают некоторые исследователи, в Месопотамии левой рукой было принято давать взятку, а правой — «честный дар».

78. *Мина* — ок. 0,5 кг.

84. *Эдуранки* — храм в Ниппуре.

94. Вавилоняне делили ночь (время от заката до восхода солнца) на три стражи.

96—108. Градоправители несли ответственность за нераскрытые грабежи и кражи, случавшиеся на управляемой ими территории.

106—106. Жители Ниппура и некоторых других священных городов находились под особой защитой богов и пользовались определенными привилегиями.

160. Дословно: «Градоправитель, труп неживой, вошел в город».

161—73. Эти строки представляют собой приписку-колофон.

169—70. Ханани был эпонимом 701 года до н. э. в Ассирии.

И. Ключков

«ДЛЯ ЧЕГО, СЛОВНО БАРКА...»

Плач-заклинание

Издания: A. Strong. On some oracles to Esarhaddon and Asurbanipal. 1894, p. 634; E. Reiner. «Die akkadische Literatur» in Altorientalische Literaturen, b. I. Wiesbaden, 1978, SS. 186—187. На русском языке: В. К. Шилейко. Родная старина. — В сб.: «Восток», кн. I, Пг., 1922, с. 80—81. Ранее публиковался без нумерации строк; здесь — нумерация условная.

Уникальный текст, представляющий собой плач по самой себе, по ушедшей любви, вложенный в уста умершей женщины. Из библиотеки Ашшурбанапала, VII века до н. э. Написан на новоассирийском диалекте не позднее IX века до н. э.

2. Э. Райнер восстанавливает: «Твои перекладыны (реи) разбиты, твои канаты перерезаны». Параллельное сравнение, следовательно, развивает образ разбитой, сломанной барки. Образ гопимого, разбитого судна в отношении к потерянному, страждущему человеку — шумерского происхождения (также аккадское, ср. заклинание из серии «Утешения сердца божия», с. 242).

3. В подлиннике: «река внутреннего города» — то есть Ашшура. (*Примеч. В. К. Шилейко.*)

4. У Э. Райнер: «Как не быть мне гонимой, моим канатам перерубленными?»

5—6. Э. Райнер предлагает иную трактовку: «В день, как я подарила ему мою прелесть, как я была рада! Рада была я, рад был мой жених!»

Далее раскрывается тема страданий родами, обращения за помощью к матери, воспоминания о любви нареченного. Не исключено предположение, что текст вложен в уста умершей от родов.

В. Афанасьева

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БОГ

«МУЖ СО СТЕПАНИЕМ...»

Старовавилонская поэма о Невинном страдальце

Поэма сохранилась в единственном списке XVII в. до н. э. Перевод выполнен по изданию: J. Nougat. Une version ancienne du «Juste souffrant». — «Revue biblique», vol. 59, 1952, pp. 239—250. На русском языке — впервые.

Проблема страдания невинных издавна занимала вавилонян; этой теме посвящено несколько шумерских и аккадских сочинений II тысячелетия до н. э., в том числе и публикуемые в настоящем сборнике «Поэма о Невинном страдальце» и «Вавилонская теодицея». Эти поэмы вышли из культовой лирики — покаянных псалмов, молитв-жалоб, писем к богам. К древнейшим аккадским поэмам этого круга относится поэма «Муж со стенанием...», представляющая собой обрамленную молитву-жалобу, рассказ о каком-то случае произнесения такой жалобы.

1. Возможен и другой перевод: «Муж, точно другу, своему богу плачется...»

И. Клочков

«ВЛАДЫКУ МУДРОСТИ ХОЧУ Я ВОССЛАВИТЬ...»

Из средневавилонской поэмы о Невинном страдальце.
Таблица II.

Издание текста: W. G. Lambert. *Babylonian Wisdom Literature*. Oxford, 1960. На русском языке — впервые.

Поэма «Владыку мудрости хочу я восславить...», посвященная проблеме невинного страдания, принадлежит к жанру дидактической литературы и тесно связана с культовой лирикой: покаянными псалмами, молитвами-жалобами, письмами к богам и т. п. Поэма состояла из четырех таблиц, но две последние плохо сохранились.

«Владыка мудрости» — главный бог города Вавилона Мардук, и поэма воспекает его величие и всемогущество.

Краткое содержание поэмы: некий Шубши-мешре-Шаккан (его имя мы узнаем как бы мимоходом из третьей таблицы поэмы, строка 43) был, по-видимому, перед тем, как на него обрушились многочисленные бедствия, влиятельным вельможей при дворце вавилонского царя. Судя по его имени, а также по именам (возможно, реальным) двух его знаменитых современников, упоминаемых в этом тексте (одного — из города Ниппура, другого — из Вавилона), поэму следует датировать позднекасситским временем, то есть не раньше конца II тысячелетия до н.э.

Таблица первая описывает социальные несчастья «страдальца»: несчастный жалуется на потерю богатства, социального положения, царского доверия, почтения и любви сограждан. Он живет теперь безвестный и презираемый, ничем, по его мнению, не заслужив подобных невзгод. К описаниям его мук во второй таблице прибавлены страдания физические — он поражен всевозможными недугами, которые причиняют ему жесточайшие мучения, телесные и нравственные. Но есть и надежда на исцеление — в таблице третьей в трех последовательных снах ему являются персонажи, которые его очищают и ходатайствуют за него перед Мардуком. В таблице четвертой посланец Мардука приносит ему прощение и обещает счастье.

Поэма была настолько популярна, что в первом тысячелетии до н. э. к ней составлялись специальные комментарии-толкования, разъясняющие многочисленные места, темные и непонятные уже в древности. В настоящем издании публикуется вторая таблица, наиболее поэтичная и выразительная.

7—9. Перечисляются разные категории заклинателей и жрецов-прорицателей, к которым обращался страдалец за исцелением.

11. Часто переводят: «Я оглянулся назад». Мы исходим в своем переводе из представлений вавилонян о времени: «будущие дни» — дословно «задние дни» (так в тексте, то есть дни, которые нагоняют человека).

16. Имеется в виду ежемесячный праздник, во время которого совершались торжественные жертвоприношения.

32. «Чернь» — дословно: простонародье, ремесленники.

37. Дословно: «Кто поймет намерения богов подземного мира?»

40—42. Дословно: «Неожиданно (вот только что) он был мрачен (темен), тут же (быстро) он шумно ликует; он громко кричит, в одно мгновение он издает хвалебные кличи. От начала первого шага (или не успел он сделать первый шаг) он тяжело вздыхает, как профессиональный плакальщик».

43. В тексте дословно: «Как открытие и закрытие». Наш перевод — «как день и ночь» — взят из комментария, разъясняющего смысл строки.

46. Можно перевести: «Вот я поднялся на небо».

48—49. Текст плохо сохранился, перевод условный.

53. То есть Апсу.

54. *Экур* — буквально: «дом Горы», храм Эллиля в Ниппуре. Здесь в значении подземного мира, чье название было «кур».

55. Буквально: *Ламашту* — демоница (см. словарь). «Из горы» — то есть из Подземного царства.

70. Дословно: «Словно болотное растение».

71. Дословно: «Демон алу́» — злой демон.

73—79. Четырехсложный размер перебивается трехсложным.

84—85. Здесь страдалец сравнивает себя со взнузданным конем, так как употреблена специальная терминология: удила (или, может быть, шоры), мундштук и т. д. Обычно это место переводят несколько иначе.

86. Видимо, продолжение сравнения с лошастью.

94. Дословно: «Мои ткани воспалены и пойманы (схвачены) болезнью *urriqtu* (желтухой)».

119—120. Обычный перевод и трактовка этих строк: «Но я верю [знаю] в день для всей моей семьи, когда среди всех моих друзей их солнечный бог им окажет милость». Наш перевод основан на ином чтении и разделении знаков: двустипшие составлено по принципу параллельного и хаотического построения.

В. Афанасьева

«УСПУЛИ КНУЗЬЯ...»

Молитва к ночным богам

Текст (копия эллинистического времени с текста начала II тыс. до н. э.) хранится в Государственном Эрмитаже. Издана В. К. Шилейко под этим названием в кн.: «Известия РАИМК», III. Пг, 1921.

6. *Иштар* — здесь: видимо, планета Венера.

17—20. В тексте перечисляются созвездия, вавилонские названия которых не совпадают с современными. *Крестовина* — перевод комментатора, у В. Шилейко — распятие (ошибочно).

И. Дьяконов

«ВЫШЛА ОНА НА ПРОСТОР...»

Из книги заклинаний

Изд. текста: H. Zimmer. Sumerische Tammuzlieder, Berichte über die Verhandlungen der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, «Philologisch-historische Klasse», 59. Band IV, Lpz., 1907; S. Langdon. Sumerian and Babylonian Psalms, Paris, 1909; M. Witzel. Neue Übersetzungsversuche sumerisch-babylonischer Tammuzlieder, RAss. X, 3, pp. 173—176. На русском языке: В. К. Шилейко. «Восток», кн. IV, М.—Л., 1924 с. 21—23.

«Эденна Усагга» (в переводе В. Шилейко — «Вышла она на простор...») — сборник обрядовых шумерских песен, существовавший и в аккадском переводе. В. Шилейко перевел с аккадского два отрывка из этого сборника — начало первой и четвертой таблиц.

Цикл относится к серии плачей Инанны-Иштар по Думузи-Таммузу, по-видимому, разыгрывавшихся как действо и исполнявшихся сольными партиями. В настоящее время перевод этих песен в научном отношении значительно устарел. Мы помещаем этот текст как образец творчества В. Шилейко, поэта и переводчика, сумевшего художественно выразительно передать дух и образность древневавилонской поэзии.

В. Афанасьева

1. «ШАМАШ, КОГДА ТЫ ВОСХОДИШЬ...»

Из заклинаний Солнца

2. «СКОРБЬ, КАК ВОДЫ РЕЧНЫЕ...»

Из заклинаний

Ранее публиковались: БВЛ, т. 1, с. 222—224.

В нашем сборнике памятников Вавилонии и Ассирии приводятся, в переводе В. Шилейко, два образца из обширной вавилонской литературы заклинаний. Приводимые образцы в подлиннике — двуязычные, то есть написаны по-шумерски с подстрочным аккадским «переводом»; в действительности аккадский текст, по-видимому, представляет собой оригинал, вторично переведенный на «священный» шумерский язык для придачи заклинанию большей «действенности». Каждое заклинание сопровождалось шумерским описанием обряда, который должен был его сопровождать; в переводе это описание опущено. По форме заклинания как будто предназначены для очищения — от злых чар и «наваждения» (то есть от болезни) — только царя; однако можно предположить, что они же могли применяться заклинателем и по заказу любого человека.

Великая гора — здесь: мироздание. *Дуль-ку(г)* — обиталище богов.

Царский бог. — Каждый человек считался имеющим своего бога-покровителя.

И. Дьяконов

«ТЕБЕ МОЛЬБЫ МСИ,
ВЛАДЫК ВЛАДЫЧИЦА, БОГИНЬ БОГИНЯ!...»

Заклинание-молитва к Иштар

Основные публикации: L. W. King. STC, II, PL. 75—84, I, pp. 222—237; A. Ungnad. Die Religion der Babylonier und Assyrier, Jena, 1921, SS. 217—222; E. Ebeling. In AOT, pp. 257—260; E. Reiner — H. G. Güterbock. The Great Prayer to Ishtar and its Two Versions from Bogazköy, JCS 21, 1967, (1969), pp. 255—266. J. Pritchard. Ancient Near Eastern texts, 1955, pp. 384—385. На русском языке — впервые.

Настоящий текст представляет собой копию нововавилонского времени (VI в. н. э.). На колофоне указано, что данный текст является собственностью храма Эсагилы в Вавилоне и что он скопирован с более раннего образца в городе Борсиппе. Есть также версии новоасси-

рийского времени и еще более ранние хеттские редакции из Богазкёя (середины II тыс. до н. э.).

Сравнение поздней версии с более ранними позволило установить, что первоначальный текст молитвы был короче и компактнее; она была расширена за счет увеличения числа рефренов и вставок, которые связывали между собой различные части молитвы, — таковы, например, строки 44, 54, 92 — призыв к богине милостиво взглянуть на страдальца, или куски, начинающиеся словами: «смилуйся надо мною» — 27—30 и 45—50. Видимо, этим обстоятельством объясняется и перебивка размеров в разных отрывках молитвы. Молитва соединяет в себе, таким образом, гимн-славословие к Иштар, преимущественно как к богине войны и распри, покаянный псалом и заклинание. В конце текста по-шумерски было приписано, как этим заклинанием следует пользоваться: ритуал, сопровождающий чтение молитвы: «в месте, куда не ходят, ты выметешь крышу, ты окропишь [ее] чистой водой, ты разместишь в углу четыре кирпича, между которыми ты навалишь стружки тополя, ты разведешь огонь, ты насыплешь аромагов, тонкой [просеянной] муки, кипариса, ты сотворишь возлияния, не склопаясь. Ты произнесешь три раза это заклинание. Лицом к [звезде] Иштар ты склонишься. Затем [ты удалишься], не оборачиваясь».

10—11. *«Предавшая друга»* — по-видимому, Думузи-Таммуза, своего возлюбленного. Когда богиня низошла в Преисподнюю, то, чтобы вернуться, предала Думузи духам Подземного царства. Перевод условный.

13. *Гушэа* — одно из имен Иштар, также встречающееся в форме Агушэа или Агушайя.

34. *«Внесена ли или забыта»*. — Перевод спорный. Речь идет, видимо, о тех периодах, когда культы и ритуалы Иштар преследовались.

47—50. Построены на чередовании рифмоидных созвучий и однокорневых существительных и прилагательных.

51. Здесь Иштар названа львом в мужском роде, в то время как в строке 31 она — львица.

67—68. Речь идет о личных богах — хранителях человека.

103—104. Дословно звучат иначе: «Только Иштар — высока, только Иштар — царица, только Госпожа — высока, только Госпожа — царица». Перестановка произведена с целью передать попарно рифмующиеся созвучия каждой строки.

В. Афанасьева

1 «ХОРОШО МОЛИТЬСЯ ТЕБЕ...»

Закливание-молитва к Иштар

2 «МОГУЧИЙ, ПРЕСВЕТЛЫЙ МУЖ ЭРЕДУ...»

Закливание-молитва к Мардуку

Тексты заклинаний (I тыс. до н. э.) взяты из книги: F. Delitzsch. Assyrische Lesestücke mit den Elementen der Grammatik und vollständigem Glossar, 4, Ausg. Lpz., 1912. Ранее переводы публиковались: БВЛ, т. 1, с. 224—226.

I. 12—13. Так же, как и строки 17, 18, 19,—двойные.

II. 2. Подчеркнуто пышные эпитеты первых строк объясняются тем, что Мардук, как центральное божество, узурпировал эпитеты многих богов.

В. Афанасьева

«МУДРЫЙ МУЖ, ПОСТОЙ, Я ХОЧУ СКАЗАТЬ ТЕБЕ...»

«Вавилонская теодицея»

Перевод по изданию: W. G. Lambert. Babylonian. Wisdom Literature. Oxford, 1960, pp. 63—89, pl. 19—26. Порусски — впервые.

«Вавилонская теодицея» — принятое в ассириологической литературе название аккадской поэмы, написанной в первой половине XI века до н. э. вавилонским жрецом-заклинателем Эсагил-кини-уббибом. Первая ее строка, дающая название поэме, частично разрушена. Поэма состоит из 27 (или 25) одиннадцатистрочных строф; каждая строка в строфе начинается с одного и того же клинописного знака, а все знаки вместе образуют акrostих: «Я — (Э)сагил-ки[ни]-уббиб, заклинатель, чтущий бога и царя».

«Вавилонская теодицея» написана как диалог между Страдальцем, сетующим на «неправильное» течение дел в мире, и утешающим его Другом, который приводит в ответ традиционные возражения и объяснения.

Поэмы этого круга отличаются своим внекультовым характером и, очевидно, преследуют дидактические цели — дать человеку модель поведения в аналогичной ситуации. Оформились они впервые в э-дуббе; возможно, это были своеобразные упражнения древних учеников и учителей в сочинительстве. К концу II тысячелетия

до н. э. поэмы о невинных страдальцах значительно усложняются, испытав воздействие других жанров шумеро-вавилонской словесности. На «Теодицею» очевидно, сказалось влияние древнего жанра диалогов-споров.

В ученых кругах «Вавилонская теодицея» пользовалась известностью на протяжении тысячи лет: поэма сохранилась в 10—12 списках, происходящих из Вавилона, Ниневии, Ашшура и Сиппара. Самые древние таблички с текстом «Теодицеи» были найдены в библиотеке Ашшурбапала и датируются серединой VII века до н. э., а самые поздние — относятся к селевкидскому или даже парфянскому времени (конец IV—I вв. до н. э.). Сохранился также поздневавилонский филологический комментарий к поэме, в котором объясняются вышедшие из употребления слова и выражения.

Сохранность текста оставляет желать лучшего: несколько строф повреждены весьма сильно, а три (или, быть может, одна) утрачены полностью.

Теодицея — «богооправдание» — термин христианского богословия для выражения теологической задачи «примирить существование зла в мире с благостью, премудростью, всемогуществом и правосудием Творца»; применительно к вавилонскому религиозному сознанию может быть использован лишь очень условно. Бог и богиня, о которых идет речь в поэме, — личные божества, покровители человека.

17. *Хубур* — подземная река, окружающая царство мертвых.

21. Дословно: «Служащий богу имеет ламассу» (см. словарь).

86 и далее. Размеры лакуны могут быть и меньше, чем обозначено в тексте.

133—143. Отчаявшийся Страдалец отвергает традиционный образ жизни и общепринятые ценности. Отказываясь от дома и имущества, то есть своего социального лица, человек пытается уйти от сужденной ему судьбы, «переменить участь». Он как бы перерождается, становится кем-то другим, и злая судьба, определенная тому, прежнему, уже не может быть судьбой новоявленного скитальца. Спасая жизнь, бросает имущество герой вавилонского потопа Утнапишти («Эпос о Гильгамеше», XI, 24—26, 39—42); спасаясь от смерти, бежит в степь и Гильгамеш («Эпос о Гильгамеше», X, 8a—11).

180—187. Страдалец, несомненно, осуждает нарушение привычного порядка вещей,— все поменялись местами, все социальные роли перераспределены. Кошмарная картина вывернутых наизнанку социальных отношений нередко встречается в произведениях древневосточной словесности (ср. древнеегипетское сочинение «Речение Ипувера»). Насколько такие описания соответствовали реальным процессам, происходившим в обществе, сказать трудно.

215. Дословно: «Корзина для переноски кирпичей далека от того, кто носит (ритуальную головную) повязку». Эти корзины носили на голове.

247—248. Наш перевод основан на новом чтении одного знака в 247-й строке; ранее эти строки переводили: «Мчится, как лев, по пути брат старший, // Младший же рад, (коль) осла погоняет».

276. *Нарру* — бог Эллиль.

277. *Зулуммар* — бог Эйа.

297. Последняя строка поэмы, по предположению французского ученого Р. Лабата, представляет собой отголосок заключительных обращений к царю как третьей инстанции, которыми нередко завершались древние ученые диалоги-споры.

И. Клочков

ИЗ ЗАКЛИНАНИЙ «УТЕШЕНИЕ СЕРДЦА БОЖИЯ»

Перевод по изданию: W. G. Lambert. *Dingir.šà dib.ba Incantations*. — «Journal of Near Eastern Studies», vol. 33, (1974), pp. 267—321. По-русски публикуется впервые.

Эти заклинания в I тысячелетии до н. э., по-видимому, объединялись в особую «серию», однако состав ее так и не установился окончательно. Число подобных заклинаний и молитв было огромно, и составители не стеснялись дополнять серию подходящими, по их мнению, текстами. Большинство этих заклинаний обращены к личному богу и богине, покровителям человека, но в серию входят и несколько молитв к великим богам. Состав серии очень пестрый: заклинания, включавшиеся в нее, отличаются как по времени создания, так и по своим литературным достоинствам. Определить художественные достоинства древнего произведения не всегда просто: иногда молитва или заклинание, поражающее

своей образностью и глубоким религиозным чувством, оказывается на поверку лишь набором словесных штампов. И напротив, неуклюжие и даже смешные, на наш взгляд, сравнения могут свидетельствовать о незаурядной оригинальности творца.

Данная серия заклинаний преследовала практическую цель: разжалобить бога-покровителя, смягчить его гнев и тем самым устранить главную причину несчастья.

Таблички с текстами этих заклинаний происходят из Ниневии, Ашшура, Вавилона, Суз и датируются XI—VI веками до н. э.

40. Дословно: «...создавший мое имя».

71—108. Это заклинание представляет собой довольно близкий аккадский перевод шумерской молитвы, известной по четырем спискам старовавилонского времени; в библиотеке Ашшурбанапала сохранились фрагменты новоассирийской таблички, на которой шумерский текст снабжен подстрочным аккадским переводом.

Интересно, что строки 90—91 в шумерском оригинале отсутствуют; строка 90 засвидетельствована в одном двуязычном заклинании старовавилонской эпохи. В строке 91 мы едва ли не впервые встречаем метафору, ставшую постоянной в античной, византийской и новоевропейских литературах. Трудно не вспомнить здесь причитания Павла Ивановича Чичикова: «...чего не потерпел я? Как барка какая-нибудь среди свирепых волн...»

И. Клочков

«ГРЕХ МОЙ, КАК ДЫМ...»

Из заклинаний «Да отпустит»

Перевод по изданию: E. Reiner. *Lipšur Litanies*.— «Journal of Near Eastern Studies», vol. 15 (1956), pp. 129—149. По-русски публикуется впервые.

Практически все сказанное о заклинаниях серии «Утешение сердца божия», относится и к этим заклинаниям.

Сравнения, встречающиеся в приведенном отрывке, неоднократно повторяются в заклинаниях данной серии. Сразу за этими строками следует почти дословное их повторение;

Проклятье, как дым, да поднимется в небо,
Проклятье, как воды, да оставит тело такого-то,
сына его бога,
Проклятье, как плывущая туча, над полем чужим
да прольется,
Проклятье как иламя, да погаснет,

и т. д.

И. Клочков

ДЕЯНИЯ ЦАРЕЙ

«ЭЛЛИЛЬ ДАЛ ТЕБЕ ВЕЛИЧЬЕ...»

Военная песнь Хаммурапи

Текст выполнен в виде двуязычной (шумеро-аккадской) надписи, издан: L. W. King. The Letters and Inscriptions of Hammurabi, King of Babylon. L., 1900, I, p. 112, № 60; III, № VII, pp. 172—176. Написан в правление вавилонского царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.). Аккадский текст является подлинником, шумерский — прозаическим переводом. На русском языке — впервые.

II, 1. Строка досочинена по аналогии с подобными выражениями в других надписях Хаммурапи, последний стих — по аналогии с гимнами богам.

Издатель текста Л.-В. Кинг не исключает, что перед первым стихом было еще одно-два слова, например, обращение: «Хаммурапи, царь могучий!»

И. Дьяконов

«Я — ШАРРУКЕН, ЦАРЬ МОГУЧИЙ...»

Сказание о Саргоне

Поэма, датируемая, вероятно, концом II тысячелетия до н. э. Текст издан в кн.: «Cuneiform Texts from Babylonian Tablets», vol. 13, № 42.

1. *Шаррукен* (или Саргон Древний) — царь города Аккада (см. словарь).

2. «Мать моя — жрица». — Обыкновенно в науке предполагается, что речь идет о верховной жрице-*энту* (см. примеч. на с. 305), считавшейся супругой бога и не имевшей право рожать детей от смертных. Однако еще в III и начале II тысячелетий до н. э. дети верховных жриц (от царя или жреца, исполнявшего роль бога в об-

ряде «священного брака»), по-видимому, были известны и не приносили позора своим матерям.

4. *Ацупирану* — «шафранный городок», «городок крокусов» — из других источников неизвестен.

14. *Черноголовые* — все обитатели Нижней Месопотамии.

18. *Страна морская* — низовья р. Евфрата.

19. *Дильмун* — о. Бахрейн в Персидском заливе.

20. *Дуранки* — «связь небес и земли» — прозвище Ниппура, священного города шумеров и аккадцев.

И. Дьяконов

«АДАДНЕРАРИ, СВЕТЛЫЙ ГОСУДАРЬ...»

Стандартное введение к надписи Ададнерари I,
правителя г. Ашшура

Текст ряда надписей на среднеассирийском диалекте аккадского, XIV века до н. э. Издание: O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. Русский перевод: «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту». — «Вестник древней истории», 1951, № 2, с. 266.

Касситы, кутии, лулумей и шубарейцы. — См. словарь. Касситы в это время владели Вавилонией; шубарейцами в это время назывались хурриты, народ, родственный урартам; здесь — царство Митанни.

Лубду — город, расположенный на восточном берегу Тигра, у устья притока Адем (Азейм); *Ранику* — город на Евфрате, напротив Лубду; *Элухат* — город в Верхней Месопотамии.

Ишшакку — титул правителя г. Ашшура до того, как в нем была установлена царская власть. Ишшакку был жрецом и зависел от городского совета старейшин.

Турукки и Нигимхи — племенные области в горах Западного Ирана.

Кудмұхи — хурритская область в верхнем течении р. Тигра.

Ахламеи, сугии, юрии — западносемитские кочевые племена.

Экур — храм бога Эллиля; здесь, возможно, мир людей и богов вообще.

Муцру — хуррито-урартская область к северу от ассирийских городов, на р. Большом Забе.

И. Дьяконов

«...В НАЧАЛЕ МОЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ...»

Из аниалов царя Ашшурнацирапала II

Текст (на вавилонском литературном языке со многими ассиризмами) издан в кн.: E. A. Budge and L. W. King. *Annals of the Kings Assyria*. I.L, 1900. Русский перевод: «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», ред. И. М. Дьяконов.— «Вестник древней истории», 1951, № 2, с. 285.

I. 43 и II. 58. Страны *Тумме* и *Хабхи* были расположены в горах к северу от Ассирии, более точная локализация не установлена.

III. 101. *Луха*, *Дамдамуса*, *Тэла* и др.— городки на севере Месопотамии.

Шульманушаред — Салманасар I, царь Ассирии (XIII в. до н. э.).

Субнат — один из истоков р. Тигра.

Тиглатпаласар I — царь Ассирии (1115—1077 гг. до н. э.).

Тукульти-Нинурта I — царь Ассирии (конец XIII в. до н. э.).

Ицалла — область в северо-западной Месопотамии.

И. Дьяконов

«АШШУРУ, ОТЦУ БОГОВ, ВЛАДЫКЕ ВЕЛИКОМУ...»

Воинская реляция Саргона II

Военная реляция царя Саргона II ассирийского своему богу написана на литературном вавилонском языке ассирийским почерком на метровой глиняной плите. Основное издание: F. Thureau-Dangin. *L'huitième campagne de Sargon II*, Paris, 1912. Русский перевод с учетом дополнительных фрагментов: «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту». — «Вестник древней истории», 1951, № 2, с. 321.

(5) *Шаррукин* — здесь: Саргон II, царь Ассирии (722—705 гг. до н. э.).

(6) *Месяц ду'узу* — июнь—июль.

Нинигикүг — «ясноглазый» — прозвище бога Эйи.

Калху, *Калах* — одна из столиц Ассирии, ныне село Нимруд.

Замуа, *лулумейская страна* — область в верховьях р. Нижнего Заба, в окраинных горах Иранского нагорья. *Сумбу* — соседняя область.

Зикирту и Андия — небольшие царства в бассейне р. Сефид-руда (Кызыл-узен), впадающей в Каспийское море.

Значков, грядущих передо мною.— Вместо знамен, перед полками в древности носили металлические значки с лентами; на значках изображались божества или их символы.

Владычица богов — Иштар, покровительница гор.

Главой вверху упирается в небо (и т. д.).— Цитата из «Эпоса о Гильгамеше».

Karšu, sumlalû — не отождествленные названия ароматических растений.

Уишдиш, маннейская область — часть Маннейского царства, расположенного к югу и юго-западу от оз. Урмия в совр. Иранском Азербайджане.

Урсá — Руса I, царь Урарту, современник Саргона II.

Уауш — совр. гора Сахенд к востоку от оз. Урмия.

Метатти-зикертец — царь Зикерту, союзник Русы I урартского.

(125) *Синахуцур* — приближенный и, вероятно, родич Саргона II.

Бэру — мера длины, приблизительно равная двум часам хода по ровной местности.

Присяга Ашшура, царя богов.— Автор текста делает вид, будто царь урартский приносил присягу богу Ассирии, что не соответствует действительности.

Турушпá — у р а р т. *Тушна* (арм. *Тосн*) — ныне город Ван, столица древнего Урарту.

Уллусуну — царь Страны Маннеев; сначала сторонник Русы, потом перешел на сторону Саргона.

(309) *Урзана муцацирский* — царь Муцацира, урартского города-государства в верховьях р. Большого Заба, к северу от ассирийских городов. Политически автономный Муцацир был главным местом почитания верховного бога урартов — Халди (Халдии); полагаясь на святость города, урартские цари здесь хранили храмовые и царские богатства.

Эллиль богов Мардук.— Титул «Эллиля» (верховного владыки) богов присваивался как Мардуку, богу Вавилона, так и Ашшуру, богу города Ашшура и всей Ассирии.

Высоким велением Набú и Мардука.— Здесь имеются в виду планеты этих богов — Меркурий и Юпитер, по астрологическим признакам предвещавшие победу Саргона.

Магур, тиароносец — tá-gur₈ (шумер.) — «корабль»; здесь: Месяц.

Гутуум — старинное название народов гор; при толковании примет гадателями название «Гутуум» применялось к Урарту, Мидии и т. п.

Люди Наири и Хабхи — здесь: урарты.

Адад — здесь: гром.

(346) *Сардури, сын Ишпуэни*, — по-видимому, царь Муцацира, младший брат Минуи, сына Ишпуэни, царя Урарту (ок. 800 г. до н. э.).

Аргишти — Аргишти I, царь Урарту в середине VIII века до н. э., в эпоху его наибольшего расцвета, сын Минуи и, по-видимому, дед Русы I.

(426) *Один колесничий...* — Сакраментальная формула, принятая в реляциях к богу; о большем числе потерь богу не принято было докладывать.

Царского ассирийского писца. — Ассирийские цари имели также «арамейских писцов», писавших на западносемитском арамейском языке буквенным письмом чернилами на пергаменте, на черепках и дощечках. К VIII веку до н. э. арамейский язык сильно потеснил уже аккадский в быту ассирийцев и вавилонян.

Эпонимат — акк. *лимм*. Так назывались ежегодно менявшиеся должностные лица, по которым в Ассирии велось летосчисление. Интересно, что эпонима звали Иштардури — литературная вавилонская форма урартского имени Сардури. *Арранха* — ныне г. Керкук (Ирак).

И. Дьяконов

«Я — СИНАХХЕРИБ, ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ...»

Из анналов Синаххериба

Шестигранная глиняная призма с текстом Анналов (так называемая «Призма Тэйлора») датирована 691 годом до н. э. Хранится в Британском музее. Перевод по изданиям: F. Delitzsch. Assyrische Lesestücke. Lpz., 1900, SS. 54—68; Л. А. Липин. «Аккадский (вавилоно-ассирийский) язык», вып. I. Л., 1957. Русский перевод см.: В. А. Белявский. Из Анналов Синаххериба. «Хрестоматия по истории Древнего Востока». М., 1963, с. 221 (I и III походы).

Оригинал написан слегка ритмизированной прозой на нововавилонском (то есть литературном) диалекте аккадского языка с некоторыми ассиризмами.

(I, 1) *Царь обитаемого мира* — букв.: «царь всего». *Великая гора* — первоначально: эпитет бога Эллиля, перенесенный затем на бога Ашшура.

Верхнее море — Средиземное море.

Нижнее море — Персидский залив.

(II, 34) *Страна Хагги* — название Сирии в ассирийских источниках. Далее перечисляются цари, царства и города Сирии, Финикии и Палестины.

Грозные сияния — наводящий ужас ореол, окружавший, по представлениям шумеров и аккадцев, богов и царей.

Амурру — страны Запада.

Хизкия — Езекия, царь Иудеи (715—687 гг. до н. э.).

(V, 5) *Шузубу* — презрительная форма имени Мусеэзб-Мáрдук.

В начале года — весной.

Третий поход Синаххериба описан также в Библии и у греческого историка Геродота. О восьмом походе вавилонская хроника лаконично сообщает: «войско Ассирии потерпело тяжелое поражение».

В. Якобсон

ПИСЬМО АСАРХАДДОНА БОГУ АШШУРУ

Текст на глиняной таблице, написан на литературном вавилонском языке. Издание: Th. Bauer. Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge, VI (XL), 3/4, S. 234. Русский перевод: «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», ред. И. М. Дьяконов.— «Вестник древней истории», 1951, № 3, с. 218.

(1) *Шубрия* — населенное хурритами (позднее, также протоармянами) маленькое царство в горах к северу от истоков р. Тигра.

Ашшурахиддина — аккадская форма имени «Асархаддон». Асархаддон обвинял царя Шубрии в укрывательстве беглецов из Ассирии.

Такому-то — имя в оригинале не указано.

И. Дьяконов

«ШАМАШ, ВЕЛИКИЙ ВЛАДЫКА...»

Запрос царя Асархаддона к оракулу

Текст на глиняной табличке, написан на литературном вавилонском языке (ок. 673 г. до н. э.). Издание в кн.: Kundtson E. A., Assyrische Gebete an den Son-

nengott. Lpz., 1893, № 1. Русский перевод: «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», ред. И. М. Дьяконов.— «Вестник древней истории», 1951, № 3, с. 226.

Месяц айару — соответствует примерно апрелю—маю, *месяц абу* — июлю—августу.

Каштарити (иран. *Хшатрита*) — вождь мидян, восставших против ассирийского гнета. Восстание, по видимому, окончилось установлением независимости Мидии.

Киммерийцы — войско всадников, вторгшихся в Переднюю Азию через Кавказ; здесь этот термин, возможно, включает и скифов.

Мидяне — ираноязычный народ, живший в древности на севере Ирана.

Маннеи — народ, живший в современном Иранском Азербайджане, около оз. Урмия.

Кишассу — крепость в Западной Мидии.

«Прости, если пропущен срок...» — Речь идет об участниках обряда, в частности жрецах-гадателях, не поименованных прямо из магических соображений.

Месяц кисилиму — ноябрь—декабрь.

И. Дьяконов

АННАЛЫ АШШУРБАНАПАЛА И МОЛИТВЫ ШАМАШШУМУКИНА

Публикации текстов: M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Ninives. Teil II, Texte. Lpz., 1916; O. Scheil. Une Saison de Fouilles à Sippar, Memoires de la Délégation en Perse, b. I, pp. 96—97; C. F. Lehmann. Samašsumukin, König von Babylon. Lpz., 1892; C. J. Muller-Weir. RAss. XXV, 1928, f3, pp. 112—113. На русском языке впервые.

Ассирийский царь Ашшурбанапал (668—около 635 гг. до н. э.), создатель знаменитой ниневийской библиотеки, принадлежит к числу значительнейших личностей в истории Ассирии первого тысячелетия до н. э. Он прославился как выдающийся дипломат, талантливый и ловкий политический деятель. Не исключено, что настоящие анналы составлены или хотя бы отредактированы им самим, ибо Ашшурбанапал — чуть ли не единственный заведомо грамотный и образованный царь за всю историю Ассирии со времени Шамши-Адада I (XIX в. до

н. э.). Его учености в значительной мере способствовали события, связанные с его воцарением. Отец Ашшурбанапала, Асархаддон (680—669 гг. до н. э.), назначил наследником ассирийского престола брата Ашшурбанапала, Шамашшумукина (668—648 гг. до н. э.), своего сына, рожденного от вавилонянки. Частично это было сделано, видимо, по личным побуждениям, но и не без влияния соображений чисто политического характера: отец Асархаддона Синаххериб разрушил город древней культуры Вавилон (691 г. до н. э.), буквально стерев его с лица земли, и Асархаддону приходилось исправлять прямолинейную и жестокую политику своего отца. Ашшурбанапала, сына ассирийки, готовили к должности верховного жреца, вот отчего такое внимание было уделено его образованию, о чем не без гордости упоминает он в своих анналах. Под влиянием недовольства ассирийской знати, Асархаддон был вынужден переменить решение: Ашшурбанапал получил ассирийский престол и верховную власть, Шамашшумукин — только подчиненную Ассирии Вавилонию. Внешне между братьями сохранялись прекрасные отношения, о чем свидетельствуют дошедшие до нас письма. Но в течение нескольких лет Шамашшумукин тайне готовил восстание, которое и разразилось примерно ок. 652 (?) года до н. э. В коалицию против Ассирии были привлечены эламитяне, арамеи, мидяне, сирийцы, финикийцы и даже Египет (Ассирия завоевала Египет в 671 г. до н. э., при Асархаддоне). Ассирия оказалась в угрожающем положении. Ашшурбанапала спасла его ловкая дипломатическая политика, а также смуты в Эламе (не исключено, впрочем, что смуты эти не обошлись без его участия). Он расправился с союзниками поодиночке, расстроив и рассеяв коалицию. Незадолго до начала восстания, в конце 653 (?) года до н. э., в Вавилоне произошло лунное затмение, которое Шамашшумукин считал дурным знаком для себя.

Окружив Вавилон и подвергнув его осаде, Ашшурбанапал вынудил жителей города сдаться, а Шамашшумукин покончил с собой, бросившись в огонь. Этим событиям и посвящены публикуемые здесь отрывки из анналов Ашшурбанапала, а также две молитвы Шамашшумукина, в которых вавилонский царь молит богов о милости в предчувствии близкой гибели. Как и большинство ассирийских надписей (если не все), анналы написаны сильно ритмизованной прозой, приближающейся к стихам, что мы и попытались передать в переводе, сохранив разбивку надписи на строки.

I, 13. *Во исполнение обета.*— Ашшурбанапал стремился подчеркнуть в своем введении, что он был заранее и законно назначен на престол.

I, 15—16. То есть Иштар города Ниневии и Иштар города Арбелы. *Шаррат Кидмури* — «царица Кидмурн» — титул Иштар, почитавшейся в городе Кальху.

III, 85 и далее. Речь идет о посольстве, паправленном Шамашшумукином в Ассирию накануне восстания, дабы усыпить бдительность Ашшурбанапала.

III, 98—99. *Арамеи.*— См. словарь. *Страна моря* — обозначение южной части Вавилонии на берегу Персидского залива. *Каба* (или Акаба) — крайний северный пункт вавилонской «Страпы моря». *Баб-салимети* («Врата мпlosti») — портовый город на Евфрате, недалеко от побережья, возможно, южная точка района восстания.

III, 100. *Умманигаш* — эламский царь, ставленник Ашшурбанапала.

III, 103. *Царей кутиев, Амурру и Мелуххи* — то есть мидян, арамеев и египтян. *Мелухха* — в этот период Эфиопия. В Верхнем Египте в это время правила эфиопская династия.

III, 107. *Сиппар и Борсиппа* — вавилонские города, где, готовясь к восстанию, Шамашшумукин в течение нескольких лет возводил укрепления.

III, 112. *Бел* (то есть Господин, Владыка), *сын Бела.*— Здесь, по-видимому, подразумевается Набу, бог мудрости и письма, особо почитаемый в Ассирии в первом тысячелетии до н. э.

IV, 1. *Таммариту* — младший брат Умманигаша, восставший против него и захвативший престол.

IV, 11. *Индабигаш* — эламский царь, свергший Таммариту.

IV, 13. *Теумман* — эламский царь; предшественник Умманигаша, который был разбит Ашшурбанапалом в предыдущем, пятом его походе на Элам. Теумман был убит воинами Ашшурбанапала.

IV, 70—73. Дословно: «Между шеду и ламассу». Речь идет об убийстве деда Ашшурбанапала, Сипаххериба, павшего жертвой дворцового заговора. По-видимому, убийство произошло во дворце около гигантских статуй духов-покровителей в животном облике, охранявших входы во дворцы ассирийских царей.

МОЛИТВА К БОГИНЕ ЦАРПАНИТ

Царпанит — супруга Мардука, здесь, по-видимому, отождествлена с Иштар. Имеется в виду астральный характер Иштар, как планеты Веперы.

Месяц тебет — десятый месяц года (декабрь—январь). Речь идет о лунном затмении, которое случилось, видимо, в 653 году до н. э.

МОЛИТВА К БОГУ НЕРГАЛУ

1. *Мор-Изнуритель — Muštabarrū mutāni* (или *Nibeāni*, букв. «Продляющий чуму») — Нергал, владыка Подземного царства, здесь употреблено его астральное имя: планета Нергала — Марс. В молитве идет речь о тяжелой болезни Шамашшумукпа. О ней говорится и в других его молитвах. Не исключено, что в строке 9—10 есть намек на «грех» — подготовку восстания.

В. Афанасьева

СЛОВАРЬ

В словарь внесены лишь важнейшие собственные, географические и мифологические имена, преимущественно встречающиеся в публикуемых текстах более одного раза. См. также комментарии.

Адад, Адду — бог грома, дождя и бури, почитавшийся в Месопотамии и у арамейев.

Айа — аккадская богиня, супруга бога Шамаша, отождествлялась с шумерской богиней Шенирдой. Прозвище — «Невеста».

Аккадэ — город на Евфрате, возвысившийся и ставший столицей при Саргоне, точное местонахождение не установлено. По городу получил название Аккад — часть Месопотамии, лежащая между Тигром и Евфратом, около современного Багдада. В III тысячелетии до н. э. Аккад и области к северу от него были заселены преимущественно семитоязычным населением (восточными семитами, аккадцами), в отличие от шумерского юга страны, Шумера.

Ала́ла (Ала́ли) — клич пахаря; божество плодородия у древних хурритов.

Амúрру («Запад») — страны, лежащие к западу от Евфрата, и народы, их паселявшие.

Анзú(ð) (шумер.) — мифологический огромный орел, иногда мыслившийся с львиной головой — персонификация грозового облака.

Анту — богиня, супруга бога Ану.

Ану (шумер. *Ан*) — бог неба, в шумеро-аккадском пантеоне — глава верховной триады богов, в которую входили также Эллиль (шумер. *Энлилль*) и Эйя (шумер. *Энки*). Бог города Урука в Шумере.

Анунна́ки — божества шумеро-аккадского пантеона, действовавшие преимущественно на земле и в подземном мире. Они определяли судьбы людей и были судьями в Преисподней. Ср.: *Игиги*.

Аншар и *Кúшар* («Круг неба» и «Круг земли») — божественная пара, рожденная древнейшими богами, Лахму и Лахаму, очевидно, олицетворение горизонта, две

неразрывно связанные линии, отделяющие небо и землю друг от друга. У ассирийцев Аншар отождествлялся с Ашшуром (см.).

Апкáллу («мудрец») — любой из семи легендарных мудрецов, обитающих в Бездне (*Апсú*). В поэме об Эрре они участвуют в изготовлении новой статуи Мардука. Также общее название мудреца.

Апсú («Бездна») — подземный пресноводный океан, на котором покоится земля, а также название чертогов бога Эйи; в храмах «апсú» назывался бронзовый котел для ритуальных действий с водой.

Арамéи — семитские племена, обитавшие в Сирийской степи; в конце II тысячелетия до н. э. арамеи вторглись в Месопотамию, где осели и захватили власть в ряде городов. В течение первой половины первого тысячелетия до н. э. арамейский язык постепенно вытеснил в обыденной жизни Передней Азии, включая Месопотамию, диалекты аккадского языка — вавилонский и ассирийский, а также местные языки Сирии, Финикии и Палестины. На арамейском языке говорит современный переднеазиатский народ — ассирийцы (нужно отличать от древних ассирийцев, которые говорили по-аккадски).

Арúру — богиня-прародительница, одна из древнейших богинь шумеро-аккадского (и, вероятно, еще дошумерского) пантеона, создательница людей; отождествлялась с Мами и некоторыми другими богинями, в том числе с Нинхурсаг, олицетворявшей плодородие.

Асáкку (шумер. *Асаг*) — разновидность злых демонов, демон болезни.

Асаллúхи — первоначально бог маленького города Куара близ Эреду в южном Шумере; ко времени Хаммурапи был отождествлен с богом Мардуком; призывался при заклинаниях.

Асархаддóн — ассирийский царь (680—669 гг. до н. э.), младший сын Сипаххериба, занявший престол после недолгой борьбы со своими братьями. Он восстановил Вавилон, разрушенный его отцом, и начал завоевание Египта.

*Атрахáсúс*¹ («весьма премудрый») — имя или прозвище разных древних героев, в частности, героя, пережившего всемирный потоп.

Ашшур — верховный бог с ассирийского пантеона. Первоначально Ашшур — местное божество, покровитель

¹ Два знака ударения ставятся либо когда возможно любое из них, либо в очень длинных именах,

города Ашшура. Позже ассирийские цари старались отождествить Ашшура с Энлилем, Аншаром и Мардуком.

Ашшурбанáпал — последний великий царь Ассирии (668—635 (?) гг. до н. э.), сын Асархаддона. Отец назвал его своим преемником, сделав старшего сына, Шамашшумукина, царем Вавилона. В 651—648 годах до н. э. между братьями шла ожесточенная война, закончившаяся взятием Вавилона и гибелью Шамашшумукина. При Ашшурбанáпале был завоеван Египет.

Ба́у (Ба́бу, Ба́ба) — шумерская богиня.

Бел («Владыка», «Господин») — то же, что Ваал, Ба'ал у семитских народов — любой местный верховный бог; в Месопотамии отождествлялся с Энлилем шумеров, затем с Мардуком вавилонян.

Бéлет («Владычица») — прозвище разных богинь, см.: *Нинлиль, Царпанит, Иштар*.

Белáли — одна из древнейших богинь, почитавшаяся в Уруке; о ее функциях судить трудно.

Борсýппа (совр. Бирс-Нимру́д) — город, расположенный на правом берегу Евфрата, вблизи Вавилона.

Вэ́р (Вé'эр) — одна из ипостасей бога грома и дождя Адду.

Гештинанна — богиня, олицетворявшая таинственные силы, заключенные в винограде и вообще в растительности, сестра бога Думузи, покровителя скотоводства; поочередно с ним по полгода пребывает в Подземном царстве.

Гýбил, Гýрра, Гýрру — бог огня.

Гýла — богиня врачевания; ее эмблемой была собака.

Гушкинба́нда — один из семи мудрецов.

Дага́н — бог растительности, бури и дождя; важнейший центр его почитания — город Туттуль на среднем Евфрате.

Да́кса (возможно чтение «Парса»?) — вероятно, другое название города *Дур-Куригальзу*.

Дамкýна — божественная супруга Эйи, мать бога Мардука.

Да́му — божество, почитавшееся в городе Иссине. Кроме того, известен бог Даму, которому поклонялись в Уруке; этот Даму близко напоминает Думузи.

Дер (совр. Ба́дра) — город в предгорьях Загроса, на пути из Вавилона в Элам.

Дильмун — остров Бахрейн, в древности важнейший центр морской торговли с Индией и Аравией. В мифологии — «райская» страна.

Димкуркúрра (шумер.) («связь всех стран») — эпитет Вавилона.

Думúзи — шумерский бог, покровитель скотоводов, возлюбленный богини Инаппы (Иштар); полгода пребывает в Подземном царстве в очередь со своей сестрой Гештинанной.

Дур-Куригáльзу (совр. Акаркúф) — одна из столиц Вавилонии, город, построенный касситским царем Куригальзу в середине II тысячелетия до н. э. на Тигре, несколько ниже современного Багдада.

Зербанíту. — См.: *Царпанит*.

Игúзи — особая категория (род или фратрия?) божеств шумеро-аккадского пантеона, боги — обитатели небес (кроме Нергала, бога Преисподней, тоже принадлежавшего к И.). Ср.: *Ануннаки*.

Имгур-Эллиль («Эллиль соизволил») — название внутренней стены Вавилона.

Ина́нна — богиня любви, распри и войны, одна из важнейших божеств шумеро-аккадского пантеона. Инанна считалась дочерью бога Луны Нанпы (акк. *Син*), сестрой бога солнца Уту (акк. *Шамаш*), или дочерью *Ану*. Отождествлялась с аккадской богиней *Иштар* (см.).

Иркáлла — божество, персонифицирующее Преисподнюю; вообще Преисподняя.

Ирн́ни («Победительница») — одно из имен Иштар.

Йссин (совр. Бахри́ят) — город, расположенный к юго-западу от Ниппура, в начале II тысячелетия до н. э. и снова в конце II тысячелетия до н. э. — столица значительного государства и один из известнейших центров клинописной культуры.

Йштар — вавилоно-ассирийская богиня любви, плодородия и войны, отождествлявшаяся с Инанной. Астральное соответствие — планета Венера. В образе Иштар, по видимому, слились черты нескольких божеств.

Иштарáн — бог — покровитель города Дера.

Ишхáра — одна из древнейших богинь плодородия аккадского пантеона, вероятно еще дошумерская; иногда отождествлялась с Иштар.

Йшум — советник бога Эрры; бог огня.

Касситы — горный народ, вторгшийся в Месопотамию с востока во II тысячелетии до н. э.

Кингу — предводитель чудовищ, созданных Тиамат для борьбы с богами. Согласно поэме «Когда вверху...», именно на его крови боги замесили глину, из которой вылепили первых людей; ср. также: «Когда боги, подобно людям...» (Сказание об Атрахасисе), I, 208—243.

Кута, *Куту* (совр. Телль-Ибрагим) — город, расположенный между Тигром и Евфратом, к северо-востоку от Вавилона, место культа бога Преисподней Нергала; в переносном смысле — название Преисподней.

Кутии — горные племена, населявшие горы Ирапа. В III тысячелетии до н. э. кутии вторглись в Месопотамию и почти сто лет хозяйничали на севере страны, пока не были изгнаны урукским царем Утухэнгалем.

Лабасу — злой демон.

Ламассу.— См.: *Шеду* и *Ламассу*.

Ламашту — недобрая демоница, насылающая на людей, особенно на детей, болезни и несчастья.

Лакхму и *Лакхму* — старейшая пара богов, порожденная Тиамат и Апсу; может быть, персонификация наносов ила в первозданном океане; также прозвище божеств Эйи и Дамкины (см.).

Лилит — злая демоница (суккуба), посещающая по ночам мужчин.

Лилу — злой демон (инкуб), являющийся по ночам женщинам; от союза с ним рождаются демоны и оборотни.

Лулубеи (лулумей) — горные племена, жившие к востоку от Ассирии.

Магур — ладья, в которой по небу путешествует бог Луны; Месяц.

Мами и *Мамет* — богиня-прародительница. См.: *Аруру*.

Мардук — первоначально: местный бог Вавилона. По мере роста могущества этого города росло и значение Мардука: в старовавилонский период Мардук становится главой вавилонского пантеона. Мардук считался сыном Эйи и Дамкины, супругом богини Царпанит, отцом бога Набу. Отождествлялся с *Асаллухи*.

Мелухха — отдаленная страна, с которой шумеры вели морскую торговлю. Находилась на западном побережье Индостанского полуострова. В позднюю эпоху этим термином обозначали Нильскую Эфиопию.

Мухра — один из стражей врат Подземного царства.

Набу́ — бог — покровитель наук и учености, «писец в собрании богов»; считался сыном бога Мардука. Бог города Борсиппы.

На́мму — богиня морских вод, мать бога Энки, сотворившая людей для того, чтобы облегчить жизнь богов. Возможно, отождествлялась также с Тиамат.

На́мтар (шумер.) («судьба») — посланец богини Эрешкигаль; являющийся умирающему и уводящий его в Преисподнюю.

На́нна — бог Луны, шумерское имя бога *Сина* (см.); также **На́ннар** — аккадская народная этимология, букв.: «светоч».

Не́ргал — бог Преисподней, супруг богини Эрешкигаль; считался сыном Энлиля и Нинлиль. См. также *Эрра*.

Нина́галь — один из семи мудрецов.

Нингиззидá — одно из божеств подземного мира, «носитель трона» в Преисподней.

Нини́гикүг («Владыка ясноглазый») — шумерский эпитет бога Энки-Эйи.

Нини́льзу — один из семи мудрецов.

Нинли́ль — богиня зерна, супруга бога Энлиля.

Нинменáнна (шумер.) — богиня родов.

Нинсу́н — богиня, «владычица диких коров», «владычица загона»; считалась матерью героя Гильгамеша. К этой же богине возводили свое происхождение цари III династии Ура — Ур-Намму и Шульги.

Нинтү́ — богиня-мать, покровительница рожениц; отождествлялась с богиней Мами и др.

Нинү́рта — бог войны, сын Энлиля и Нинлиль, супруг богини Бау.

Ниппур (совр. Ниффер) — древний город; был религиозным центром Шумера.

Нисáба — богиня растительности — хлеба и тростника; покровительница искусства письма.

Нудиммү́д («Созидающий», «Рождающий») — эпитет бога Энки (Эйа).

Нү́ску — бог полуденного солнца, жары, огня; «великий везирь Энлиля».

Са́ккан. — См.: *Сумүка́н*.

Сангхульха́за (шумер.) — демон-разрушитель.

Саргóн (Шаррукен) — царь Аккада (2316—2261 гг. до н. э.), создатель династии Аккада, первого крупного политического объединения, охватывавшего всю территорию Месопотамии.

Саргóн II (Шаррукпи) — ассирийский царь (721—

705 гг. до н. э.); вел успешные войны с западными соседями, а также с Эламом и Урарту.

Сарíа — ныне гора Гермон у Голанских высот, на границе Сирии и Палестины.

Сибíтти («Семерка») — семь злых демонов, насылающих на людей болезни; спутники бога Эрры.

Син (шумер. *Нáнна*, *Зу́н*) — бог Луны, первородный сын Энлиля (Эллиля).

Синаххерíб — ассирийский царь (704—681 гг. до н. э.), сын Саргона II. Вел упорную борьбу с вавилоно-эламским союзом, закончившуюся полным разрушением Вавилона. Погиб в результате заговора, в котором участвовали и его старшие сыновья.

Сúппáр (совр. Абу-Хáбба) — древний город в Двуречье, на севере Вавилонии, немного южнее совр. Багдада.

Субарéц (хурриты) — группа племен, обитавшая на Армянском нагорье и в Верхней Месопотамии в III—II тысячелетиях до н. э.; в горах дожили до первого тысячелетия до н. э., смешались с армянами.

Сумýкáн, *Сáккан*, *Шáккан* — бог — покровитель степных животных.

Сýтии — многочисленные степные племена, обитавшие во II тысячелетии до н. э. в Сирийской степи, по среднему течению Евфрата.

Тáммýз. — См.: *Думузи*.

Тиáмат, *Тиáмту* (букв.: «Море») — древнейшая богиня, враг младшего поколения богов.

Турýру — одно из имен богини Иштар.

Урýк (совр. *Вáрка*) — один из древнейших и крупнейших городов на самом юге Шумера.

Уршанáби — перевозчик Утнапишти через Мировую реку и Воды смерти. Имя его означает «Служитель одной трети» — именно той трети, которая в Гильгамеше представляет человеческое естество.

Утнапишти[м] (шумер. Зиусудра) — мифический царь древнего шумерского города Шуриппака, пользовавшийся покровительством Эйи и переживший потоп. Ср.: *Атрахасис*. Имя «Уга-напишта» (так первоначально) значит: «Я нашел жизнь».

Халдéи — семитские племена, наводнившие в первой половине первого тысячелетия до н. э. Южное Двуречье и поддерживавшие Вавилонию в ее борьбе с ассирийцами. В 626 году до н. э. на вавилонский престол вступает

халдей Набопаласар, при преемнике которого, Навуходосоре II, Вавилония достигает наивысшего могущества и расцвета.

Хендурса́нга (шумер.) («Прекрасный скипетр») — имя шумерского божества, по-видимому, двуполого, отождествляющегося с Ишумом.

Царпані́ту, Царпані́т (Зербані́ту) — божественная супруга Мардука.

Ша́ккай — то же, что *Сумукан* (см.).

Ша́маш (шумер. *Уту́*) — всевидящий бог Солнца, небесный судия и защитник справедливости, покровитель предсказателей и гадателей.

Ша́машшумуки́н — сын ассирийского царя Асархаддона от жены-вавилонянки. Вероятно, под давлением ассирийской знати Асархаддон назначил своим преемником его единокровного брата Ашшурбанапала. Шамашшумукин стал царем Вавилона, зависимого от Ассирии. В 651 году до н. э. Шамашшумукин восстал против брата; несколько лет шла война, но в 648 году до н. э. ассирийцы взяли Вавилон, и Шамашшумукин сжег себя в своем дворце.

Ше́ду и ламассу — добрые духи-хранители, оберегающие человека. Ламассу — персонификация индивидуальности человека, может быть, первоначально дух плаценты; шеду — олицетворение его сексуальной потенции и жизненных сил. Женщины, возможно, имели только ламассу. Есть предположение, что известные ассирийские скульптуры крылатых быков изображают шеду.

Шуа́нна (шумер.) («Рука небес») — один из эпитетов Вавилона.

Шубаре́йцы. — См.: *субареи*.

Шульпа́э (букв.: «Светлый герой») — астральное божество (планета Юпитер).

Шуру́ппак, Шури́ппак (совр. Фара) — древний город в Южном Двуречье.

Эа. — См.: *Эйа*.

Эан(н)а («Дом небес») — главный храм в Уруке, посвященный богу Ану и его дочери, богине Инанне.

Эвеле́й — река в Эламе (см.).

Эга́льмах — название храма.

Эзи́да — храм бога Набу в Борсиппе.

Э́йа (старое чтение *Эа*; шумер. *Энки*) — бог мировых пресных вод, владыка мудрости и хранитель чело-

веческих судеб. Вместе с Ану и Эллилем составлял верховную триаду богов в шумеро-аккадском пантеоне.

Экúр — храм бога Эллиля в Ниппуре.

Элам — древнее государство на юге Ирана, восточный сосед и извечный враг Шумера, Вавилонии и Ассирии.

Эллиль (шумер. *Энлílль*) — бог воздуха и земли, верховный владыка всего, что находится между небом и мировым океаном, на котором плавает земля. Вместе с Ану и Эйей составлял верховную триаду богов в шумеро-аккадском пантеоне.

Эмахтíла — святилище в Вавилоне.

Эмеслám (шумер.) — главный храм Нергала (и отождествляющегося с ним Эрры) в городе *Куте*.

Энги́дуду («Владыка, блуждающий в ночи») — эпитет бога Ишума.

Энлílль. — См.: *Эллиль*.

Эрагáль — то же, что Нергал, бог Преисподней.

Эредú (совр. Абу-Шахрайн) — один из древнейших городов на юге Двуречья, место культа бога Энки-Эйи.

Эрэшкигáль — богиня, царица подземного мира.

Эрра — бог чумы; часто прозвище *Нергала*.

Эсагíл(а) — храм бога Мардука в Вавилоне.

Эта́на — один из первых слепопотопных шумерских царей, летавший, согласно легенде, на небо на орле.

Этеменáнки («Дом — Основание Небес и Земли») — название зиккурата (ступенчатой башни) при вавилонском храме Мардука Эсагиле.

Эугáль — храм в городе Даксо (Дур-Куригальзу).

Эхалáнки («Дом — Средоточие Небес и Земли») — храм Царпанит.

Эхурсаггалькуркúрра — главный храм бога Лшшура, расположенный в городе Ашшуре.

Эшáрра — храм, построенный Мардуком, как точное подобие чертога бога Эйи, Апсу.

Эангúра — храм бога Энки (Эйи) в Эреду (позже, по-видимому, в городе Уре).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Афанасьева. Предисловие</i>	<i>5</i>
---	----------

ДЕЯНИЯ БОГОВ

«Когда вверху...» — «Энума элиш». Поэма о сотворении мира. <i>Перевод В. Афанасьевой</i>	<i>32</i>
«Когда боги, подобно людям...» Сказание об Атрахасисе. <i>Перевод В. Афанасьевой</i>	<i>51</i>
«Когда пир устроили боги...» Поэма о Нергале и Эрешкигаль (Ранняя версия из Телль-эль-Амарины). <i>Перевод В. Афанасьевой</i>	<i>76</i>
«Царицу народов хочу я восславить...» Эпическая поэма о Нергале и Эрешкигаль (Ассирийская версия). <i>Перевод В. Афанасьевой</i>	<i>79</i>
«К стране безысходной...» Сошествие Иштар в Преисподнюю. <i>Перевод В. Шилейко</i>	<i>92</i>
«Царь всех обиталищ...» Поэма о боге чумы Эрре. <i>Перевод В. Якобсона</i>	<i>98</i>

ПОДВИГИ ГЕРОЕВ

«О все выдавшем» со слов Син-лике-уннинни, заклинателя. Эпос о Гильгамеше. <i>Перевод И. Дьяконова</i>	<i>122</i>
--	------------

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЖИЗНЬ

«Эйа Ир'емума любит...» Любовное заклинание. <i>Перевод И. Дьяконова</i>	<i>196</i>
«Оставь попреки!...» Диалог двух влюбленных. <i>Перевод В. Афанасьевой</i>	<i>197</i>
«В водах потока...» Заклинание для роженицы. <i>Перевод В. Афанасьевой</i>	<i>200</i>
«Телица тяжелая...» Заклинание для роженицы. <i>Перевод В. Афанасьевой</i>	<i>201</i>
«Житель потемок прочь из потемок...» Колыбельная песня-заговор из Ашшура. <i>Перевод В. Шилейко</i>	<i>201</i>

«Когда Ану сотворил небо...» Заговор против зубной боли. Перевод В. Афанасьевой	202
«Раб, повинуйся мне!..» Разговор господина с рабом. Пе- ревод В. Якобсона	204
«Ниппурец, муж смиренный и бедный...» Сказка о нип- пурском бедняке. Перевод И. Клочкова	208
«Для чего, словно барка...» Плач-заклинание. Перевод В. Шилейко	213

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БОГ

«Муж со стенанием...» Старозавилонская поэма о Невин- ном страдальце. Перевод И. Клочкова	216
«Владыку мудрости хочу восславить...» Из среднега- вилонской поэмы о Невинном страдальце. Таблица II. Перевод В. Афанасьевой	217
«Уснули князья...» Молитва к ночным богам. Перевод В. Шилейко	221
«Вышла она на простор...» Из книги заклинаний. Перевод В. Шилейко	222
«Шамаш, когда ты восходишь...» Заклинание Солнца. Пе- ревод В. Шилейко	224
«Скорбь, как воды речные...» Из заклинаний. Перевод В. Шилейко	226
«Тебе — мольбы мои, владык владычица, богинь богиня!..» Заклинание-молитва к Иштар. Перевод В. Афанасьевой	228
«Хорошо молиться тебе...» Заклинание-молитва к Иштар. Перевод В. Афанасьевой	232
«Могучий, пресветлый, муж Эреду...» Заклинание-молитва к Мардуку. Перевод В. Афанасьевой	233
«Мудрый муж, постой, я хочу сказать тебе...» «Вавилон- ская теодицея». Перевод И. Клочкова	235
Из заклинаний «Утешение сердца божия». Перевод И. Клочкова	242
«Грех мой, как дым...» Из заклинаний «Да отпустит». Перевод И. Клочкова	245

ДЕЯНИЯ ЦАРЕЙ

«Эллиль дал тебе величье...» Военная песнь Хаммурапи. Перевод И. Дьяконова	248
«Я — Шаррукен, царь могучий...» Сказание о Саргоне Перевод И. Дьяконова	249
«Ададнерари, светлый государь...» Из надписи Ададнера- ри I Перевод И. Дьяконова	250

«...В начале моего царствования...» Из анналов царя Ашшурнацирапала II. Перевод И. Дьяконова	251
«Ашшуру, отцу богов, владыке великому...» Воинская реляция Саргона II. Перевод И. Дьяконова	253
«Я — Синаххериб, великий царь...» Из анналов Синаххериба. Перевод В. Якобсона	264
Письмо Асархаддона богу Ашшуру. Перевод И. Дьяконова	269
«Шамаш, великий владыка...» Запрос царя Асархаддона к оракулу. Перевод И. Дьяконова	272
«Я, Ашшурбанапал, творение Ашшура и Белет...» Из анналов Ашшурбанапала. Перевод В. Афанасьевой	274
Молитва Шамашшумукина к богине Царпацит. Перевод В. Афанасьевой	281
«Мор-Изнуритель, владыка великий...» Молитва Шамашшумукина к богу Цергалу. Перевод В. Афанасьевой	282
Комментарии	283
Словарь	340

Я11 Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии. Пер. с аккад. /Сост. В. К. Афанасьевой и И. М. Дьяконова; Предисл. В. К. Афанасьевой; Коммент. В. К. Афанасьевой, И. М. Дьяконова, И. С. Ключкова и В. А. Якобсона.— М.: Худож. лит., 1981.— 351 с.

В сборник вошли лучшие образцы вавилоно-ассирийской словесности: знаменитый «Эпос о Гильгамеше», сказание об Атрахасисе, эпическая поэма о Нергале и Эрешкигаль и другие поэмы, «Диалог двух влюбленных», «Разговор господина с рабом», «Вавилонская теодицея», «Сказка о ниппурском бедняке», заклинания-молитвы, заговоры, анналы, надписи, реляции ассирийских царей.

Я 70304-288 198—80 4703000000
028(01)-81

А

Я ОТКРОЮ ТЕБЕ СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

Редактор

М. Малышев

Художественный редактор

Г. Масляненко

Технический редактор

Г. Лысенкова

Корректор

Г. Асланянц

ИБ № 1775

Сдано в набор 09.07.80. Подписано
в печать 24.11.80. Формат 70×90¹/₃₂.
Бумага типограф. № 1. Гарнитура
обыкновенная новая. Печать вы-
сокая 12,837 усл. печ. л., 17,072
уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. За-
каз № 924-0. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Зна-
мени издательство «Художествен-
ная литература». 107882, ГСП,
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Львовская книжная фабрика «Ат-
лас» республиканского производ-
ственного объединения «Поли-
графкнига» Госкомиздата Совета
Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной
торговли. 290005 Львов, Зеле-
ная, 20